легенды оттепели

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА

Виктор Есипов

РИПОЛ КЛАССИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кого любил Василий Аксенов – один из самых скандальных и ярких «шестидесятников» и стиляг? Кого ненавидел? Зачем он переписывался с Бродским и что скрывал от самых близких людей? И как смог прожить четыре жизни в одной? Ответы на эти непростые вопросы – в мемуарной книге «Четыре жизни Василия Аксенова».

- Виктор Есипов
  -
  - У Аксенова
  - Об этой книге
  - Четыре жизни Василия Аксенова
  - Конфликт с Иосифом Бродским
  - Евгения Гинзбург и Василий Аксенов
  - Василий Аксенов и его поколение в романе «Таинственная страсть»
  - «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова И «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева
  - Василий Аксенов в литературном процессе конца семидесятых годах прошлого века
  - Предисловие к книге Василия Аксенова «Ква-каем, ква-каем»
  - Последний старт Василия Аксенова
  - «Аксенов может жить только номером первым…»
  - Вступительные тексты к журнальным публикациям
    - «Анфан террибль и его родители»
    - «Что делать, если зараза въелась крепко…»
    - «…Развели по двум разным концам земли…»
    - Вокруг калифорнийской конференции по русской литературе
    - «Кто является истинными героями современной России?»
    - Заявка на художественный фильм «Диссидент»
    - Документ эпохи
  - «В край недоступных Фудзиям…»
  - Приложения
    - Семейное древо Василия Аксенова
    - Список кинофильмов и сценариев по книгам Василия Аксенова
    - Материалы для составления библиографии Василия Аксенова

- Из библиографии Аксенова
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86

- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130

- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143

Виктор Есипов
Четыре жизни Василия Аксенова

© Вогман В. М, текст, 2016
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

У Аксенова

Квартира в сталинской высотке,
Здесь, круглолиц, усы, как щетки,
Под звук небесных саксофонов
Нетленку создает Аксенов.
Здесь потолки – четыре метра,
Скрывают лоджии от ветра,
Здесь вкус заметен в интерьере,
И для друзей открыты двери.
Здесь выпито немало водки,
Бифштекс шкварчит на сковородке,
И виды из окна такие,
Что не найдешь во всей России.
И ни во всей первопрестольной:
Иван Великий-колокольня,
Весь Кремль в окне – как на ладони…
А он стоит на этом фоне,
Овеянный хулой и славой,
Не молодой уже, но бравый,
С серьезно-ироничным взглядом, —
Передо мной, напротив, рядом!
Он жестом: «Подойди поближе!» —
Я подхожу к окну и вижу…
Ту надпись не забыть вовеки:
«1949 год. Строили зэки».

Об этой книге

С Василием Аксеновым тесные отношения связывали меня с 2003 года – тогда он предложил нам, мне и моей жене Ирине Радченко, быть его представителями в отечественных издательствах и редакциях журналов. Впрочем, не только в отечественных: приходилось общаться и с китайскими издателями, и с европейскими. С сентября 2005 года, когда Ирины не стало, мне пришлось выполнять эти обязанности одному. А после ухода Василия (6 июля 2009-го) я стал доверенным лицом (и не только по литературным вопросам) его вдовы Майи (1930–2014).

Вот поэтому на мою долю выпало разбирать американский архив знаменитого писателя, имя которого хорошо известно не только в России, но и в США, и во Франции, и в других странах мира. Эта работа началась в 2010 году после того, как племянник Майи Александр Змеул вывез буквально на руках (не рискуя сдавать бесценный груз в багаж) множество папок с литературными материалами из американской квартиры Аксеновых. Разбор материалов архива занял шесть лет жизни. Результатом работы стали три составленные и прокомментированные мною книги по материалам аксеновского архива: *«Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции»* (Астрель, 2012), *Василий Аксенов «Одно сплошное Карузо»* (Эксмо, 2014), *Василий Аксенов «Ловите голубиную почту». Письма (1940–1990)* (АСТ, 2015). В первую книгу вошли также собранные мною воспоминания друзей и современников о писателе, в том числе и мои собственные воспоминания.

Аксеновские тексты, вошедшие в упомянутые книги, ежегодно публиковались в журналах «Вопросы литературы», «Октябрь», «Знамя», «Казань». Каждая такая публикация предварялась моим вступительным текстом.

Кроме того, я участвовал в трех международных конференциях, посвященных творчеству Василия Аксенова: в г. Александрия (США, штат Вирджиния, 2010); в Москве, в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (2012); в Казани, в Казанском университете (2014).

Выступления на упомянутых конференциях и некоторые вступительные тексты к публикациям в периодике входят в настоящую книгу. Специально для книги была написана работа о конфликте между Василием Аксеновым и Иосифом Бродским. Конфликт возник, как известно, в связи с отрицательным отзывом Бродского на роман Аксенова «Ожог», который задержал

вхождение Аксенова в американскую литературную жизнь на три года. В работе использованы все известные мне на сегодняшний день литературные материалы, касающиеся этого конфликта.

Включены в настоящую книгу предисловие к незавершенному роману «Ленд-лизовские» (Эксмо, 2010), который был предоставлен мною в том же году журналу «Октябрь» и издательству «Эксмо» для публикации, а также предисловие к упомянутой книге «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции» и некоторые другие принадлежащие мне тексты.

Также представилось целесообразным опубликовать здесь в качестве приложений некоторые материалы прикладного характера, которые могут быть востребованы будущими исследователями творчества и биографии Василия Аксенова: своего рода семейное древо семьи Аксеновых, список кинофильмов и сценариев по книгам писателя, библиографию его произведений, которая не претендует на исчерпывающую полноту, но тоже может оказаться кому-то полезной.

Четыре жизни Василия Аксенова (Предисловие к книге «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции)

Биография писателя Василия Аксенова, широко известного не только в России, но и в мире, настолько богата событиями, будто он прожил несколько жизней. Родился в 1932 году в Казани в благополучной советской семье: отец – председатель горсовета, мать – преподаватель пединститута и завотделом культуры газеты «Красная Татария». Счастливые первые годы. Затем арест родителей, спецприемник для детей «врагов народа», многодетная семья тетки, в 1948-м поездка в Магадан к находящейся на поселении матери (по существу, знакомство с ней). В Магадане Василий оканчивает среднюю школу и с аттестатом зрелости возвращается в Казань, где в 1950-м поступает в мединститут: профессия врача самая безопасная и житейски полезная для сына лагерников и, значит, потенциального лагерника.

В марте 1953-го умирает Сталин. Вдруг буквально ниоткуда появляются так называемые стиляги, первая субкультура в Советском Союзе. Стиляг привлекает все западное: они любят западное кино и джаз, восхищаются Америкой. Это стихийная, не вполне осознаваемая ее участниками форма протеста против советского тоталитаризма. Василий увлечен этим новшеством: у него прическа с коком, вычурная одежда, он не упускает случая послушать джаз. В том же, 1953 году он переводится в Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова, который оканчивает в 1956-м. Работает врачом в Ленинградском морском порту, в поселке Вознесение на Онежском озере, в Московском областном туберкулезном диспансере. В 1957 году женится на красавице Кире Менделевой.

Жизнь в стране начинает меняться. После прошедшего в апреле 1956 года XX съезда правящей коммунистической партии, на котором лидер коммунистов Никита Хрущев разоблачил преступления сталинского режима, идет массовая реабилитация незаконно репрессированных. Начинается политическая оттепель. В литературе одно за другим появляются новые имена. Возникают новые журналы и альманахи, открываются новые театры. Выходят кинофильмы, появление которых еще несколько лет назад было бы невозможно.

С этими изменениями совпали и изменения в жизни молодого врача Василия Аксенова. Так, в 1959 году известный советский писатель Валентин Катаев, главный редактор недавно созданного журнала «Юность», публикует в нем два рассказа безвестного медика. Рассказывали, что Катаев подписал их в номер, даже не дочитав до конца, восхитившись двумя метафорами начинающего прозаика. А вскоре, в 1961 году, там же выходят повести «Коллеги» и «Звездный билет». В советской литературе появляется новый герой[1] – с нравственными исканиями, презирающий советские штампы, тянущийся к западной культуре, в частности к джазу. У этого героя своя лексика с оттенками иронии и критическими нотками по отношению к окружающей его действительности. Зоя Богуславская отметила в свое время: то ли Аксенов внес в литературу городской молодежный сленг начала шестидесятых, то ли молодежь заговорила языком его героев. Наверное, и то и другое: лексика героев аксеновских повестей и язык улицы – это были как бы два сообщающихся сосуда…

Аксенов становится знаменитым, он буквально врывается в литературу так называемых шестидесятников и становится одним из лидеров нового поколения. Нового во всем: в отношении к творчеству, в художественном стиле, в стиле жизни, в одежде и манере поведения.

Александр Кабаков в недавно изданной совместно с Евгением Поповым книге «Аксенов» описал это вхождение их героя в литературную среду весьма экспрессивно: «И вот Вася оказывается среди этих нехудо одетых, но совершенно ему чуждых монстров, богатырей совписа. А с другой стороны – и ровесники Васины не отстают, шлюзы оттепелью открыты. <…> Вот, пожалуйста, Евгений Александрович Евтушенко. В этом случае, конечно, не столько об элегантности следует говорить, сколько об экстравагантности, но экстравагантности первосортной… А Андрей Андреевич Вознесенский! Человек, показавший всему СССР, что такое шейный платок! А Белла Ахмадулина в скромненьком черном платьице, которое вечно в моде и называется маленькое черное платье, в точно таком же платье, как Эдит Пиаф! <…> И тут: здрасьте, я Вася. А что происходит дальше? А дальше Вася становится номер один – ну, или около того – среди них как автор, и Вася становится номер один среди них как стиляга! Суть вот в чем: Аксенов может жить только номером первым, он просто сориентирован с молодости на это, он возмещает Казань, нищету, всю эту как бы второсортность сына „врага народа“ – и теперь он номер один».

Так началась вторая жизнь Василия Аксенова. Он много

пишет и печатается, его рассказы, повести и романы с восторгом принимаются читателями, особенно молодежью: «На полпути к луне» («Новый мир», 1962, № 7), «Апельсины из Марокко» («Юность», 1963, №i), «Товарищ Красивый Фуражкин» («Юность», 1964), «Катапульта» («Советский писатель», 1964), «Пора, мой друг, пора» («Молодая гвардия», 1965), «На полпути к луне» («Советская Россия», 1966), «Затоваренная бочкотара» («Юность», 1968, № 3), «Жаль, что вас не было с нами» («Советский писатель», 1969). Но этот успех сопровождается неослабевающими нападками ревнителей лживой коммунистической морали и драматическими эпизодами непосредственного общения с властью. Например, с Никитой Хрущевым во время встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в Кремле в марте 1963 года, где глава государства кричал и топал ногами на него и на Андрея Вознесенского.

Между тем время благотворных перемен в истории страны, время политической оттепели закончилось быстро: в октябре 1964 года был смещен с поста Первого секретаря ЦК КПСС инициатор оттепели Никита Хрущев, 29 марта – 8 апреля 1966 года прошел XXIII съезд КПСС, вернувший в Устав партии сталинские названия (Политбюро и Генсек), в том же году в Москве прошел первый политический судебный процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, за ним последовали суды над правозащитниками и диссидентами, несогласных с режимом отправляли в лагеря и психбольницы. В августе 1968-го советские танки вошли в Прагу.

Для значительной части писателей, к которой принадлежал и Василий Аксенов, иллюзии о возможности существования «социализма с человеческим лицом» окончательно развеялись. Становится ясно, что любое свежее и правдивое слово будет появляться в печати с большими трудностями. Начинается эпоха застоя. Аксенова печатают все реже. В 1968 году выходит пародийно-фантастический роман «Джин Грин – неприкасаемый» (в соавторстве с Григорием Поженяном и Овидием Горчаковым), да еще в 1971-м в «Политиздате» (серия «Пламенные революционеры») повесть о Леониде Красине «Любовь к электричеству». А через несколько лет – с перерывами – детская научно-фантастическая дилогия «Мой дедушка – памятник» (1972) и «Сундучок, в котором что-то стучит» (1976).

Аксенов, словно забыв о существовании цензуры, начинает писать новый роман «Ожог», роман совершенно антисоветский, вырывающийся за пределы традиционного реализма. Стремление воспарить над элементарной достоверностью и обыденностью

происходящего весьма характерно для творчества зрелого Аксенова и является, быть может, главной отличительной чертой его стиля.

Очень показателен в этом смысле рассказ «А А А А» из более поздней по времени книги «Негатив положительного героя». Весь он насыщен вполне достоверными деталями и местами даже смахивает на дневниковую запись, не лишенную, впрочем, весьма артистичных иронических эскапад, и вдруг в последней части находим такое вот авторское предуведомление: «Пришла уже пора подкручивать этому рассказу пружину». И начинается! Появляется надувной матрас, как плавучее средство для выхода из советской береговой зоны в нейтральные воды Балтики; прорезают темень прожектора пограничников; выныривают из темноты неведомые аквалангисты, которые увлекают с собой, словно «морские черти», мирную эстонскую библиотекаршу, дрейфующую вместе с героем-рассказчиком на означенном выше надувном матрасике…

Но вернемся к истории «Ожога». Он был окончен в 1975 году, и Аксенов, понимая, что на родине роман не может быть опубликован, переслал его на Запад. Это было опасно: могли последовать репрессии властей. Но, с другой стороны, таким образом автор мог сохранить роман, что бы ни случилось теперь с ним самим. Кроме того, Аксенов не исключал при определенных условиях возможности публикации «Ожога» за границей, в таком случае, получив широкую известность на Западе, роман мог защитить его самого: западная общественность поднялась бы на защиту писателя.

Так называемым компетентным органам эта акция Аксенова становится известной. Не желая допустить публикации «Ожога» за рубежом, власти в отношениях с Аксеновым идут на определенные послабления. Ему все еще разрешаются заграничные командировки и даже чтение лекций в зарубежных университетах. Допускаются отдельные публикации в периодической печати: в 1976 году в «Литературной газете» («Вне сезона»), в 1978-м в «Новом мире» («В поисках жанра»). Окончательный разрыв происходит в 1979 году, когда выходит неподцензурный альманах «Метрополь», негласным лидером которого был Аксенов. Альманах задумывался как вполне лояльное по отношению к власти издание, в него даже не приглашали из тактических соображений уже преследуемых в то время писателей-диссидентов, например, Владимира Войновича и Георгия Владимова. Тираж «Метрополя» всего 12 машинописных экземпляров (4 закладки бумаги на пишущей машинке), но сам факт выхода издания, не прошедшего советскую цензуру, а также

передача одного из экземпляров «Метрополя» в Америку вызывает бурную реакцию писательского начальства. Из Союза писателей исключают двух молодых участников альманаха Виктора Ерофеева и Евгения Попова, в ответ на это Аксенов демонстративно выходит из Союза. В июле 1980 года писатель вместе с семьей[2] вылетает в Париж. Перед отъездом за границу на него совершается покушение, когда он вместе с женой Майей возвращается из Казани, простившись с отцом.

Начинается третья жизнь Василия Аксенова – эмиграция. Недолго пробыв в Европе, Аксеновы 10 сентября 1980 года прилетают в Нью-Йорк. Там они находят приют и поддержку в Анн-Арборе (штат Мичиган) у известных американских славистов Карла и Эллендеи Профферов, посвятивших себя служению русской литературе. В издательстве Профферов, знаменитом «Ардисе», выходят главные книги Аксенова советского периода – романы «Ожог» (1980) и «Остров Крым» (1981), которые не могли быть напечатаны на родине. Кроме того, тот же «Ардис» выпускает в свет роман «Золотая наша Железка», издательство «Эрмитаж» (Анн-Арбор) – сборник пьес «Аристофаниана с лягушками» (1981), а «Серебряный век» (Нью-Йорк) – повести «Затоваренная бочкотара» и «Рандеву» (1980). Но эти издания не могли обеспечить материальной независимости автору: слишком малы были их тиражи. Отношения же с отечеством были окончательно разорваны: 21 января 1981 года решением Верховного Совета СССР писатель был лишен советского гражданства.

Эмигрантская жизнь продолжалась. Аксеновы поселились в Вашингтоне. Там Аксенов начинает преподавать русскую литературу и отдается этому с удовольствием. Впоследствии он признается, что многолетнее преподавание сделало его «интеллектуалом». Профессор Василий Аксенов преподает в Вашингтонском Институте Кеннана (1981–1982), университете Дж. Вашингтона (1982–1983), Гаучерском колледже и университете Джона Хопкинса (1983–1988), а с 1988 года – в расположенном неподалеку от Вашингтона (г. Фейрфакс, штат Вирджиния) университете Джорджа Мейсона. Здесь он проработает 16 лет, вплоть до своего возвращения в новую Россию в 2004 году.

Параллельно Аксенов продолжает много писать. В первое десятилетие после начала эмиграции написаны и изданы сборник рассказов «Право на остров» (1983), романы «Бумажный пейзаж» (1982), «Скажи изюм» (1985), «В поисках грустного бэби» (1986), «Желток яйца» (1989)[3].

Рассказы, воспоминания и эссе Аксенова печатаются в

эмигрантских изданиях «Новый американец», «Третья волна», «Russika», «Страна и мир», «Грани», «Континент».

Между тем на родине вновь происходят серьезные изменения. Михаил Горбачев объявляет политическую перестройку. В 1989 году, через 9 лет эмиграции, Василий Аксенов впервые посещает Советский Союз. Но эта поездка оказалась возможной отнюдь не по воле руководства страны, а по приглашению посла США в Москве Джека Мэтлока, который дружил с русским писателем-эмигрантом. И жили Василий и Майя Аксеновы в тот приезд в резиденции посла Спасо-хаусе, а не в московской гостинице.

Однако политическая ситуация менялась довольно быстро, и в 1990 году Аксенову вернули советское гражданство. Отныне он мог свободно приезжать на родину. В Москве издали «Ожог» и «Остров Крым», что было невозможно себе представить еще год назад. В августовские дни 1991 года Аксенова не было в Москве, здесь была Майя, она по телефону обсуждала с Василием стремительное развитие революционных событий. Вскоре и он приезжает в столицу новой России. Исторические дни августа 1991 будут запечатлены Аксеновым позднее в романе «Новый сладостный стиль»[4] (1997). В нем же будут интересные предвидения: незабвенный соавтор сталинского гимна СССР С. В. Михалков, шлепая в «верблюжьих тапочках» по площади Восстания, сочиняя на ходу, бормочет про себя слова нового гимна, гимна демократической России («Борцов демократии, сильных, свободных, / Сплотила навеки великая Русь…»).

В 1993 году московские власти предоставляют Майе квартиру в высотном доме на Котельнической набережной – взамен отобранной у нее после отъезда в эмиграцию квартиры ее умершего мужа Романа Кармена. Впоследствии этот дом станет центром повествования в романе «Москва-ква-ква». На родине издаются новые книги Аксенова: трилогия «Московская сага» (1993–1994), сборник рассказов «Негатив положительного героя» (1996), упомянутый уже роман «Новый сладостный стиль». В 1995 году журнал «Юность», постоянным автором которого был молодой Василий Аксенов, издает его пятитомное собрание сочинений. В многочисленных интервью Аксенову все чаще задаются вопросы об окончательном возвращении на родину.

В 2001 году писатель приобретает небольшой дом в Биаррице на французском побережье Бискайского залива и вскоре переезжает туда с женой. В том же году в Москве выходит его новый роман «Кесарево свечение», который Аксенов считает своим высшим достижением. Теперь жизнь его проходит между Россией (куда он регулярно приезжает с середины 1990-х) и Францией. Это можно считать началом четвертой, самой

короткой, жизни писателя. Он, правда, еще сохраняет за собой весенние семестры в университете Джорджа Мейсона. Лишь в 2004 году он закончит свою преподавательскую деятельность и окончательно покинет Америку.

В Биаррице Аксенов работает в тиши и покое, в Москве общается с друзьями и прессой. Внимание прессы и других СМИ он привлекает своей яркой биографией и необычайной творческой активностью.

Анатолий Гладилин совершенно справедливо заметил по этому поводу: Аксенов совершил то, что суждено немногим. Он вернулся и «вновь стал популярным писателем у себя на родине»[5].

Его книги выходят в Москве одна за другой:

2004 – «Десятилетие клеветы. Радиожурнал писателя» – это аксеновские радиоочерки, которые регулярно с 1980 по 1991 год звучали в эфире радио «Свобода»;

2004 – «Американская кириллица»;

2004 – роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки»;

2005 – «Зеница ока», книга, включившая в себя публицистические выступления писателя по самым животрепещущим вопросам жизни России, – в еженедельнике «Московские новости» и журнале «Огонек» с января 1996 по октябрь 2004 года.

2006 – роман «Москва-ква-ква»;

2007 – роман «Редкие земли»;

2007 – «Ква-каем, ква-каем… Предисловия, послесловия, интервью».

Кроме того, в 2004 году по центральному телевидению демонстрируется телевизионный сериал по трилогии «Московская сага».

За роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» Аксенов получает «Русского Букера» – первую крупную литературную премию за все годы его служения литературе. Роман переведен на французский язык и издается в Париже. В 2005 году Василий Аксенов награждается Орденом литературы и искусства, одной из высших наград Франции. Это его единственная государственная награда. В России же в день своего 75-летия он удостаивается лишь поздравительных телеграмм от президента и премьер-министра.

Тот факт, что во Франции заслуги Аксенова оцениваются выше, чем на родине, объясняется независимостью его гражданской позиции: в России такая независимость всегда только раздражает власть. Зато родная Казань встречает его с любовью и почетом во время первого «Аксенов-феста», который был устроен в его честь в октябре 2007 года и с тех пор

проводится каждую осень. Возможно, идея фестиваля и его подготовка пробудили яркие воспоминания о его казанском детстве и стали стимулом для написания нового романа. Во всяком случае, ко времени приезда в Казань роман был уже начат. К сожалению, Аксенов не успеет его закончить: 15 января 2008 года за рулем автомобиля его настигнет инсульт, после которого ему не суждено будет оправиться. Смерть наступит 6 июля 2009 года.

После смерти писателя, в 2010 году, вышли еще три его новые книги: «Логово льва. Забытые рассказы», «Таинственная страсть» и «Ленд-лизовские». На двух последних следует остановиться особо.

«Таинственная страсть» – роман об аксеновском поколении, о писателях и поэтах, вошедших в литературу в конце 50-х – начале 50-х годов прошлого века. Название взято из стихотворения Беллы Ахмадулиной 1959 года, где есть такая строфа:

> Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
> вас, беззащитных, среди этой ночи.
> К предательству таинственная страсть,
> друзья мои, туманит ваши очи…

«Не в этом ли, – задавался вопросом в статье, посвященной „Таинственной страсти“, автор настоящего предисловия, – идея романа: поколение предало само себя, не сумев сохранить человеческое и творческое единение в противостоянии бесчеловечной власти. Страх перед железобетонной властью и личные амбиции разъединили их».

Роман горький и честный – о дружбе, о служении призванию, о предательстве. Он написан с той же искренностью и вдохновением, что были свойственны молодой прозе Аксенова. Роман, как выяснилось после смерти автора, писался с середины 2006-го по середину 2007 года.

А всю вторую половину 2007 года Аксенов был занят уже новым романом – о своем казанском детстве, о голоде, об американской помощи воюющей России, – романом, который получил издательское название «Ленд-лизовские». Роман не завершен: окончена первая часть и начата вторая, а состоять он должен был из трех частей. Он написан в совсем иной манере, чем «Таинственная страсть». Здесь – то стремление к полному авторскому освобождению, которое прослеживается во всех его последних романах, но достигает воплощения только сейчас. Если когда-то в «Ожоге» Аксенов полностью освободился от соображений о проходимости или непроходимости написанного в

условиях советской цензуры, то в «Ленд-лизовских» он полностью освободился от каких-либо соображений о читателе: например, о том, поймет или не поймет читатель написанное им. Перестав ориентироваться на читателя, даже самого просвещенного, он обрел полную свободу самовыражения. Как будет оценена в будущем эта экспериментальная проза, покажет время…

Конфликт с Иосифом Бродским

О том, что отношения между двумя знаменитыми советскими эмигрантами в Америке были далеко не безоблачными, известно давно, и это ни для кого не является секретом. А между тем до отъезда Бродского в эмиграцию они были добрыми приятелями, даже, можно сказать, друзьями. После возвращения опального поэта из ссылки Аксенов устраивал ему выступления в Москве вместе с кумирами шестидесятых Вознесенским, Евтушенко, Ахмадулиной. Бродский запросто бывал у Василия дома, сын Василия хорошо помнит его посещения.

Дружески общались они и в Ленинграде, что через много лет засвидетельствовал Марк Розовский в воспоминаниях, написанных по моей просьбе, для книги «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции».

Из воспоминаний Марка Розовского:

«…А вот еще одна наша встреча, не однажды упомянутая в переписке Аксенова с Бродским. Она состоялась в родном их городе Ленинграде скоро после возвращения Иосифа из пресловутой ссылки. Я тогда работал в БДТ над „Историей лошади“, и ко мне в гости приехала из Москвы на пару дней прекрасная девушка по имени Юля Варшавская, и приехала не одна, а… с гвинейским попугаем на плече. Я встретил ее на Московском вокзале, и не было человека, который бы не оборачивался на нас. И тут же, в гостинице, мы нос к носу столкнулись с Васей Аксеновым.

Он сказал:

– Шикарно!.. Вечером давайте отужинаем вместе!

Сказано – сделано. Договорились встретиться в „Европейской“, там был наверху ресторан под названием „Крыша“, где хорошо кормили и классно играл какой-то клевый джазик.

– С нами Рыжий посидит, не возражаешь? – спросил Вася еще на входе.

– Какой Рыжий?

– Бродский Ося.

Ого!.. Я не был знаком с известным опальным поэтом, а тут такой представился случай!

И вот мы сидим за столом втроем – действительно рыжий Бродский, Аксенов, я, – и с нами моя прекрасная девушка Юля с попугаем на плече. Конечно, этот попугай был главным действующим лицом в тот вечер!..

Шутили, скабрезничали:

– У вас что, любовь втроем?

– Нет, – отвечал я. – Он не мужик. Он импотент.

Юля краснела. Объясняла:

– Я не могла его в Москве одного оставить.

Сейчас эту ситуацию назвали бы приколом.

– А вы не боитесь, что он улетит? – спросил Бродский.

– Боюсь. Он форточку клювом все время открывает.

– А почему бы его не посадить в клетку?

Вопрос из уст Бродского, недавнего „зэка“, показался мне смешным.

– Что вы, он совершенно ручной и послушный… В клетке он только спит, а по квартире гуляет и летает как хочет. Свободная птица.

– Дайте поносить! – улыбнулся Бродский.

И попугай тотчас перекочевал с плеча Юли на плечо Иосифа, будущего лауреата Нобелевской премии.

Однако в тот момент он был для нас просто Рыжий.

Вася посмеивался:

– Смотри, как бы он тебя не обделал!.. А впрочем… это будет хорошая реклама Бродскому в Ленинграде!

– Мне реклама не нужна! – заявил Иосиф совершенно серьезно, и мы с Василием переглянулись.

Вот так трепались о чем угодно, только не о литературе, жрали шашлыки и слушали ресторанных лабухов. На великих людей здесь никто не смотрел, и даже гвинейский попугай не обращал на себя внимание.

А потом была волшебная белая ночь на теплоходике, прокатившем нас по Неве. Бродский оказался открытым, общительным парнем, говорившим без умолку, захлебами, подробно – о каждом доме на набережной, меня поразили эти его знания.

– Город-музей, – сказал Вася. – Здесь каждый поэт может работать экскурсоводом.

Интересно, что дружбаны-шестидесятники, на интерес и нежность которых в тот момент было любо-дорого смотреть, впоследствии, в обстоятельствах эмиграции, вдрызг рассорились, сделались литературными врагами, злыми и нетерпимыми. Их велеречивая, с подтекстами и взаимной пикировкой, американская переписка – тому грустное свидетельство. Разрушение произошло, и это факт нашей общей и довольно-таки глупой истории.

В неразберихе словесных эскапад, в нюансах изящных уколов сегодня нам видятся и слышатся два гениальных языкотворца, чье служение Литературе оказалось под влиянием всяких окололитературных интриг и слухов.

Жаль, конечно. Но тут уж ничего не поделаешь. „Милый Василий“ с „любезнейшим Иосифом“ разошлись как в море корабли.

Не помог им даже гвинейский попугай»[6].

В июле 1972 года, благодаря неимоверным стараниям четы американских славистов Профферов[7], в частности Карла Проффера, Бродский оказывается в Америке, в студенческом городке Анн-Арбор[8] штата Мичиган[9]. Он не забывает Аксенова, подтверждением чему служит его большое вполне дружеское письмо к нему, не лишенное ностальгической тональности.

Из письма Иосифа Бродского Василию Аксенову от 28 апреля 1973 года:

«Милый Василий, я, гадом буду, ту волшебную ночь с гвинейским попугаем помню, но ни ритмической, ни просто прозой изложить этого дела не могу по причинам той же текучки или той же унылости, каковые вещи превозмогают любую географию. <…>

Что я когда-нибудь тебе письмо из Мичиганска писать буду, этого, верно, ни тебе, ни мне в голову не приходило; что есть доказательство ограниченности суммы наших двух воображений, взятых хоть вместе, хоть порознь. Как, впрочем, появление того попугая было непредсказуемо. То есть, Василий, вокруг нас знаки, которых не понимаем. Я, во всяком случае, своих не понимаю. Ни предзнаменований, ни их последствий. Жреца тоже рядом нет, чтоб объяснил. Помнишь тех людей, которые не видели попугая у меня на плече, хотя он был? Так вот, я вроде них, только на другом уровне»[10].

Но прошло несколько лет. Иосиф Бродский, не в последнюю очередь благодаря самоотверженным стараниям Профферов[11], стал в США за это время уже достаточно влиятельным человеком во всем, что связано было с публикацией книг на русском языке, своего рода экспертом по русской литературе. И тут в его отношениях с Аксеновым произошел резкий перелом.

Причиной возникшего напряжения послужила история с аксеновским романом «Ожог». Роман, по неоднократным признаниям Аксенова, был его первым произведением, написанным совершенно свободно, без какой-либо оглядки на советскую цензуру. Он был написан еще до его отъезда из Советского Союза (авторская датировка – 1969–1975. – *В. Е.),* был абсолютно антисоветским, и власть, «всевидящему глазу» которой «Ожог» стал известен, страшно боялась его публикации на Западе. Боялась настолько, что Аксенов, защищая свою творческую свободу, даже мог какое-то время выдвигать определенные условия. Судя по его письму Иосифу Бродскому от 29 ноября 1977

года, роман уже в это время был переправлен за границу. Как видно из того же письма, «Ожог» вызвал неприятие Бродского, выраженное при этом в разговоре с издателем «Ардиса» Карлом Проффером в весьма грубой форме[12].

Этой теме, собственно, и посвящено первое письмо Аксенова. Оно тоже еще достаточно дружеское, аксеновская интонация вполне снисходительна по отношению к более молодому литературному коллеге, но в нем уже есть следы с усилием сдерживаемой обиды. Позднее, когда Аксенов тоже окажется в эмиграции, все это приведет к полному разрыву отношений между ними.

Письмо Василия Аксенова Иосифу Бродскому от 29 ноября 1977 года:

«Дорогой Иосиф! Будучи на острове, прочел твои стихи об острове[13] и, естественно, вспомнил тебя. У меня сейчас протекает не вполне обычное путешествие, но конечно же не об этом, Joe[14], я собираюсь тебе писать. Собственно говоря, не очень-то и хотелось писать, я все рассчитывал где-нибудь с тобой пересечься, в Западном ли Берлине, в Париже ли, так как разные друзья говорили, что ты где-то поблизости, но вот не удается, и адрес твой мне неведом, и так как близко уже возвращение на родину социализма, а на островах, как ты знаешь, особенно не-<…> делать, как только лишь качать права с бумагой, то оставляю тебе письмо в пространстве свободного мира.

Без дальнейших прелюдий, хотел бы тебе сказать, что довольно странные получаются дела. До меня и в Москве и здесь доходят твои пренебрежительные оценки моих писаний. То отшвыривание подаренной книжки, то какое-то маловразумительное, но враждебное бормотание по поводу профферовских публикаций[15]. Ты бы все-таки, Ося, был бы поаккуратнее в своих мегаломанических[16] капризах. Настоящий гордый мегаломан, тому примеров передо мной много, достаточно сдержан и даже великодушен к товарищам. Может быть, ты все же не настоящий? Может быть, тебе стоит подумать о себе и с этой точки зрения? Может быть, тебе стоит подумать иногда и о своих товарищах по литературе, бывших или настоящих, это уж на твое усмотрение?

Народ говорит, что ты стал влиятельной фигурой в американском литературном мире. Дай Бог тебе всяких благ, но и с влиянием-то надо поэту обращаться, на мой взгляд, по-человечески. Между тем твою статью о Белле в бабском журнале[17] я читал не без легкого отвращения. Зачем так уж обнаженно сводить старые счеты с Евтухом и Андрюшкой? Потом

дошло до меня, что ты и к героине-то своей заметки относишься пренебрежительно, а хвалил ее (все это передается вроде бы с твоих собственных слов) только лишь потому, что этого хотел щедрый заказчик. Думаю, не стоит объяснять, что я на твои „влияния“ просто положил и никогда не стал бы тебе писать, ища благоволения. И совсем не потому, что ты „подрываешь мне коммерцию“, я начинаю здесь речь о твоей оценке.

В сентябре в Москве Нэнси Мейселас[18] сказала мне, что ты читаешь для Farrar Straus&Giroux[19]. До этого я уже знал, что какой-то м<->, переводчик Войновича, завернул книгу в Random House[20]. В ноябре в Западном Берлине я встретился с Эмкой Коржавиным, и он мне рассказал, что хер этот, то ли Лурье, то ли Лоренс – не запомнил, – так зачитался настоящей диссидентской прозой, что и одолеть „Ожога“ не сумел, а попросил Эмкину дочку прочесть и рассказать ему, „чем там кончилось“. И наконец, там же, в Берлине, я говорил по телефону с Карлом[21], и он передал мне твои слова: „«Ожог» – это полное говно“. Я сначала было и не совсем поверил (хотя, учитывая выше сказанное, и не совсем не поверил) – ну, мало ли что, не понравилось Иосифу, не согласен, ущемлен „греком из петербургской Иудеи“[22], раздражен, взбешен, разочарован, наконец, но – „полное говно“ – такое совершенное литературоведение! В скором времени, однако, пришло письмо от адвоката, в котором он мягко сообщил, что Нэнси полагает „Ожог“ слабее других моих вещей. Тогда я понял, что это ты, Joe, сделал свой job[23].

„Ожог“ для меня пока самая главная книга, в ней собран нравственный, и мыслительный, и поэтический, и профессиональный потенциал за очень многие годы, и потому мне следует высказать тебе хотя бы как оценщику несколько соображений.

Прежде всего: в России эту книгу читали около 50 так или иначе близких мне людей[24]. Будем считать, что они не глупее тебя. Почему бы нам считать их глупее тебя, меня или какого-нибудь задроченного Random House?

Из этих пятидесяти один лишь Найман отозвался об „Ожоге“ не вполне одобрительно, но и он был весьма далек от твоей тотальности. Остальные высоко оценили книгу и даже высказывали некоторые определения, повторить которые мне мешают гордость, сдержанность и великодушие, т. е. качества, предложенные тебе в начале этого письма, бэби.

С трудом, но все-таки допускаю, что ты ни шиша не понял в книге. Мегаломаническое токование оглушает. Сейчас задним числом вспоминаю твои суждения о разных прозах в Мичигане, с которыми спорить тогда не хотел просто потому, что радовался

тебя видеть. Допускаю подобную глупую гадость по отношению к врагу, само существование которого ослепляет и затуманивает мозги, но ведь мы всегда были с тобой добрыми товарищами. Наглости подобной не допускаю, не допустил бы даже и у Бунина, у Набокова, а ведь ты, Иосиф, ни тот ни другой.

Так как ты еще не написал и половины „Ожога“ и так как я старше тебя на восемь лет, беру на себя смелость дать тебе совет. Сейчас в мире идет очень серьезная борьба за корону русской прозы. Я в ней не участвую. Смеюсь со стороны. Люблю всех хороших, всегда их хвалю, аплодирую. Корона русской поэзии, по утверждению представителя двора в Москве М. Козакова, давно уже на достойнейшей голове. Сиди в ней спокойно, не шевелись, не будь смешным или сбрось ее на <->. „Русская литература родилась под звездой скандала“, – сказал Мандельштам. Постарался бы ты хотя бы не быть источником мусорных самумов.

Заканчиваю это письмо, пораженный, в какую чушь могут вылиться наши многолетние добрые отношения. Вспомни о прогулке с попугаем и постарайся подумать о том, что в той ночи жила не только твоя судьба, но и моя, и М. Розовского, и девочек, которые с нами были, и самого попугая[25].

Бог тебя храни, Ося!

Обнимаю, Василий»[26].

В уже упомянутой нами книге Эллендея Проффер отмечает, что и отношения Профферов с Бродским по мере его литературного возвышения существенно менялись. Порой сквозь его прежнее обаяние проступали напористая самоуверенность и нетерпимость. Именно эти качества своего бывшего друга Василий Аксенов охарактеризовал в процитированном письме как мегаломанию.

Кстати, именно из-за Василия Аксенова, популярность которого в Советском Союзе мемуаристка сравнивает с популярностью в Штатах «Манхэттена» Дос Пассоса или «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, произошел первый серьезный кризис и в их отношениях с Бродским.

Из книги Эллендеи Проффер «Бродский среди нас»:

«В это время Иосиф был в Нью-Йорке, и однажды кто-то в издательстве „Фаррар, Страус энд Жиру“ попросил его прочесть рукопись аксеновского романа и дать отзыв. Через несколько дней Иосиф позвонил Карлу и похвастался, что сделал для них доброе

дело. (Я работала в кабинете Карла и слышала его часть диалога.)

– Я сказал им, что роман говно, – с гордостью сообщил Иосиф.

Тут Карл, всегда старавшийся отнестись с пониманием к поэтическим завихрениям, не выдержал и отчитал Иосифа. Иосиф, рассерженный и в недоумении, спросил, как ему надо было поступить.

Карл сказал, что он должен был отказаться, сославшись на то, что Аксенов его друг. Иосиф стал оправдываться. Не такой уж близкий друг, книга плохая и т. д.

Карл, прекрасно помня, скольким второсортным авторам Иосиф писал отзывы для обложки и помогал издаться, не захотел заканчивать разговор на любезной ноте.

– Я должен сказать об этом Васе, – сказал Карл. – Вы разрушаете ему карьеру, а он об этом не знает – он думает, что вы друг.

– Иосиф как будто не понял, что он сделал, как это было нечестно, – сказал мне Карл.

А я ответила:

– Так ему удобнее.

Это был критический момент в нашей дружбе с Иосифом: он вполне мог разозлиться на Карла, и это было бы очень печально – мы столько друг для друга значили. Но Карл не испытывал сожалений»[27].

Но возвратимся к письму Аксенова. Кто эти упоминаемые им 50 человек, одобривших «Ожог», нам уже не установить, но одно имя известно: это знаменитый прозаик и драматург Михаил Рощин, далеко-далеко не из последних писателей-современников Аксенова.

Из письма Михаила Рощина Василию Аксенову от 11 июля 1977 года:

«Дорогой Василий Палыч! Я провел с Вами четыре дня, и чувствую, вынужден обратиться к забытому эпистолярному жанру, чтобы что-то выразить, сформулировать и сказать Вам, как Другу, как Писателю слова радости, <…> моя радость такая, будто это я сам написал, понимаешь, про себя и ***своими*** *словами. Помимо правды, испытываешь все время еще и художественное наслаждение, профессиональное, как ты, собака, щедр, как богат, жменями рассыпаешь, слова ставишь прекрасно, фраза все время льется, как лимфа, живая-преживая, и в иных местах слезы наворачиваются от счастья, что человек ТАК пишет среди нашего литературного лесоповала. Ты всегда был поэтом, и здесь поэзия прозы освободилась и расковалась так же, как твоя душа, – я*

просто вижу, как ты писал и сам смеялся и сам дивился кое-чему, что вылетало вроде бы вдруг из-под пера. Хорошо, хорошо… А какая фантазия, хулиганство, игра „Зарница“, как охерительно написана Москва, пьянка, бабы, дети подземелья, – ну, что говорить, мне пришлось бы сейчас все перелистывать заново и останавливаться на каждом куске. Не с кем, зараза, посмаковать и посмеяться! Про Машкин калифорнийский узел, про Хвостищева, про Вляйзера, про вашего друга Вадима Николаевича.

<…> Ну ладно, это все херня, оценки и выкладки, ты сам все знаешь лучше всех, и замечателен, о чем я только и хотел сказать, сам факт, случай с товарищем Аксеновым, и спасибо Русской Литературе, а также Михаилам Афанасьевичам, разным Исаичам, Борисам, Осипам, Маринам и Аннам, а также даже всяким Дуче, и нашей Казани 1933 *года, и нашему подземельному детству и нашей подпольной родине, подпольной стране, которую все никак не превратят в образцовую. Превратим Перовский район в образцовский! Превратим Родину в красную смородину! в черную смородину!*

Словом, спасибо. Но… тебе, конечно, не поздоровится, я думаю, ты к этому готов, после такой книги что уж в какие-то игры играть, мосты наводить, смешно. Да и наш простой советский читатель разорвал бы тебя в клочки, дай ему тебя обсудить! Но это все уже относится к биографии книги, а не к факту ее рождения. Посмотрим. (Хотя не нужно быть оракулом, чтобы…) <…>»[28].

Таким образом, из приведенного письма Василия Аксенова следует, что отрицательный отзыв Бродского об «Ожоге» был получен издательством «Farrar Straus&Giroux» в 1977 году и разговор Аксенова с Карлом Проффером, о котором упоминается в приведенном нами фрагменте воспоминаний Эллендеи Проффер, состоялся в том же году. И тут возникает вопрос. Почему Эллендея относит эти факты к 1980 году? Вероятнее всего, это сбой памяти.

Правда, такую же в таком случае ошибку допускает и Зоя Богуславская, любезно предоставившая в мое распоряжение отрывок своих воспоминаний, относящийся к ее пребыванию в Вашингтоне в этот драматический для Василия Аксенова момент.

Из воспоминаний Зои Богуславской:

«– Заята, ты не поверишь, какой удар я сегодня получил, – наливаясь краской от гнева, взрывается Василий, – это просто невозможно! Какая-то околесица.

Он берет себя в руки, закуривает.

– В это невозможно поверить. Оказывается, „Ожог“ попал на отзыв к Иосифу. Я был счастлив. Он-то, как никто другой, понимает, что значит для меня эта публикация. Вся жизнь перевернулась. <…> В моей голове не укладывалось, как мог он так иезуитски топить меня. Он же хорошо понимает трагичность ситуации, причины, вынудившие меня бросить Москву»[29].

А может быть, Зоя Борисовна тоже ошибается, имея в виду другую встречу с Аксеновым, ведь и он, и она бывали в Штатах и до 1980 года?

В противоречии с сообщениями обеих мемуаристок находится отрывок из записей Майи Аксеновой, сделанный по прибытии в Америку и имеющий, что весьма важно, точную дату.

Из записей Майи Аксеновой:

«1980

10 сентября прилетели из Милана в Н.-Й.

Десять дней жили в Н.-Й. вместе с Васей, Аленой[30]*, Виталием*[31]*. Виделись с Бродским. Я раньше с ним никогда не встречалась, а Вася увидел его впервые после ссоры*[32]*. Живет он в страшной квартире, что-то вроде подвала, но с выходом в маленький садик, – берлога гения. Чувствует себя неважно, но бутылка виски стоит рядом с ним, и он понемногу потягивает. Курит, пьет кофе. Был очень внимателен, подробно старался объяснить, как надо вести дела, какие нужны документы, где лучше преподавать. Сам он числится в Мичиганском университете, но жить там не хочет. Любит Н.-Й., и Мичиган для него тяжелая нагрузка. Последние годы проводит там только один семестр»*[33].

Значит, вопреки сообщениям Эллендеи Проффер и Зои Богуславской, разлад между Аксеновым и Бродским был в этот момент преодолен. И Аксенов, видимо, все-таки надеялся на благоприятный исход переговоров с известным издательством. Но его надежды не оправдались. Он еще не создал себе имя у американского читателя, и у него еще не было влиятельных американских друзей, которые могли бы изменить в его пользу мнение издательства Farrar Straus&Giroux, созданное отрицательным отзывом Бродского три года назад. Вероятно, и в 1980 году то, что «Joe, сделал свой job» в 1977 году, сохраняло свою силу. А может быть, Бродский вновь подтвердил свою прежнюю оценку?

Так ли это было на самом деле или иначе, ответить сегодня некому…

Аксенов с семьей вылетел из Москвы 22 июля 1980 года.

Накануне отъезда в эмиграцию на него было совершено покушение, когда он вместе с женой Майей на машине возвращался из Казани, куда ездил проститься с отцом.

И вот, когда он оказался на Западе и затем был лишен советского гражданства, сам Бог, как говорится, велел ему напечатать «Ожог». Но тут случилось неожиданное: американское издательство отказалось печатать роман советского эмигранта, запрещенный в Советском Союзе.

Неудача с публикацией «Ожога» на английском языке была для Аксенова тяжелым ударом.

Как пишет Эллендея Проффер, в эмиграции Аксенова и его жену без публикаций на английском языке ожидала бедность, и поэтому Карл считал, что он должен преподавать. Так Аксенов стал американским профессором, преподавателем русской литературы в различных университетах.

По мнению Анатолия Гладилина, которое он высказал в 2011 году, когда я только начинал заниматься американским архивом Василия Аксенова, Бродский своим отрицательным отзывом нарушил негласное правило, существовавшее в эмигрантской среде: произведения авторов, которые подверглись в СССР преследованию, печатать безоговорочно, невзирая ни на какие привходящие обстоятельства.

Еще раньше, в своей книге 2008 года, Анатолий Гладилин, вспоминая о Бродском, привел любопытную выдержку из письма Сергея Довлатова, с которым состоял в переписке. Довлатов объяснял в нем, почему так называемых шестидесятников, оказавшихся в эмиграции, бывшие соотечественники встречали порой не очень дружелюбно.

Из письма Сергея Довлатова Анатолию Гладилину:

«Они самоутверждаются. Их отношение к вам подкрашено социальным чувством… Огрубленно – содержание этого чувства таково: „Ты Гладилин, знаменитость. С Евтушенко выпивал. Кучу денег зарабатывал. Жил с актрисами и балеринами. Сиял и блаженствовал. А мы копошились в говне. За это мы тебе покажем“. Я не из Риги, я из Ленинграда (кто-то остроумно назвал Ленинград столицей русской провинции). Но и я так думаю. Или – почти так. И ненавижу себя за эти чувства.

Поразительно, что и Бродский, фигура огромная, тоже этим затронут. Достаточно увидеть его с Аксеновым. Все те же комплексы. Чувство мальчика без штанов по отношению к мальчику в штанах, хотя, казалось бы, Иосиф так знаменит, так прекрасен… А подобреть не может» (выделено мной. – *В. Е.).*[34]

Однако позднее Анатолий Гладилин изменил свою позицию.

29 октября 2012 года в «Российской газете» № 249 (5922) было опубликовано его интервью (в связи с предстоящим вечером памяти Василия Аксенова в ЦДЛ), которое поразило меня утверждением, что никакого конфликта между Василием Аксеновым и Иосифом Бродским не было. Анатолий Гладилин будто не читал впервые опубликованного мною в 2011 году в журнале «Вопросы литературы» (вып. 5) письма Василия Аксенова Иосифу Бродскому, другого, не того, которое процитировано выше, а того, что будет приведено чуть позже.

Ближайший друг Аксенова словно позабыл об аксеновском романе «Скажи изюм», где хотя конфликт этот и отображен средствами художественными, но суть дела обозначена четко и ясно.

Я оспорил это мнение давнего аксеновского друга.

Из моей реплики «О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским»:

«Думается, им (Анатолием Гладилиным. – В. Е.) руководило благородное в основе своей помышление: ему до сих пор больно сознавать, что отношения двух его давних товарищей (а для Аксенова, как мы уже упомянули, он всю жизнь был ближайшим другом) стали враждебными. Хотя, казалось бы, где, как не в эмиграции, соотечественники должны были бы стоять стеной друг за друга!

И вот Гладилин, видимо, захотел приукрасить суровую правду этой драмы.

Признаюсь, что я тоже (и, как я уверен, большинство читателей моей заметки) очень сожалею о том, что отношения между Аксеновым и Бродским в эмиграции сложились так, как они сложились. Но всем нам следует понимать: это уже не частное дело Гладилина, Аксенова или Бродского – это уже история нашей литературы, которую будут изучать последующие поколения. А история литературы какая-никакая все-таки наука, и потому вопросы, относящиеся к ней, должны рассматриваться на основании документов, проверенных фактов и надежных свидетельств, а не на основании голословных умозаключений, каким бы уважаемым человеком эти умозаключения ни делались»[35].

Роман «Скажи изюм» («Ардис», 1985) упомянут в моем ответе Анатолию Гладилину в связи с тем, что в нем описана история с «Ожогом». Герой романа, известный фотограф Максим

Огородников, имеет много общего с самим Аксеновым, а под именем его антагониста Алика Конского выведен Иосиф Бродский. Вместо романа «Ожог» речь там идет о фотоальбоме Огородникова «Щепки», печатать который отказывается президент американского издательства «Фараон» Даглас Семигорски. Отказ издательства вызван уничижительным отзывом Алика Конского, старого друга Огородникова. Отзыв этот дословно совпадает со словами Бродского, сказанными Карлу Профферу.

После появления в печати романа «Скажи изюм» вся эта история с «Ожогом» стала предметом обсуждений, толков, слухов и домыслов в литературной среде, как в эмиграции, так и в России (в середине восьмидесятых зарубежные издания на русском языке все в чаще пересекали государственную границу Советского Союза).

Но художественное произведение есть художественное произведение, а подлинные обстоятельства произошедшего оставались неизвестными до публикации аксеновских писем.

Второе письмо Бродского Аксенову было написано спустя семь лет, после его отрицательного отзыва об «Ожоге», 28 октября 1984 года. В нем он сообщал Аксенову, что встречался с Эллендеей Проффер в Анн-Арборе и узнал от нее, что Аксенов считает его «своим большим недругом», человеком, «задержавшим его карьеру на Западе на три года». И Бродский в этом письме попытался не то чтобы оправдаться (виноватым он себя не считал), но разъяснить свою позицию. Ему претило, что кто-то считает его убежденным недоброжелателем. Письмо возмутило Аксенова, его ответ был очень резким. Это был полный разрыв.

Письмо Василия Аксенова Иосифу Бродскому от 7 **ноября** 1984 **года:**

«Любезнейший Иосиф!

Получил твое письмо. Вижу, что ты со времен нашей парижской переписки осенью 1977 *года мало в чем прибавил, разве что, прости, в наглости. Ты говоришь о вымышленных тобой предметах с какой-то априорной высоты – о каких-то идиотских „квотах“*[36] *для русской литературы в Америке (кстати, для какой же книги ты расчищал дорогу в рамках этой „квоты“?), о „профессиональной неуверенности“, о „крахе“, выражаешь тревогу по поводу моей „литературной судьбы“*[37]*. Помилуй, любезнейший, ведь ты же пишешь не одному из своих „группи“, а одному из тех, кто не так уж высоко тебя ставит как поэта и еще ниже как знатока литературы.*

Если же вспомнить о внелитературных привязанностях – Петербург, молодые годы, выпитые вместе поллитры и тот же попугай гвинейский[38]*, много раз помянутый, – то моя к тебе давно уж испарилась при беглых встречах с примерами твоей (не только в отношении меня) наглости.*

Не очень-то понимаю, чем вызвано это письмо. Как будто ты до недавнего разговора с Эллендеей не знал, что я думаю о твоей в отношении моего романа активности или, если принять во внимание твои отговорки, твоей „неофициальной активности“.

Перекидка на какого-то „Барыша“[39]*(с трудом догадался, что речь идет о Барышникове) звучит вполне дико.*

Что за вздор ты несешь о своих хлопотах за меня в Колумбийском университете? Я сам из-за нежелания жить в Нью-Йорке отказался от их предложения, которое они мне сделали не только без твоего попечительства, но и вопреки маленькому дерьмецу, которое ты им про меня подбросил. Среда, в которой мы находимся и в которой, увы, мне иногда приходится с тобой соприкасаться, довольно тесная – все постепенно выясняется, а то, что еще не выяснено, будет выяснено позже, но мне на это в высшей степени наплевать.

У Майи[40] *к тебе нет никакого особого предубеждения, за исключением только того, что всякая женщина испытывает в адрес персоны, сделавшей ее близкому пакость. ОК, будем считать небольшую пакость.*

Твоя оценочная деятельность, Иосиф (как в рамках этой твоей „квоты“, так и за ее пределами), меня всегда при случайных с ней встречах восхищает своим глухоманным вздором. Подумал бы ты лучше о своем собственном шарабане, что буксует уже много лет с унылым скрипом. Ведь ты же далеко не гигант ни русской, ни английской словесности[41]*.*

Я этого маленького нью-йоркского секрета стараюсь не разглашать и никогда ни в одном издательстве еще не выразил своего мнения о твоих поэмах или о несусветном сочинении „Мрамор“[42]*. Уклоняюсь, хотя бы потому, что мы с тобой такие сильные получились не-друзья.*

Всего хорошего.

Ты бы лучше не ссылался на Карла. Я тоже с ним беседовал о современной литературе и хорошо помню, что он говорил и что он писал»[43]*.*

Прочитав это письмо, Бенедикт Сарнов откликнулся на него статьей, в которой содержится неожиданный на первый взгляд вывод: и в эмиграции перед писателем, желающим опубликовать

свое сочинение, нередко воздвигаются такие же препоны, как и в социалистическом отечестве, правда, причинами этого становятся не идеологические соображения, а соображения сугубо личные.

Из статьи Бенедикта Сарнова:

«Коллизия эта (конфликт Аксенова с Бродским. – В. Е.) в свое время стала одним из сюжетных мотивов романа Аксенова „Скажи изюм“. И читателям, сразу узнавшим прототипов тех, легко узнаваемых аксеновских персонажей (особенно одного из них), вполне могло показаться, – а многим наверняка и показалось, – что продиктована она была только лишь личной обидой, неудержимым стремлением автора хотя бы вот так, на бумаге, свести счеты с бывшим товарищем, нанесшим ему неожиданный предательский удар в спину.

На самом деле это было, конечно, не так.

<…> Тот факт, что Бродский не только не способствовал опубликованию аксеновского „Ожога“, но даже препятствовал его появлению на свет, по сути „торпедировал“ его, как сказано в романе (”Скажи изюм„. – В. Е.), не отрицает и сам Бродский.

<…> По сути дела он даже не отрицает, что, отзываясь о романе в разговоре с Карлом Проффером, выразился о нем в неподобающем тоне: „Содержание той короткой беседы было кратким, и оно тебе известно. Я сожалею о тоне моего отзыва Карлу об «Ожоге», но существо дела это не меняет“.

<…> Отрицает Бродский только одно: что высказанное им нескольким издателям его резко отрицательное мнение об аксеновском „Ожоге“ было официальным. Нет-нет! Это было сугубо частное, приватное его мнение, возможно, даже предвзятое.

При этом, однако, он тут же замечает: „Но даже если бы меня и официально попросили бы высказать свое мнение, я бы сказал то, что думаю…“

И в другом месте того же письма: „Никто меня не просил рекомендовать или не рекомендовать „Ожог“ к публикации. Если бы спросили, я бы ответил отрицательно именно в силу обстоятельств, именно потому, что всякая неудача подрывает авторитет не столько рекомендателя, сколько самой литературы – следующую книжку, может быть, даже лучшую, чем та, что потерпела неудачу, пробить будет труднее. Квота имеет обыкновение сокращаться, а не расширяться“.

Объяснение весьма туманное. Какая квота? О чем это он?

Отчасти это объясняет такая – тоже не слишком внятная – фраза из того же письма: „…русская литература здесь, в Штатах, существует примерно на тех же правах нац. меньшинств, что и штатская литература – в отечестве“.

В общем, торпедировал он роман из самых лучших побуждений, чтобы не уронить престиж русской литературы в Америке.

Но ведь и те, кто там, на родине, не давали пропуску их книгам и жестко преследовали их самих, тоже уверяли, что действуют так, руководствуясь не какими-нибудь там низменными, а высокими, государственными соображениями.

<…> Казалось бы, какая тут может быть аналогия?

В отечестве, которое они, Аксенов и Бродский, покинули (вернее, из которого их выпихнули), это непробиваемая, давно сложившаяся система, за которой вся мощь могущественной ядерной державы, обеспечивающей незыблемость государственной идеологии всеми имеющимися в ее распоряжении силовыми способами и не жалеющей на это никаких затрат. А тут, на вольном Западе, не более чем каприз, причуда объевшегося славой гения, будущего нобелиата. Не система, а частный и, скорее всего, совсем нетипичный случай. Казус…

Отчасти, может, оно и так.

Но что-то уж больно много на моей памяти таких „казусов“»[44].

Не так давно, в феврале 2015 года, тема рассматриваемого нами конфликта снова вернулась в Америку, на радио «Свобода»: в передаче «Диалог на Бродвее» ее обсуждали Соломон Волков и Александр Генис. При этом, отмечу, мнение Соломона Волкова почти совпадает с оценкой ситуации Карлом Проффером (см. выше).

Из передачи «Диалог на Бродвее»:

«Александр Генис: *…недавно в мои руки попала книга, посвященная Аксенову, она вышла некоторое время назад и называется так: „Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции“. (Здесь обыгрывается название популярного у шестидесятников рассказа британского автора Алана Силлитоу.)*

Несмотря на то что я сам являюсь одним из авторов этого сборника, я ее только сейчас увидел. Среди прочего там рассказывается очень драматическая история, связанная с книгой Аксенова „Ожог“. Роман „Ожог“ Аксенов закончил 40 лет назад (отсюда и юбилей), в 1975 году и напечатал только на Западе. Эта книга была для него решающей, именно с ней он приехал в Америку. Об этом сегодня имеет смысл вспомнить в связи с публикацией переписки Аксенова и Бродского, вошедшей в сборник воспоминаний об Аксенове, о котором я только говорил. Но об этом казусе я хочу, чтобы рассказали вы.

Соломон Волков: *Я внимательно прочел эту переписку, и она мне показалась по многим причинам чрезвычайно любопытной. Во-первых, публикация переписки писателей современных, к которым мы относим и Аксенова, и Бродского, – это вещь редкая пока что еще. <…>*

Тут дополнительный интерес этого в том, что переписка эта очень откровенная, как я считаю, с обеих сторон, а со стороны Аксенова, я бы даже сказал, шокирующая. Во многих смыслах, она высвечивает и то, что мы называем персоналии, то есть личности и одного и другого, и ту очень непростую, я бы сказал, драматичную коллизию, которая между ними сложилась. Мы с вами, разумеется, об этом знали и до того, как эти письма увидели, потому что с Бродским об Аксенове я как раз специально не говорил, но отношение Аксенова к Бродскому для меня отнюдь не было секретом. Аксенов говорил мне много и очень с большой горечью об отношениях с Бродским.

Александр Генис*: Давайте объясним, в чем коллизия. Дело в том, что Аксенов приехал с романом „Ожог“ как с заявкой на большую американскую славу. Я знаю об этом еще и потому, что я встречал Аксенова, когда он приехал в Америку в 1980 году. Мы были все в аэропорту Кеннеди, Довлатов, Вайль, я*[45]*. Мы все приехали в Манхэттен на нашей машине. Аксенов с одним чемоданчиком*[46] *вышел из самолета, он знал, что вся жизнь была еще впереди. Залогом этой новой жизни был роман „Ожог“.*

Еще заранее он прислал нам с Петей[47] *рукопись романа, чтобы мы ее прочли и написали о книге до того, к выходу этой книги в свет. Мы читали роман „Ожог“ в рукописи, у меня до сих пор хранится кусок романа, который не вошел в окончательный вариант, до сих пор я держу на случай издания полного собрания сочинений Аксенова этот фрагмент, очень странный эпизод страниц на восемьдесят.*

Надо сказать, что мы ждали Аксенова как человека, который должен возглавить нашу эмигрантскую литературу. Потому что, по нашим представлениям, королем поэзии был, конечно, Бродский, ну а кто был королем прозы? Солженицын на эту роль не годился, потому что он никогда не признавал эмигрантскую литературу, поэтому он был тузом. Но он был тузом, который находился в Вермонте, и, может быть, это даже был не туз, а джокер, потому что он не входил в колоду. Зато мы думали, что Бродский и Аксенов вместе возглавят русскую литературу в изгнании, и будет все замечательно. Знаете, как дети говорят: почему бы Толстому и Достоевскому не пришло в голову вместе сочинить что-нибудь?

Жизнь оказалась не так построена, как мы хотели. Аксенов рассчитывал на то, что Бродский порекомендует „Ожог“ своему издательству, чего Аксенов ждал естественным образом от Бродского как младшего товарища по перу, Аксенов-то был старшим.

Соломон Волков*: Но не по эмиграции в этот момент.*

Александр Генис: *Во всяком случае Аксенов надеялся, что Бродский ему обязательно поможет, чего Бродский не сделал. И не сделал по одной простой причине: ему не понравился „Ожог“.*

Соломон Волков: *Вы знаете, отзыв Бродского, который запечатлен и в письмах Аксенова, я даже не знаю, можем ли мы его озвучить, потому что он сказал: „Ожог“ – это дерьмо, хотя употреблено было совсем другое слово. Но вы знаете, пожалуй, что я попробую прочесть какие-то отрывки из письма Аксенова Бродскому. Надо учесть, что, когда Аксенов был еще в Советском Союзе, он уже узнал об отзыве Бродского. <…>*

Александр Генис: *Да, это, конечно, письмо обиженного человека. Аксенов никогда не простил Бродскому того, что Бродскому не понравилась его книга, и он об этом сказал. Вы знаете, я никогда об этом не говорил с Бродским, но я не раз об этом говорил с Лосевым, с другом Бродского, который знал Бродского лучше, чем сам Бродский. Лосев мне говорил об этом так: Аксенов не мог себе представить, что существуют нецеховые интересы, что Бродскому просто не нравится эта проза и он не хочет ее рекомендовать, потому что он считает, что незачем это делать. Вот эта простая мысль Аксенову в голову прийти не могла. Мне кажется, что это правдоподобная версия. А вам?*

Соломон Волков: *Я хотел бы процитировать ответ Бродского на это письмо, этот ответ очень показателен, потому что Бродский здесь пытается оправдаться. Мне кажется, что это оправдание получилось не слишком убедительным и, вместо того чтобы извинить Бродского, мне кажется, усугубляет в каком-то смысле его вину. Дело вот в чем: да, хорошо, его личные вкусы, он на них имел полное право, ему роман Аксенова, как мы знаем, не понравился. Но Аксенов в письме к Бродскому настаивает на том, что „Ожог“ „для меня пока самая главная книга, в ней собран нравственный, и этический, и поэтический, и профессиональный потенциал за очень многие годы“. То есть он считал „Ожог“ к тому времени своим самым большим достижением.*

Александр Генис: *Это бесспорно, на тот момент для него это была главная книга.*

Соломон Волков: *Для него отрицательное мнение Бродского было шоком. Но вдобавок к этому у Аксенова существовало некое представление о коллективной этике, при которой мы все в одной лодке, и если кого-то из нее пытаться выбросить на плаву, то это неэтично. Вот что отвечает Бродский на этот счет: „Никто меня не просил рекомендовать или не рекомендовать «Ожог» к публикации. Если бы спросили, я бы ответил отрицательно именно в силу обстоятельств, именно потому, что всякая неудача подрывает авторитет не столько рекомендателя, сколько самой литературы – следующую книжку, может быть, даже лучшую, чем та, что потерпела неудачу, пробить будет труднее. Квота имеет обыкновение сокращаться, а не расширяться».*

Я не думаю, что аргументация Бродского здесь убедительна. Он должен был бы, если говорить по совести, сказать: да, мне не понравилась книга, и все тут. Он же оправдывает это некоей литературной политикой. Вы сказали, что он исходил сугубо из вкусовых соображений – не понравилась книга, и все, но тогда надо было так и написать, а не аргументировать это тем, что из-за того, что появится «Ожог», труднее будет напечатать какую-то русскую книгу – это неправда кроме всего прочего (выделено мною. – *В. Е.)*.

Александр Генис: *Я совершенно согласен с вами, что это отговорка. Но не надо забывать и другого. Дело в том, что Бродский был очень отзывчив. Скажем, Солженицын никогда никому из русских писателей в Америке не помог, а Бродский помог очень многим, он помог Довлатову, он помог Татьяне Толстой, он помог Алешковскому, он помог многим писателям, которые ему нравились. Более того, Бродский часто писал предисловия к сборникам поэтов. Однажды он даже сказал: „Меня так мало интересуют чужие стишки*[48]*, что я уж лучше скажу о них что-нибудь хорошее“. То есть, в принципе, Бродский был отзывчивым литератором. И Аксенов был отзывчивым литератором, Аксенов тоже помогал людям. Например – мне, он очень ко мне был добр, и я всегда об этом помню. Поэтому я хочу сказать, что этот конфликт интересов никоим образом не должен отражаться на репутации каждого из них – тут просто возник конфликт из-за неприятия эстетики. Для Бродского роман „Ожог“ был неприемлемым, для него он был большим, многословным, с неуклюжей претензией на метафизику, что особенно раздражало*

Бродского. И он никак не мог себя представить в качестве апологета этой книги, вот как я это вижу.

Соломон Волков: *Для меня важен другой отзыв Бродского об „Ожоге“ Аксенова, он говорил, что „этот роман написан шваброй“. Это подтверждает ваши слова об эстетическом неприятии романа Аксенова. Но мы тут возвращаемся в реальность: отзыв Бродского сыграл решительную роль в судьбе романа „Ожог“. Это сильно ослабило позиции Аксенова.*

Александр Генис: *Но тем не менее Аксенов замечательную карьеру построил в Америке, его книги широко печатались. Когда он жил в Вашингтоне, то Аксенов с гордостью, но и с иронией сказал: „Я самый знаменитый писатель Вашингтона“. Это, конечно, не тот город, который знаменит писателями, скорее политиками. Тем не менее Аксенов в Америке прожил без отзывов Бродского яркую и вполне успешную жизнь»*[49].

Так выглядит эта драматическая история в восприятии современников двух знаменитых антагонистов. Все свидетели этой драмы, чьи свидетельства приведены мною выше (Еллендея и Карл Профферы, Зоя Богуславская, Анатолий Гладилин, Бенедикт Сарнов, Соломон Волков, Анатолий Генис), в том числе сам Василий Аксенов, подтверждают, что своим отрицательным отзывом на роман «Ожог» Иосиф Бродский на три-четыре года задержал развитие литературной карьеры Аксенова в Америке.

Остается еще один невыясненный вопрос, который может быть интересен поклонникам творчества Василия Аксенова. А именно: имел ли сам Аксенов какие-либо шансы стать нобелевским лауреатом?

Известно, что во время эмиграции он неоднократно становился номинантом на премию Нобеля по литературе. Его писательский потенциал достаточно высоко был оценен не кем иным, как Иосифом Бродским, в письме Аксенову от 28 апреля 1973 года.

Из письма Иосифа Бродского Василию Аксенову от 28 апреля 1973 года:

«*Я хотел давно тебе сказать, но все как-то не было случая – а теперь из-за разницы во времени и в пространстве может приобрести излишнюю значительность, чего я не желаю и чего, надеюсь (зная тебя), не произойдет, – что не *уй пытаться обставить Зощенку, Набокова, Сэлинджера (как все про тебя говорят) или даже Джойса. Единственный человек, которого надо*

пытаться, – это Беккет. Я думаю, он уже двадцать лет как самый главный человек – в нашем общем деле. Но для этого надо отказаться от ритмической прозы и от остроумия, и вообще от всего того, что приятно делать. Я это говорю именно тебе, потому что у тебя есть необходимый для этого дела душевный опыт, который тебе же на мозги давит, потому что остается нереализованным…»[50]

И уже спустя много лет после конфликта с Бродским некоторые критики, в том числе зарубежные, считали Аксенова наиболее вероятным среди российских писателей претендентом на высшую премию по литературе.

Из статьи Тадеуша Климовича «В ожидании Нобелевской премии. Заметки о современной российской литературе»:

«А вдобавок кто-то из них получит Нобеля. Многое указывает на то, что им будет Василий Аксенов (1932 г. р.), прозаик и драматург, который дебютировал полвека назад. Его первые произведения („Коллеги“, „Звездный билет“, „Апельсины из Марокко“) вырастали из атмосферы оттепели и располагали к себе давно отсутствовавшей в российской литературе безыскусственностью. Так же тепло принимали читатели и его следующие тексты, и даже роман „Любовь к электричеству“, опубликованный в серии „Пламенные революционеры“, не запятнал либерального образа писателя. В 1979 г. он был одним из пяти редакторов (остальные четверо – Андрей Битов, Фазиль Искандер, Виктор Ерофеев, Евгений Попов) тысячестраничного альманаха „Метрополь“, у которого не было ни малейшей надежды на публикацию в Советском Союзе и который в конце концов издали в США. После наказания самых молодых „метропольцев“ (Ерофеева и Попова) Аксенов, как и полагается приличному человеку с принципами, в знак протеста демонстративно покинул ряды Союза советских писателей и в 1980 г. очутился в США, где оставался 24 года. Только там он сумел опубликовать выдержанный в тональности политикал-фикшн „Остров Крым“ и автобиографический „Ожог“. Уже в эмиграции написаны и другие его романы: „Бумажный пейзаж“, „Новый сладостный стиль“ (из жизни эмиграции) и, главное, трилогия „Московская сага“, которую неумеренные льстецы сравнивают с „Войной и миром“, а умеренные – с „Доктором Живаго“. Аксенов никогда не скрывал, что „Сагу“ (1989–1993) он писал с мыслью об американском читателе, и этим объяснял выбор определенной художественной манеры. После этой секвенции всех „кратких курсов истории“ (его собственный вклад – это сталинизм „на скорую руку“) Василий

Павлович на страницах ежемесячника „Октябрь“, пользующегося успехом у читателей, перебрался в эпоху Екатерины II (в почти постмодернистском романе „Вольтерьянцы и вольтерьянки“), получил за него русский „Букер“, в рамках благодарности французам за Вольтера поселился в 2004 г. У них в Биаррице и написал роман „Москва ква-ква“, действие которого протекает в сладкие пятидесятые годы (1952–1953). Правда, на сей раз появились голоса, говорящие что-то о „старческом маразме“ и „халтуре“ (В. Топоров), но это ничего не меняет: Аксенов для многих поколений читателей остается культовым писателем, и он по-прежнему самый серьезный русский кандидат на Нобелевскую премию»[51].

При этом сам Аксенов при возникновении разговора на эту тему говорил, что пока в жюри премии заседает Гюнтер Грасс, ему, Аксенову, этой премии не видать. Со всеми левыми на Западе у него были испорчены отношения…

Аксенов так никогда и не простил Бродскому той роли, которую тот сыграл в истории с публикацией одного из любимейших его романов. И уже в самые последние годы жизни, если речь заходила о нашем четвертом нобелевском лауреате, не мог скрыть давней обиды. Правда, поскольку острота момента давно миновала, он высказывался об этом в спокойном тоне, немногословно, но не скрывая горечи.

Евгения Гинзбург и Василий Аксенов

[52]

Мать и сын, она – автор потрясшей мир книги-хроники «Крутой маршрут», он – один из самых ярких представителей литературного поколения шестидесятых прошлого столетия. Советская власть беспощадно и неотвратимо вторглась в их семейную жизнь, исковеркала ее, со звериной жестокостью оторвала друг от друга. Евгения Гинзбург была арестована на глазах у пятилетнего Василия. Через несколько месяцев был арестован и отец, Павел Аксенов, не пожелавший предать необоснованно арестованную жену. Разлука с родителями длилась долго. С матерью он увиделся только в 1949-м в «столице колымского края»

Магадане, через 12 лет после ее ареста, с отцом еще позже.

В Магадане Гинзбург находилась на поселении после окончания лагерного срока. Сюда и приехал Василий, чтобы поступить в десятый класс магаданской средней школы №i. Комнатка в бараке, которую Евгения Семеновна занимала вместе с обретенным в неволе новым мужем и с приемной дочерью, ничем не отличалась от соседних. Но здесь по вечерам собирались люди, изучавшие в свое время Гегеля и Канта, помнившие наизусть давно запрещенные «на материке» стихи поэтов «серебряного века», люди, с гордостью причислявшие себя к сословию интеллигенции, русской интеллигенции. Позднее Аксенов вспоминал, что именно здесь получил он свое первое литературное образование, какого не смог бы получить в то время ни на одном филологическом факультете страны. Быть может, именно это и предопределило его будущую литературную судьбу.

В том же году Евгения Гинзбург была вновь арестована в присутствии приехавшего из Казани сына. Цель ареста заключалась в том, чтобы оформить ей пожизненное поселение в Магадане. Через семь лет в письме к Василию от 12 февраля 1956 года, сетуя на его юношеское невнимание, она возвратилась к этому эпизоду: *«…я с некоторой грустью вспоминаю о том времени, когда я уезжала в легковой машине в приятном обществе тт. Палея и Ченцова*[53] *из старого дома. Я вспоминаю, как ты смотрел мне вслед, как разрывалось мое сердце от выражения твоих глаз, но в то же время я вспоминаю, какое у меня тогда было волнующее чувство, что у меня действительно есть сын, что он мой друг и единомышленник, что он серьезный человек, с которым я могу делить и горе, и радость».*

На этот раз все обошлось благополучно, и она вернулась к

сыну.

Окончив школу, Василий улетел «на материк», в Казань, где поступил в медицинский институт, по совету матери и ее второго мужа, бывшего лагерного врача. Они не исключали в будущем ареста Василия – кто мог в сталинское время исключать такую возможность, особенно для сына репрессированных родителей! А специальность врача, считали они, обеспечит ему в лагере, коли такое случится, наиболее благоприятные условия для выживания.

Василий стал студентом-медиком.

И вновь наступили долгие годы разлуки. Правда, после смерти Сталина и реабилитации Евгения Гинзбург иногда виделась с сыном, приезжая к нему из Магадана. Но это случалось редко. А в остальное время мать постоянно писала ему, наставляя на путь истинный, ежемесячно высылала ему заработанные в Магадане учительским трудом деньги. Писал Василию и освободившийся после лагерей и ссылки отец. Извлечения из этой переписки опубликованы в прошлом году в журнале «Октябрь» (№ 8).

Родителям, ярким представителям своего поколения, пережившего революцию, войны, коллективизацию, индустриализацию, массовые репрессии и реабилитацию, хотелось, чтобы сын унаследовал именно их мысли и представления о жизни, а он принадлежал уже к совсем другому времени. К тому же, хотя мы не располагаем ни одним ответным письмом самого Василия Аксенова, даже из родительских писем к нему возникает ощущение человека, обладающего довольно сильным характером и имеющего твердое понимание того, что ему нужно, а что нет. И действительно, он уже многое испытал: сиротство, участь сына «врагов народа», лишения военных лет и скудный быт лет послевоенных, он уже в полной мере ощущал мертвящий дух повседневной советской казенщины и всем существом восставал против него. А тут еще воспоминания военного детства об американской помощи по ленд-лизу: вкус настоящей тушенки, крепкие джинсы, неснашиваемые башмаки. Да еще американский джаз, занесенный в провинциальную Казань неведомо откуда взявшимися Олегом Лундстремом и его оркестрантами!..

Студент Казанского, вскоре Ленинградского медицинского института в начале переписки, а позже – молодой врач, Василий Аксенов был стилягой по убеждению, вместо солидной карьеры врача мечтал (чтобы посмотреть мир) устроиться медиком на суда дальнего плавания, влюблялся, по мнению родителей, не в тех девушек. При этом и политические взгляды сына были уже куда более радикальными, чем у его прошедших лагеря и

тюрьмы, но еще сохранявших верность коммунистическим иллюзиям родителей. Поэтому их сообщения о восстановлении в коммунистической партии, как и совет матери вступить в партию ему самому, вряд ли могли вызвать у него воодушевление.

Евгения Семеновна постоянно делилась с Василием впечатлениями от прочитанного (стихов и прозы), от увиденных кинофильмов и, конечно, своим жизненным опытом. Очень эмоционально переживала его пристрастия и увлечения (особенно его приверженность к «стиляжеству»), порой слишком драматизировала житейскую ситуацию. Больно ранило ее, что сын месяцами не отвечает на ее взволнованные письма.

Сквозной темой многих писем матери является проблема теплого зимнего пальто, которое у Василия постоянно куда-то пропадает, а взамен появляется «стиляжная хламида». Все это нашло отражение в позднем рассказе Василия Аксенова «Три шинели и Нос» (1996), где герой рассказа признается: *«Я ненавидел свое зимнее пальто больше, чем Иосифа Виссарионовича Сталина. Это изделие, казалось, было специально спроектировано для унижения человеческого достоинства: пудовый драпец с ватином, мерзейший „котиковый“ воротник, тесные плечи, коровий загривок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу пожилых бюрократов».*

И конечно, вместо добротного советского «изделия» появлялось из комиссионки заношенное до дыр пальтишко «верблюжьего цвета, с которого *«свисал пояс с металлической, не наших очертаний, пряжкой»* («Три шинели и Нос»).

Это будет написано Аксеновым более сорока лет спустя, а пока магаданскими зимними ночами Евгении Гинзбург не спится после получения от живущей в Ленинграде сестры известий о том, что ее Вася кашляет и мерзнет от холода в далеком городе на Неве.

Отец, как это свойственно мужчинам, относился к перипетиям сыновней жизни более снисходительно и терпимо, его письма нередко выдержаны в шутливом тоне, но изредка встречаются и жесткие отповеди.

Письма родителей Аксенов хранил всю жизнь, они были с ним и в годы эмиграции.

Между тем время шло. Василий окончил институт, стал врачом – сначала в Ленинградском порту, потом в ленинградской области, затем в Москве. К началу шестидесятых годов относится его яркий литературный дебют: в журнале «Юность» были опубликованы его романы «Звездный билет» и «Коллеги». По ним сразу же стали сниматься кинофильмы. Съемки фильма «Мой младший брат» по «Звездному билету» начались до выхода

романа из печати. По воспоминаниям Аксенова, в июле 1961 года во время съемок фильма таллинский пляж вдруг запестрел оранжевыми обложками «Юности» – шестого номера журнала за этот год со «Звездным билетом». Это был успех, это была слава.

Евгения Семеновна, она с 1957 года живет во Львове, тоже успела уже заявить о себе как писатель, ее воспоминания о рабфаке были опубликованы в Казани в 1963-м. Но до публикации ее главной книги было еще далеко. Первая часть «Крутого маршрута» впервые будет опубликована в ФРГ (Франкфурт-на-Майне) в 1967 году, на родине книга выйдет целиком лишь в 1989 году.

Мать и сын воссоединились в Москве только в середине шестидесятых (1966 год), когда с помощью Василия Евгения Гинзбург поселилась в известном писательском кооперативном доме у метро «Аэропорт». Друзья сына быстро стали и ее друзьями. Именно такие отношения сложились у нее с Анатолием Гладилиным, Беллой Ахмадулиной, Зоей Богуславской, Бенедиктом Сарновым, многими другими известными писателями и поэтами тех лет. Особенной теплотой и взаимностью была отмечена ее дружба с Евгением Евтушенко, даже в ту пору, когда его отношения с Аксеновым стали желать лучшего. Столь же сердечными сделались и ее отношения с будущей второй женой Василия Майей Овчинниковой.

В 1976 году Василию Аксенову удалось добиться разрешения на совместную с матерью поездку во Францию. В путевых записях Евгении Гинзбург, часть которых так же, как и письма к сыну, публиковались в журнале «Октябрь» (2012, № 8), в записи за 19 августа 1976 года читаем:

«С утра – Брест. Проверка паспортов, таможенный осмотр. Таможенница – девица типа Галины Борисовны[54] *– особенно не придирается, в чемоданы не лезет.*

– Наркотики везете? Литературы нет? Золота? Как нет, а это что? – зорко уловила цепочку под блузкой…

В Бресте поезд долго переформировывается. И вот свершилось: впервые за долгую мою жизнь я пересекаю границу любезного отечества».

Эмоциональна и запись от 3 сентября:

«Наконец-то я дорвалась до вымеченной мной продавщицы, которая занимается только мной. Она хочет одеть меня с ног до головы. С отлично разыгранным восторгом подбирает мне тона к лицу. И что с того, что я знаю: я стара как мир и она, как бы ни старалась, не может разглядеть во мне прежнюю Женюшу. Зато я проглядываю. Вдруг она возникает в зеркале за каким-то туманом. Правда, на ней бушлат ярославского политизолятора, но я каким-

то фантастическим усилием воли заменяю его этим парижским тэйером. Это только секунда, но она дает мне горькое счастье. Вот как это выглядело бы, если бы это надеть на меня тогда…

– Цены астрономические, – восклицает по-русски Вася.

А бойкая продавщица уловила, смеется, повторяет „астрономик“, но услужливо разъясняет, что фирма готова ждать, если у месье и мадам нет сейчас с собой таких денег. Пусть мы оставим аванс, а они за это время подобьют элегантное пальто ватином, поскольку русские зимы так суровы. И охмурила. На все мы согласились, и теперь все Переделкино ахнет от моих обновок с Елисейских Полей».

Эта первая в ее жизни заграничная поездка стала для больной раком Евгении Семеновны большой радостью, скрасившей последние месяцы ее жизни. Она умерла 25 мая следующего года.

«Крутой маршрут» был опубликован на родине 12 лет спустя, во время горбачевской перестройки. Вскоре театром «Современник» по нему был поставлен спектакль – получившая всемирное признание книга обрела новую жизнь. «Крутой маршрут» до сих пор остается в репертуаре «Современника». Театр неизменно показывает его во время зарубежных гастролей.

Году в 2004-м я смотрел «Крутой маршрут» вместе с Василием. Видимо, главный режиссер театра Галина Волчек пригласила его, а он предложил нам с женой составить ему компанию. В зале мы сидели справа от него, а слева сидел его сын Алексей. Ощущение того, что я сижу рядом с сыном героини спектакля, придавало увиденному особую подлинность. В наиболее драматические моменты действия невозможно было удержать слезы. Я и не удерживал, потому что это была жгучая правда: сотни тысяч семей наших соотечественников разделили ту же участь. А когда зажегся свет и мы поднялись с кресел, Василий сказал, вытирая щеку: «Я плакал…»

В 1994 году Василий Аксенов написал предисловие к книге о следственных делах Евгении Гинзбург, составленной и прокомментированной казанским историком профессором А. Л. Литвиновым.

Вот этот текст, ксерокопию которого он сохранял в своем архиве:

Предисловие к книге «Два следственных дела Е. Гинзбург»[55].

«Чтение архивов советского гэбэ наполняет душу мраком, а тело свинцом. Особенно если ты читаешь „дело“ своей собственной матери. Особенно если твоя мать – Евгения Гинзбург, написавшая

потрясающий человеческий и литературный документ, основанный на этом гнусном „деле“, книгу „Крутой маршрут“.

Парадоксальный результат соединения этих, казалось бы, несоединимых стихий, полицейского произвола и литературной страсти: мерзавцы, оформлявшие грязное насилие над молодой казанской интеллигенткой, спасены от забвения. Не будь „Крутого маршрута“, все эти подписи под протоколами допросов и очных ставок через 56 лет оказались бы просто анонимами, теперь мы видим за ними литературные, то есть человеческие, образы, образы недочеловеков: Ельшин, Бикчентаев, Вевер…

В каком-нибудь будущем издании, может быть, стоило бы поместить под одной обложкой „Крутой маршрут“ и „дело Е. С. Гинзбург“, извлеченное из-под более чем полувекового спуда историком и архивистом Литвиновым. Глухой вой погибшей теперь машины террора еще острее донес бы до читателей будущих поколений трагическую, но всегда каким-то удивительным образом просветленную ноту „Маршрута“.

Иные, выявляющиеся из грязно-мышиного цвета папочек „материалы“ опрокидывали меня, прожитые десятилетия, казалось, исчезали, и я по-сиротски останавливался на краю той юдоли, на пороге разгромленного семейного очага, возле Лядского садика моего детства. Чего стоят только профильные и анфас фотографии матери, сделанные фотографом „Черного озера“[56] *после вынесения обвинительного заключения. Чего стоят только инвентарные списки реквизированных предметов домашнего обихода: костюм старый хорошего качества, белье постельное, игрушки детские, Иммануил Кант, собрание сочинений…»*

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ ПО СЛУЧАЮ ПОДНОШЕНИЯ

ЕВГЕНИИ СЕМЕНОВНЕ ГИНЗБУРГ-АКСЕНОВОЙ

ИМПОРТНОГО / из Эстонии / СВЕТИЛЬНИКА-НОЧНИКА

В БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ДЕНЬ ЕЕ - ЕВГЕНИИ СЕМЕНОВНЫ -

РОЖДЕНИЯ 20 ДЕКАБРЯ 1968 ГОДА.

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным сиянием зари,
Так в сталинских капищах все алтари
Чадно мерцают и сумрачно тлеют
Перед сиянием доброго гения,
Озарившего Ваши маршруты, Евгения!
И пусть старый Томас из старого Таллина
Хранит Ваш покой от наследников Сталина!
Опишите скоро Вы их поражения.

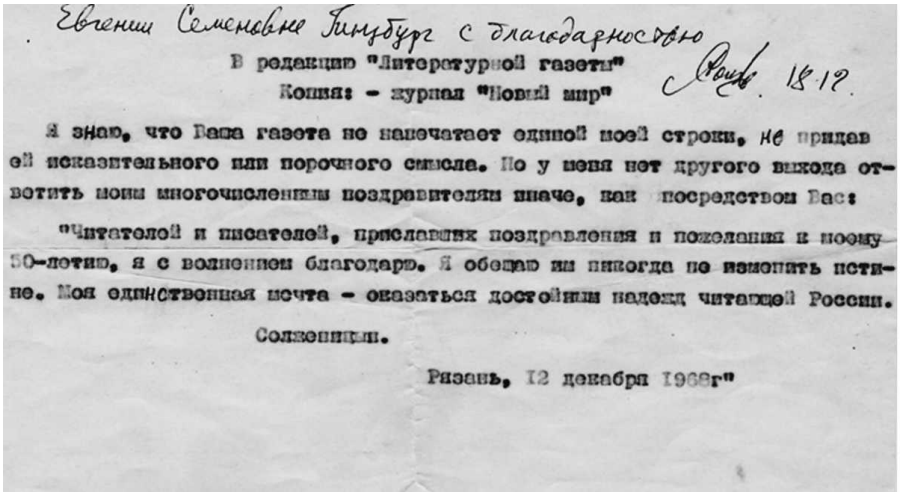
Да здравствует Муза!
Да здравствует Женя!

= Р.О. , Л.К.

Раиса Орлова Лев Копелев

Выше – поздравление Евгении Гинзбург от Льва Копелева и Раисы Орловой по случаю ее дня рождения 20 декабря 1968 года.

Ниже – копия письма Александра Солженицына из Рязани в «Литературную газету» с припиской лично для Евгении Гинзбург.



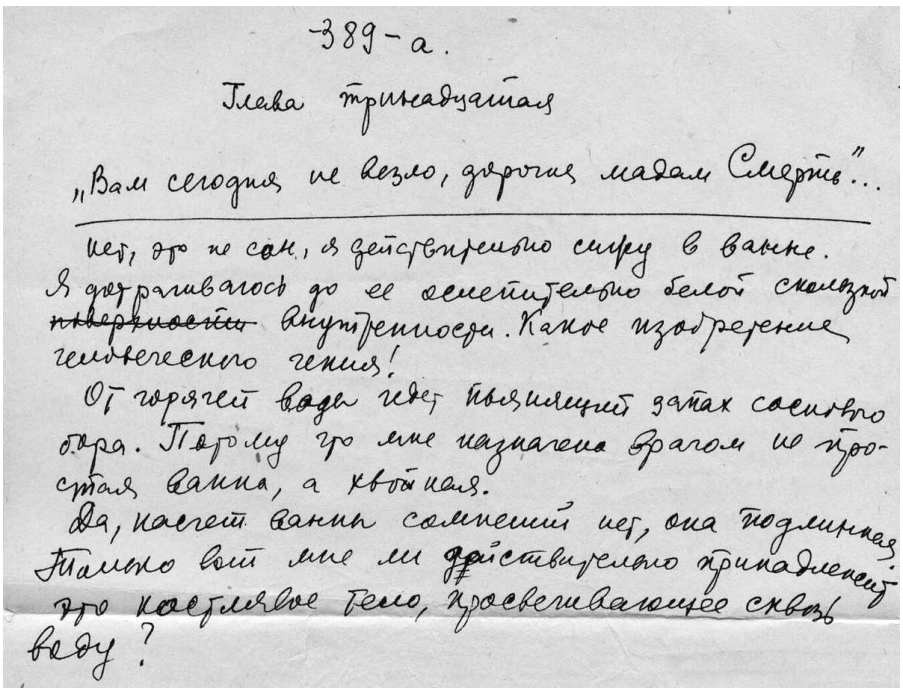
Евгении Семеновне Гинзбург с благодарностью
В редакцию "Литературной газеты"
Копия: - журнал "Новый мир"
Рязань. 18.12.

Я знаю, что Ваша газета не напечатает одной моей строки, не придав ей искажительного или порочного смысла. Но у меня нет другого выхода ответить моим многочисленным поздравителям иначе, как посредством Вас:

"Читателей и писателей, приславших поздравления и пожелания к моему 50-летию, я с волнением благодарю. Я обещаю им никогда не изменять истине. Моя единственная цель - оказаться достойным надежд читающей России.

Солженицын.

Рязань, 12 декабря 1968г"



-389-а.

Глава тринадцатая

„Вам сегодня не везло, дорогая мадам Смерть"...

Нет, это не сон, я действительно сижу в ванне. Я заглядываюсь до ее ослепительно белой скользкой ~~поверхности~~ внутренности. Какое изобретение гениального гения! От горячей воды идет пьянящий запах соленого моря. Почему это мне напомнило врагом не простая ванна, а кровать.

Да, пахнет ванна соленой, она подлинная. Странно вот мне ли действительно принадлежит это костлявое тело, просвечивающее сквозь воду?

Выше – фрагмент автографа «Крутого маршрута».

Василий Аксенов и его поколение в романе «Таинственная страсть»

[57]

Литературное поколение Василия Аксенова пришло в искусство на волне хрущевской оттепели, коснувшейся всех сфер советской жизни. Недавно было вынесено из мавзолея тело Сталина, шла массовая реабилитация незаконно репрессированных в годы сталинского режима. В литературе одно за другим появлялись новые имена и столь же новые по языку, по мироощущению, по изобразительным средствам произведения: «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, «Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского, романы Георгия Владимова, повести и рассказы Василия Аксенова и Владимира Войновича, пьесы Александра Володина и Виктора Розова… Возникали новые журналы и альманахи: «Юность», «Литературная Москва», последний, правда, не возник вновь, а возобновил издание – им теперь руководила редколлегия, не назначенная сверху, а выдвинутая писательской общественностью. Выходили кинофильмы, основанные на правде жизни, появление которых еще несколько лет назад было бы невозможно: «Летят журавли» Михаила Калатозова, «Баллада о солдате» Григория Чухрая, – фильмы, сразу же получившие мировое признание. Открывались новые театры: «Современник», чуть позже «Театр на Таганке».

В 1961 году при непосредственном участии одного из самых известных писателей тех лет Константина Паустовского вышел альманах «Тарусские страницы». Он объединил под своей обложкой стихи Марины Цветаевой (явившиеся откровением для советского читателя), материалы о Всеволоде Мейерхольде (расстрелянном два десятилетия назад), первую публикацию Надежды Яковлевны Мандельштам (под псевдонимом Н. Яковлева), очерк Фриды Видгоровой (будущей хронистки суда над Иосифом Бродским), повесть «До свидания, мальчики!» Бориса Балтера, стихи прежде почти не публиковавшегося, но уже отбывшего сталинскую ссылку Наума Коржавина, а также стихи малоизвестных тогда широкому читателю Бориса Слуцкого, Давида Самойлова и молодого еще Владимира Корнилова.

Но при всем обилии новых талантов самыми популярными, самыми знаковыми фигурами поколения, способными собирать на свои выступления многотысячную аудиторию, были молодые поэты Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Евгений

Евтушенко, Андрей Вознесенский и не такой уж молодой, прошедший Отечественную войну Булат Окуджава, песни которого пела вся страна. Именно в таком порядке расположил их имена Василий Аксенов на странице, открывающей книгу первую его последнего романа «Таинственная страсть». Имя молодого прозаика Василия Аксенова конечно же тоже входило в шестидесятые годы в этот перечень имен.

В романе все они предстают под другими именами: Роберт Рождественский – Роберт Эр, Белла Ахмадулина – Нэлла Аххо, Евгений Евтушенко – Ян Тушинский, Андрей Вознесенский – Антон Андреотис, Булат Окуджава – Кукуш Октава, сам автор предстает под именем Ваксона. Как заявлено в предисловии, автор «вовсе не старался прикрыться этими живыми масками» от возможных упреков в неточности или недостоверности, а только «лишь норовил расширить границы жанра», «дать больше воздуха», сохраняя при этом «художественную правду, которую не опровергнешь»[58].

Строфы названных поэтов (по одной из стихов каждого) составляют пятичастный эпиграф к последнему аксеновскому роману. Этим задана тема содружества, сотворчества, товарищеского единения. Так оно и было в жизни в начале шестидесятых. Необходимость такого единения и взаимной поддержки заявлена в одной из начальных глав романа в ночном разговоре Ваксона с Робертом Эром. Ваксон вспоминает, что сказал ему старик гадальщик во время недавней поездки по Японии. Собственно, не слова гадальщика, говорившего по-японски, а то, что Ваксону перевели во время сеанса: «…он (старик. – *В. Е.)* видит, как ты со своими друзьями идете ночью по тропе в лесу. И лунные цветы „хаши“ трепещут на ваших одеждах. Он говорит, что, пока вы идете вместе, все будет в порядке. Вам надо быть вместе, иначе все рассыплется в прах…»[59]

Они действительно были тогда вместе: на вечерах в Политехническом, на многотысячных вечерах в Лужниках, в отстаивании своей творческой свободы в советской прессе, в конфликтах с редакторами советских подцензурных журналов. Были вместе и на волне славы, и под перекрестным огнем критики идеологов социализма. Им необходимо было быть вместе, потому что всякие Грибочуевы, Бандерры Бригадски, Корнейчучины, Кычетовы и прочие закоренелые сталинисты не собирались сдавать свои командные позиции в литературе, в штыки встречали каждое живое слово.

Какую ненависть и злобу вызывали у приверженцев соцреализма молодые аксеновские герои дают почувствовать страницы, повествующие о встрече Хрущева с творческой

интеллигенцией в Кремле (глава «1963, март. Кремль»).

Там слово взяла коммунистка Бандерра Бригадска (Ванда Василевская), которая только что вернулась из социалистической Польши, и вот польские товарищи жаловались ей, что некоторые молодые писатели из СССР мешают им строить социализм. Свердловский зал Кремля, в котором происходила встреча, немедленно взорвался криками: «Позор! Позор! Позор!» А когда Бандерра назвала имена: это поэт Андреотис и прозаик Ваксон печатались в польском журнале «с ревизионистским душком», «зал возмущенно рявкнул, будто лев, у которого пара сорок похитила из клетки кусок мяса», а затем «радостно взвыл: „Андреотис! Ваксон! Позор! Покарать оных! Совсем не русских! Откуда такие взялись?! Изгнать оных! Изолировать!“»[60].

После устроенного Хрущевым грубого разноса в Кремле Андреотиса и Ваксона, оказавшихся в ресторане ЦДЛ, окружают друзья: здесь и Эр, и Тушинский, и Кукуш Октава, и Гладиолус Подгурский (Анатолий Гладилин), и Турковский (Андрей Тарковский), и Генри Известнов (Эрнст Неизвестный), и Энерг Месхиев (Марлен Хуциев). Они держатся вместе, и, значит, борьба продолжается.

Борьбу с новым ревнители коммунистических устоев вели не только в зале Кремля, не только в редакциях журналов и газет, куда несли свои статьи и произведения молодые шестидесятники. Борьба с новыми веяниями велась и на курортах, в частности в Коктебеле, где располагался писательский дом отдыха и где собирались вместе герои аксеновского романа.

Об этом повествуется в главе «1964, август. Шорты»:

«Сезон 1964 года был довольно накаленным по части шортов. Всех прибывающих сурово оповещали: на набережной никаких шортов, только бруки <…> Всякий, кто выйдет с пляжа не как положено, будет осужден за вызывающую форму одежды и весь отпуск проведет на исправительных работах с метлой.

Народ, особенно молодой и столичный, упорно сопротивлялся, потому что заметил в некоторых современных фильмах, что на Западе и по городу ходят в коротких. Одни в коротких, другие в длинных, кто как захочет»[61].

Отдыхавший в Доме творчества «мрачневецкий соцреалист Аркадий Близнецов-Первенец» (Аркадий Первенцев) опубликовал то ли в «Комсомолке», то ли в самой «Правде» фельетон о нравах в Коктебеле и, в частности, «о бородатых юнцах в шортах».

Местные власти распорядились задерживать молодежь в шортах, их увозили с набережной в милицейских фургонах. В Коктебеле развернулись нешуточные события, в которых приняли участие известные писатели, лауреаты Государственных премий и

члены Секретариата Союза писателей. Противостояние завершилось поражением местных ретроградов:

«В тот же вечер на террасе дома Волошина поэт-юморист либерального крыла Лодик Ахнов (Владлен Бахнов) спел только что им самим сочиненную песню с посвящением боевому перу партии Близнецову-Первенцу <…>

Ах, что за славная земля
Вокруг залива Коктебля:
Колхозы, бля, совхозы, бля,
Природа!

Но портят эту красоту
Сюда приехавшие ту —
Неядцы, бля, моральные
Уроды.

Спят тунеядцы под кустом,
Не занимаются трудом
И спортом, бля, и спортом, бля,
И спортом.

Не видно даже брюк на них,
Одна девчонка на троих
И шорты, бля, и шорты, бля,
И шорты.
и т. д.»[62]

Все это Аксенов не сочинил. Песенку Бахнова, написанную будто бы от лица мракобеса Первенцева, с восторгом распевал в то лето (и еще многие годы спустя) весь Коктебель.

Так что линия фронта в противостоянии сталинистов, блюстителей коммунистической морали и молодого поколения писателей, аксеновского поколения, проходила везде: по городам, весям и даже по курортам…

* * *

Между тем время благотворных перемен в истории страны, время политической оттепели, закончилось: в октябре 1964 года был смещен с поста Первого секретаря ЦК КПСС архитектор оттепели Никита Хрущев, 29 марта – 8 апреля 1966 года прошел XXIII съезд КПСС, вернувший в Устав партии сталинские названия

(Политбюро и Генсек), в том же году в Москве прошел первый политический судебный процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем.

Они были осуждены уголовным судом за то, что под псевдонимами (Абрам Терц и Николай Аржак) публиковали на Западе свои произведения, критически изображавшие советскую действительность. В 1967 году был устроен новый процесс («процесс четырех») теперь уже над Александром Гинзбургом – ему инкриминировали составление и распространение в самиздате «Белой книги» о процессе над Синявским и Даниэлем. Вместе с ним перед судом предстали Юрий Галансков и сотрудники Галанскова Алексей Добровольский и Вера Лашкова – за составление и распространение в самиздате общественно-политического альманаха «Феникс–66». Всех четырех обвинили в антисоветской деятельности и связи с эмигрантской организацией НТС (и, конечно, осудили).

Общественность протестовала, в частности составлялись коллективные письма в защиту обвиняемых. И репрессивные ответные меры власти не заставили себя ждать. Был даже слух, что все так называемые подписанты коллективных писем в защиту преследуемой четверки будут выселяться из Москвы. На эту угрозу, якобы исходившую от самого Брежнева (верховного властителя страны в те годы), откликнулся Булат Окуджава «Старинной студенческой песней», где были и такие слова:

Пока безумный наш султан
Сулит нам дальнюю дорогу,
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, ей-богу.

Все «подписанты» были подвергнуты публичному шельмованию, а члены партии, не пожелавшие покаяться и не выдавшие организаторов сбора подписей, исключены из партии со всеми вытекающими из этого последствиями: их имена не могли отныне появляться в печати, что означало запрет на профессию писателя.

В августе 1968-го советские танки вошли в Прагу: Советский Союз и его сателлиты (страны социалистического лагеря) оккупировали взбунтовавшуюся Чехословакию.

Все это есть и в аксеновском романе. И конечно, «Старинная студенческая песня» Окуджавы цитируется. Но при этом в главе «1968, август. Посиделки» начинает вдруг звучать новая тема.

Жена Тушинского Татьяна во время «посиделок» ставит перед друзьями прямой вопрос, что они выбирают: предательство или

сострадание? «Мне кажется, что после хрущевского опороса наши мальчики склоняются к первому, – говорит Татьяна. – Они забздели, что их перестанут печатать и выпускать за границу. <… > Предали, по-блядски предали нашу… поэзию, говнюки, неужели и этого вы не понимаете? Вам дан поэтический дар, а вы его расходуете, чтобы умаслить кретинических хмырей аппарата!»[63]. При этом она «тыкает» пальцем в своего мужа, который «катает свою мегаломаническую бредовину (поэма Евтушенко «Братская ГЭС». – *В. Е.)* на четыре с половиной тысячи строк!»[64]. А потом упрекает в приспособленчестве и Андреотиса за его поэму о Ленине «Лонжюмо» и за стихотворение «Уберите Ленина с денег!». «Да куда ж его с денег-то перетащить? На туалетную бумагу, что ли?»[65] – заключает она в сердцах.

А потом, когда все разошлись (глава «1968, тянется август, середина, ночь. Фрондер»), Ваксон, оставшись один, обдумывает происшедшее, вспоминает закончившуюся вечеринку: «Только что вдали по аллее прошли два высоких друга. Свернули направо <…> Почему я их не догнал? В прошлом году этого бы не случилось. В прошлом году я бы их, моих друзей, запросто догнал, и мы бы вместе начали хохмить и подтрунивать друг над другом. Что-то изменилось за два года, за год. Эти посиделки были подсознательной попыткой что-то восстановить, но что-то изменилось и после посиделок. Мы идем в разных направлениях. Ян и Роб влекутся в категорию „хороших ребят“, а он подтягивается к „категорически не очень хорошим“»[66].

Мысль о необходимости единения (вспомним предостережение японского гадальщика) внушал героям и «Дух Пролетающий-Мгновенно-Тающий», который по воле автора веет над ними на протяжении всего романа: «Ведь каждый из вас жаждет отступить от тщеславия и проявить преданность своей таинственной страсти, поэзии. И страсть сия вас стремится объединить»[67].

Но единения больше нет, герои постепенно расходятся в разные стороны. Иногда они еще собираются вместе, как при встрече Яши Процкого (Иосифа Бродского), который приехал в Москву после ссылки. «И нам опять показалось, – признается автор, – что всплыл Коктебель 1968 года, когда мы были едины»[68].

А свободы становится все меньше, и «тертый калач» Ваксон вместе с «новыми молодыми друзьями»[69] Олехой Охотниковым (Евгением Поповым) и Венечкой Проббером (Виктором Ерофеевым) задумывают издать в 12 экземплярах («три закладки по четыре копии на обыкновенной пишмашинке»[70]) неподцензурный альманах «Метрополь». В альманахе

приглашаются участвовать «непризнанные и оскорбленные» литературной властью писатели и поэты, в частности Юрий Тапир (Генрих Сапгир), Женька Брейн (Евгений Рейн), Влад Вертикалов (Владимир Высоцкий), Линда Залесская (Инна Лиснянская), Жорж Чавчавадзе (Семен Липкин). А вот Антона Андреотиса и Нэллу Аххо пригласили, чтобы укрепить альманах «несколькими именами авторов, „работающих на грани лояльности (к власти. – *В. Е.)“,* то есть официальной фрондой»[71]. Вставал вопрос и о том, «приглашать или нет основных китов шестидесятых»[72], то есть Яна Тушинского и Роберта Эра. Имя первого могло бы послужить некоторой защитой, когда начнут душить авторов «Метрополя», но это же могло вызвать уход многих «непризнанных»: Тушинский слишком связан с партией. А что касается Роберта, «этот, пожалуй, больше пользы бы принес, чем предыдущий»[73].

«Но все-таки он член КПСС, не так ли? – рассуждают организаторы альманаха. – И не только это, но еще и депутат Верховного Совета СССР! Вы не понимаете, он просто вельможа этой страны».

Вот как все дальше расходятся дороги бывших друзей!

После выхода «Метрополя» начинается борьба «гигантского Голиафа (советской власти) и кучки микроскопических Давидов»[74]. Представителем «Голиафа» является первый секретарь Московского отделения Союза писателей СССР Феликс Кузьмец (Феликс Кузнецов). Когда-то он тоже был среди шестидесятников, был приятелем Ваксона. Но теперь, совершив предательство, выступал в роли судьи и обвинителя.

В это же время в главе «1979. Административное» Роберт Эр, один из лидеров поколения, «ощущая дефицит дружбы»[75], подводит невеселый итог двум прошедшим десятилетиям:

«Приближалось полсотни возраста, и с каждым годом он ощущал, как распадается их молодой союз. Янк все реже появляется для „душеспасительных толковищ“, все с большим рвением колесит по всему миру, превращаясь в какого-то конягу утопического социализма <…> А Глад? Наш развеселый Гладиолус? Ну как можно в это поверить – из „Московского комсомольца“ перепрыгнуть в парижское бюро радио „Свобода“? <…> Антоша со своей замкнутой кольцеобразной видеомой „Мать-мать-маТь-ма-Тьма…“ примкнул к „Метрополю“. В другую сторону ушла Нэлка, вернее, ее увел туда Гриша Мессерсмит (Борис Мессерер) – на чердаки художников. Вот там, на чердаках, очевидно, и возникла идея „Метрополя“»[76].

И дальше он судит самого себя: «А почему же ты не вспоминаешь о себе?.. Ведь ты и сам от них ушел, от прежних,

признайся, Роб! Ты в партию ушел от них, от беспартийной богемы, от фронды, которую грязной тряпкой отхлестал Хрущев. Ты потащился совсем в другую сторону, почти столь же немыслимую для всех, сколь и радио «Свобода»[77].

Почему это случилось с его поколением, спрашивает себя Роберт и сам же отвечает себе: «Мы не договорили этого до конца, стали отмахиваться. Пропустили тот миг, когда „хорошие парни“ стали качаться, когда наша дружба пошла наперекосяк. И это был 1968-й. Коктебель. Что-то было не так. Как Влад орет в своей песне: „Эх, ребята, все не так, все не так, ребята!“ Ваксон как-то точнее держался, чем ты. Он орал на каждом углу о партийных преступниках. И так ты стал дрейфовать в сторону от Вакса»[78].

А Вакс стал настолько неудобен для власти, что на него совершается покушение, когда он с Ралиссой (Майя Аксенова) возвращается на ярко-желтой «Ладе» в Москву после встречи с отцом. И это, пожалуй, самое драматичное место романа:

«– Что за странная процессия, – успел произнести Ваксон.

Когда их разделяло не более чем метров сто, КрАЗ пересек осевую, скатился на полосу встречного движения и включил колоссальный свет. В тот же момент оставшиеся на своей полосе мотоциклы включили свой колоссальный свет, и таким образом водитель ярко-желтой «Лады» был полностью ослеплен.

– Это конец! – успела воскликнуть Ралисса <…>

Столкновение с тяжелым советским металлом было неизбежно, а при попытке отвернуть его ждал глубокий кювет и серия беспомощных кульбитов с ударом о сосны и взрывом бака. И вдруг словно кто-то другой взял его руль. Он мощно выкрутил до отказа направо. Вслед за этим мгновенно выкрутил руль налево и до конца утопил педаль газа. С неистовым ревом по самой кромке кювета „Лада“ проскочила мимо КрАЗа. Не менее километра его машина неслась на своей максимальной, если не сверхмаксимальной скорости.

Потом он стал тормозить, выехал на асфальт и остановился. Ралисса, почти без сознания, висела на его плече. Они обернулись. То ли сумрак успел за эти секунды основательно рассеяться, то ли зрение их обострилось, но они отчетливо увидели далеко позади, как КрАЗ с его эскортом без всяких огней уходят за поворот»[79].

Все это происходило на самом деле, когда Василий Аксенов с женой Майей в июне 1980 года возвращался из Казани. Он ездил в Казань, чтобы проститься с отцом перед отъездом в вынужденную эмиграцию.

Но возвратимся к роману.

Две последние приведенные нами цитаты показывают, как

далеко разошлись дороги лидеров поколения.

Почему это случилось с ними?

* * *

И тут особое значение приобретает название романа: «Таинственная страсть».

Оно взято Аксеновым из стихотворения Беллы Ахмадулиной 1959 года:

По улице моей который год
звучат шаги – мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами подобен.

Запущены моих друзей дела,
нет в их домах ни музыки, ни пенья,
и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.

Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи…

(Выделено мною. – *В. Е.)*

На этой строфе прервем цитирование. «Предательства таинственная страсть» – эта формула несколько раз возникает в романе. Первый раз в главе «1964, август. Шорты». Там Ваксон, перед тем как попрощаться с Робертом, вдруг вспоминает:

«– Я недавно слышал, как Нэлка читала в зале Чайковского. Это было нечто, знаешь! Она витала в своем волшебстве! <…> все повскакали, орали восторги, и я со всеми орал восторг. И вдруг меня обожгло, я понял, что она прочла в одном стихе не совсем ту версию, что была напечатана в „Юности“. Вот как звучала последняя строфа:

Ну вот и все, да не разбудит **власть**
Вас, беззащитных, среди этой ночи;
К предательству таинственная страсть,
Друзья мои, туманит ваши очи…

(Выделено мною. – *В. Е.)*

Мне иногда кажется, что призрак предательства за ней, а стало быть, и за всеми волочится еще со времен Бориса»[80].

И сразу же вслед за этим Ваксон рассказывает о предостережении японского старика гадальщика: «Вам нужно быть вместе, иначе все рассыплется в прах».

Интересно сопоставить это с соответствующим местом статьи Аксенова «Юность бальзаковского возраста», напечатанной к тридцатилетию журнала «Юность» в эмигрантском еженедельнике «Стрелец» за **22** года до окончания «Таинственной страсти»:

«Однажды двадцать три года назад на ветреном перекрестке в Токио я задал уличному оракулу вопрос о судьбе моего литературного поколения. Ответ, кажись, прозвучал по делу: „Нужно быстро идти вперед, не упуская момента. Если все будут действовать дружно, будет удача“… В те времена казалось, что пожелания оракула легко выполнимы. Коварное „если“ ускользнуло от внимания.

Последующие годы показали, что, несмотря на быстрое движение, момент был упущен, если он вообще существовал в природе. Иногда кажется, что все развивалось по логике хаоса, иногда думаешь, что существовал чей-то недобрый замысел.

Так или иначе, но „блестящую плеяду“ год за годом стали раздирать ссоры, столкновения самолюбий, хитрые уловки, которые долгое время никто не решался назвать предательством». [81]

О том же и в другой статье Аксенова тех лет, посвященной Булату Окуджаве. Вспоминая стихи Окуджавы:

> Как вожделенно хочет век
> нащупать брешь у нас в цепочке…
> Возьмемся за руки, друзья,
> возьмемся за руки, друзья,
> чтоб не пропасть поодиночке, —

Аксенов вновь возвращается к судьбе поколения.

Он пишет:

«С этой песенкой, возникшей, если не ошибаюсь, в середине шестидесятых, связано воспоминание об одном московском вечере, когда на сцене Клуба гуманитарных факультетов МГУ, что на Моховой, спонтанно собралась компания, по нынешним временам (1987 год. – *В. Е.)* совершенно немыслимая: Булат Окуджава, Иосиф Бродский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, художник Олег Целков и ваш покорный слуга. Из

шести участников трое находятся в эмиграции и не очень-то, мягко говоря, ладят друг с другом, а трое оставшихся не очень-то любят появляться вместе. Группа, или, как в песне поется, „цепочка“, давно распалась, если когда-нибудь существовала. Брешь, которой так вожделенно жаждал век, была великолепно нащупана, если в ней вообще была когда-то нужда. Внутри развалившейся группы остались только личные человеческие связи или антисвязи – иные привязанности и даже дружеские чувства, иные враждебности и даже брезгливость»[82].

Так и в романе Аксенова друзья, как уже сказано, постепенно расходятся в разные стороны.

Так оно и было. В письме Василию Аксенову в Америку от 15 января 1984 года Белла Ахмадулина писала: «Васька! Рассмешу тебя. Пришел режиссер, как люди говорят: благородный и не благополучный, Булат просил принять, иначе бы – не приняла. Я очень занеслась в моей отдельности. Да, я занеслась в моей отдельности, а его предполагаемый (уже начатый) фильм – о единстве поколения, о шестидесятых годах. Я сказала: валяйте, снимусь, но не с Евтушенко и Вознесенским, а с Аксеновым, Войновичем и Владимовым: мы и впрямь не разминулись. Баба-ассистент мне говорит: „Б. А., но ведь это – невозможно“. Говорю: вот и я о том же. А Борька[83] – еще был грубее и справедливей»[84]…

А Василий Аксенов весной 1986 года писал Белле Ахмадулиной: «Поразительная чувствительность сейчас развивается в этом цеху[85] при малейшем намеке на некоторую неполноценность репутации. „…Ну, вот и все, да не разбудит страх / вас беззащитных среди дикой ночи. К предательству таинственная страсть, / друзья мои, туманит ваши очи…“. (Даже „Грани“ отредактировали[86] в цитате „предательство“ на враждебность)»[87].

В июле 1986 года Аксенов вновь вернулся к волнующей теме: «Эта тема товарищества и предательства, тобой вздутая еще в 60-е, остается у нас, может быть, самой актуальной, несмотря на старение»[88]…

Не в этом ли идея романа: поколение предало само себя, не сумев сохранить человеческое и творческое единение в противостоянии бесчеловечной власти. Страх перед железобетонной властью и личные амбиции разъединили их.

Неизвестно, имелся ли у Ахмадулиной такой вариант выделенной Аксеновым строфы или точную рифму «власть – страсть» (вообще-то несвойственную поэтике Ахмадулиной тех лет) придумал он сам. Если это его вариант, то он лишь усилил тот смысл, что прикровенно звучал в ахмадулинской строке.

Верно отметил Александр Аничкин:

«В этом варианте обвинение брошено прямо – власти. Власть будит охваченных страхом людей посреди ночи. Хуже – рождает страсть к предательству, от которой мутится рассудок. Вольнодумцу, будущему диссиденту Аксенову это было близко – это раскрывало, что же происходит в обществе, что разъединяет отношения между людьми»[89].

Последнее предательство совершилось в 2009 году при выходе «Таинственной страсти»: издатели (семья Роберта Рождественского), пользуясь тем, что Василий Аксенов был уже безнадежно болен, бессовестно откорректировали его текст. Они выбросили из него четыре полноценные главы, компрометирующие, по их мнению, моральный облик Роберта Эра, чем лишили его образ обаяния и жизни…

В 2011 году последний завершенный роман Василия Аксенова был издан тем же издательством «Семь дней» вновь, теперь уже в полном объеме. Возможно, одной из причин этого стало выступление в эфире «Эха Москвы» автора этих строк и Анатолия Гладилина, старейшего друга Аксенова, в котором беспрецедентному редактированию текста умершего писателя была дана соответствующая оценка.

«Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова И «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева

[90]

Василий Аксенов на однажды заданный ему вопрос, как он относится к поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки», ответил неожиданно. Слегка нахмурившись, он произнес: «Без „Затоваренной бочкотары“ не было бы ерофеевской поэмы». Ответ этот запомнился. Но, к сожалению, лишь после его ухода удалось с пристрастием перечитать оба произведения и литературу о них. И сопоставить впечатления от прочитанного с суждением Аксенова.

Повесть «Затоваренная бочкотара» опубликована в журнале «Юность» в 1968 году, поэма Венедикта Ерофеева написана в 1969-м. То есть возникли они, можно сказать, в одно время, аксеновское творение чуть раньше. Что еще есть общего между ними? На первый взгляд, пожалуй, только предмет изображения, люмпенизированный состав персонажей.

Вот что писал о «Затоваренной бочкотаре» Бенедикт Сарнов:

«Но ведь и люди у Аксенова тоже те самые, „о которых трудно сказать, кто они: ни рабочие, ни крестьяне, ни народ – ни то ни се“. Именно вот этих деклассированных, люмпенизированных людей и сделал он своими героями. А можно даже и расширить это определение, сказав, что главный его герой – вся наша люмпенизированная советская жизнь, наше насквозь люмпенизированное советское общество.

Посмотрите, как быстро „закорешились“ в этой его повести спившийся, сошедший с круга деклассированный шоферюга Володька Телескопов и „рафинированный интеллигент“ Вадим Афанасьевич Дрожжинин – научный консультант „в одном из внешних культурных учреждений“»[91].

То же отмечает критик Юрий Левин в творении Ерофеева: «Предмет изображения в поэме – „низкая жизнь“, ее персонажи – люмпены и алкоголики, весь антураж сугубо „плебейский“»[92].

Помимо отмеченного, общим для обоих произведений является хронотоп дороги.

Дорога ведет героев Аксенова, которые едут в бортовой машине, загруженной затоваренной бочкотарой, от сельпо неназванного районного центра, минуя «голубые рощи», деревни «с ветряками, с журавлями, с обглоданными церквями, мимо

линий высокого напряжения» в город Коряжск. Но они сбиваются с пути, попадают в город Мышкин, потом в городок Гусятин, где «на бугре перед старинным гостиным двором стоит величественный аттракцион „Полет в неведомое“», и в конце концов все-таки добираются до Коряжска. Однако и там путешествие не оканчивается, потому что бочкотару забраковали «бюрократы проклятые»: «Затоварилась, говорят, зацвела желтым цветком, затарилась, говорят, затюрилась»! Герои повести вновь погружаются в бортовую машину, на свои насиженные места, и отправляются со своей затоваренной бочкотарой теперь уже неведомо куда.

Дорога героя Венедикта Ерофеева, которому автор, не колеблясь, отдает свое имя и фамилию, – это маршрут электрички Москва – Петушки, отправляющейся с Курского вокзала в 8 часов 16 минут утра, в которую он садится с чемоданчиком, заполненным спиртными припасами: «две бутылки кубанской, по два шестьдесят две каждая», «две четвертинки российской, по рупь шестьдесят четыре» и еще «розовое крепкое за рупь тридцать семь», да еще «два бутерброда…». Припасены и гостинцы для двух дорогих людей в Петушках: орехи для трехлетнего сыночка, «самого пухлого и самого кроткого из всех младенцев», уже знающего букву «ю», «как свои пять пальцев», и конфеты – для той, ни разу не названной по имени, которая будет встречать его «ровно в одиннадцать» на перроне в Петушках: «Рыжие ресницы, опущенные ниц, и колыхание форм, и коса от затылка до попы». Да и сами Петушки – «это место, где не умолкают птицы ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин. Первородный грех, может, он и был, – там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыхает по неделям, взгляд бездонен и ясен…»[93]. Но дорога эта странным образом все удлиняется и удлиняется, хотя названия станций чередуются в установленном железнодорожным расписанием порядке, и вот уже темно за окнами, прошел целый день дороги, а любезных Петушков, находящихся в двух с чем-то часах пути от Москвы, герой Ерофеева так и не достигает.

М. М. Бахтин отмечал «одну очень существенную черту „дороги“: дорога проходит по своей родной стране <…>; раскрывается и показывается социально-историческое многообразие этой родной страны[94].

В определенной мере это может быть отнесено и к рассматриваемым произведениям.

У Аксенова это русская провинция. Повесть открывается следующей выразительной картинкой: «В палисаднике под вечер

скопление пчел, жужжание, деловые перелеты с георгина на подсолнух, с табака на резеду, инспекция комнатных левкое и желтофиолей в открытых окнах; труды, труды в горячем воздухе районного центра».

Или вот картинка другого провинциального городка: «По главной улице Мышкина в розовом сумраке бродили, удовлетворенно мыча, коровы, пробегали с хворостинами их бойкие хозяйки. Молодежь сигаретила на ступеньках клуба. Ждали кинопередвижку. Зажглась мышкинская гордость – неоновая надпись „Книжный коллектор“».

У Ерофеева диапазон у́же.

Это Москва в районе Курского вокзала, электричка, где у Венички неожиданно обнаруживаются собутыльники, несколько неопределенно-импрессионистических отблесков в тускнеющем Веничкином сознании от так и неосуществившейся в поэме картины Петушков.

Вот для примера сценка в вокзальном ресторане:

«– Спиртного ничего нет, – сказал вышибала. И оглядел меня всего, как дохлую птичку или как грязный лютик.

– Нет ничего спиртного!!!

Я хоть весь и сжался от отчаяния, но все-таки сумел промямлить, что пришел вовсе не за этим. <…>

– Будете что-нибудь заказывать?

– А у вас чего – только музыка?

– Почему „только музыка“? Бефстроганов есть, пирожное. Вымя…

Опять подступила тошнота.

– А херес?

– А хереса нет.

– Интересно. Вымя есть, а хересу нет!

– Оччень интересно. Да. Хересу – нет. А вымя – есть.

И меня оставили…» (19–20)

То есть в экспозиции у рассматриваемых произведений, надо признаться, мало общего.

Общее проявляется в иронически-издевательском авторском отношении к окружающей героев действительности.

У Аксенова подавляющее большинство эпизодов имеет откровенно пародийный характер. Так, после ареста братьями-милиционерами Бородкиными водителя грузовика Володи Телескопова самый интеллигентный его пассажир в ужасе заламывает руки.

«– Нет-нет, друзья! – пылко воскликнул Вадим Афанасьевич. – Я подам в гусятинский нарсуд официальное заявление. Я

уверен… мы… наше учреждение… вся общественность… возьмем Володю на поруки. Если понадобится, я усыновлю его.

С этими словами Вадим Афанасьевич закашлялся, затянулся трубочкой, выпустил дымовую завесу, чтобы скрыть за ней свои увлажняющиеся глаза»[95].

Да и вообще, если вдуматься, что это за бочкотара такая, с которой так заботливо обходятся аксеновские персонажи, которой они так трогательно дорожат? Это же ничто, абсурд, фикция! Такая же фикция, как широко пропагандируемые в стране и в мире преимущества социалистического строя. Сдается, что эта затоваренная аксеновская бочкотара вполне может восприниматься как метафора никчемности советской экономической системы со всеми ее идеологическими обоснованиями? То есть, если выразиться еще более прямо, идея этой аксеновской повести по сути своей уже вполне антисоветская.

Те же настроения улавливаем и в ерофеевской поэме.

Так, Веничка, в очередной раз подкрепившись спиртным в тамбуре движущейся в направлении Петушков электрички, входит в вагон и встречается с взглядами своих сограждан-попутчиков. Ох, не идиллические чувства, не ощущение братской солидарности с тружениками социалистической отчизны вызывают их глаза в сознании Венечки:

«Публика посмотрела на меня почти безучастно, круглыми и как будто ничем не занятыми глазами…

Мне это нравится, мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости… Можно себе представить, какие глаза там. Где все продается и покупается… глубоко спрятанные, притаившиеся, хищные и перепуганные глаза… Девальвация, безработица, пауперизм… Смотрят исподлобья, с неутихающей заботой и мукой – вот какие глаза в мире чистогана…

Зато у моего народа – какие глаза! Они постоянно навыкате, но – никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в годину любых испытаний и бедствий, эти глаза не сморгнут. Им все божья роса…

Мне нравится мой народ. Я счастлив, что родился и возмужал под взглядами этих глаз». (26–27).

Сколько сарказма! И здесь же вкрапление из знаменитого тургеневского панегирика русскому языку: «Во дни испытаний, во дни тягостных раздумий…»

На этих вкраплениях в обыденные разговоры персонажей литературных цитат остановимся чуть позже.

Пока же обратим внимание на некоторые схожие (быть может, лишь внешне схожие) сюжетные ходы и отдельные стилистические приемы.

В первую очередь это относится к сновидениям героев.

Аксенов и начинает свою повесть с предуведомления: «Повесть с преувеличениями и сновидениями». И в самом деле, на протяжении всего повествования читатель знакомится с первыми, вторыми и третьими снами ее персонажей, а финалом повести служит «Последний общий сон».

У Ерофеева, не выделенные особо, сны-видения органично вплетаются в повествование все сильнее пьянеющего Венички:

«Все это я видел совершенно отчетливо, и свидетельствую об этом миру. Но вот всего остального – я уже не видел – и ни о чем не могу свидетельствовать. Краешком сознания, самым краешком, я запомнил, как выходящая в Орехове лавина публики запуталась во мне и вбирала меня, чтобы накопить меня в себе, как паршивую слюну, – и выплюнуть на ореховский перрон. Но плевок все не получался, потому что входящая в вагон публика затыкала рот выходящей. Я мотался, как говно в проруби.

И если **там** Господь меня спросит: „Неужели, Веня, ты больше не помнишь ничего? Неужели ты сразу погрузился в тот сон, с которого начались все твои бедствия…?“ – я скажу ему: „Нет, Господь, не сразу…“ Краешком сознания, все тем же самым краешком, я еще запомнил, что сумел, наконец, совладать со стихиями и вырваться в пустые пространства вагона и опрокинуться на чью-то лавочку, первую от дверей…» (93)

Далее. В «Затоваренной бочкотаре» нет-нет да и появляются ангелы, например в «Сне пилота Вани Кулаченко»:

«– А ангелов видите, товарищ Кулаченко?

– Ангелов как раз вижу.

Навстречу космическому кораблю важно летел большим лебедем Ангел.

– Чем занимаетесь в обычной жизни, товарищ Кулаченко?

– Распыляю удобрения, суперфосфатом ублажаю матушку-планету». (30)

Или в «Третьем сне Владимира Телескопова»:

«От столба к столбу идем голова в голову. Андрюша весь в мыле, веселый.

А трибуны приближаются, все белые, трепещут. Эге, да там сплошь ангелы. Хлопают крыльями, свистят». (55)

В поэме Ерофеева ангелы сопровождают Веничку чуть ли не все время. Вот он обнаруживает их присутствие на площади

Курского вокзала:

«Я лучше прислонюсь к колонне и зажмурюсь, чтобы не так тошнило…

„Конечно, Веничка, конечно, – кто-то пропел в высоте так тихо, так ласково-ласково. – *Зажмурься, чтобы не так тошнило“*.

О! Узнаю! Узнаю! Это опять они! „Ангелы Господни! Это вы опять?“

„Ну конечно мы“ – и опять так ласково…

„А знаете что, ангелы?“ – спросил я тоже тихо-тихо.

„Что?“ – ответили ангелы.

„Тяжело мне…“» (18)

А вот они видятся ему в последней главе поэмы:

«„Ангелы небесные! они поднимаются! что мне делать? что мне сейчас сделать, чтобы не умереть? Ангелы!..“

И ангелы – засмеялись». (127)

Еще одна общая деталь. И у Аксенова, и у Ерофеева приводятся рецептуры экзотических для нормального гражданина алкогольных коктейлей.

Вот рецепт Володи Телескопова из «Затоваренной бочкотары»:

«Да я, когда в Ялте на консервном заводе работал, за двугривенный в колхозе „Первомай“ литр вина имел, а вино, между прочим, шампанских сортов, накапаешь туда одеколону цветочного полсклянки и ходишь весь вечер косой». (32)

В ерофеевской поэме глава «Электроугли – 43-й километр» содержит целый набор подобных, вернее, еще более изощренных рецептур.

Есть в рассматриваемых произведениях и еще довольно неожиданное совпадение. Как отметил Юрий Щеглов, в авторской версии аксеновской повести и в ее английском переводе (1984) второй сон Ирина Селезнева и Глеб Шустиков видят совместно и он изображается с помощью сложной графической конфигурации.

В ерофеевской поэме в главе «Новогиреево – Реутово» приводится три «индивидуальных графика», на горизонтальной оси которых Веничкой «откладывались последовательно все рабочие дни истекшего месяца», а на вертикальной оси – «количество выпитых граммов, в пересчете на чистый алкоголь».

И вот еще одно место в «Затоваренной бочкотаре», на которое следует обратить внимание:

«И точно… вскоре послышалось тихое жужжание, и по дороге силуэтами на прозрачных колесах медленно проехали турусы.

Вот вам пожалуйста – расскажешь, не поверят. Глеб сиганул через кювет, напрягся, приготовился к активному сопротивлению. И точно – турусы возвращались. Описав кольцо вокруг полынного

холма, вокруг безмятежно спящей царицы Восточного Гиндукуша, они медленно катили прямо на Глеба, *четверо турусов* – молчаливые ночные соглядатаи (выделено мною. – *В. Е.)».* (50)

Здесь эта четверка вполне безобидна – это участники велопробега «Знаешь ли ты свой край», школьники из райцентра.

У Ерофеева тоже есть в конце поэмы четверка, но эта четверка устрашающая, леденящая душу Венички:

«И тут – началась история, страшнее всех виденных во сне: в этом самом переулке навстречу мне шли четверо. Я сразу их узнал, я не буду вам объяснять, кто эти четверо… Я задрожал сильнее прежнего, я весь превратился в сплошную судорогу…» (124)

Вячеслав Курицын дал следующую интерпретацию этого места поэмы:

«Когда Веничка приедет – не в Петушки, а в Москву, он встретит на улице страшную четверку (четыре всадника тьмы?) и, убегая от нее в ночном ужасном пейзаже, окажется наконец у Кремля – символа ада, – и ад восторжествует…»[96]

Теперь возвратимся к отмеченному ранее обилию цитат в рассматриваемых произведениях.

У Аксенова:

«Понятное дело, не вынесла душа поэта позора мелочных обид, весь утоп в пуховых подушках, запутался в красном одеяле…» (54);

«Пусть струится над твоей избушкой тот вечерний несказанный свет.

Кстати, передайте родителям пилота Кулаченко, что он жив-здоров, чего и им желает» (60);

«– Скажи, Глеб, а ты смог бы, как Сцевола, сжечь все, чему поклонялся, и поклониться всему, что сжигал? – спросила Ирина» *(77);*

«– Во-во, – кивнул Володька, – такой кореш в лайковых перчатках…» (81);

«Шустиков Глеб предложил Ирине Валентиновне „побродить, помять в степях багряных лебеды“, и они церемонно удалились» (81);

«Сима, помнишь Сочи те дни и ночи священной клятвы вдохновенные слова взволнованно ходили вы по комнате и что-то резкое в лицо бросали мне…» (95);

«Очнувшись, он вышел из аттракциона, почистился, закурил трубочку, закинул голову…

…о, весна, без конца и без края,
без конца и без края мечта…» (100)

И у Ерофеева, как это уже отмечалось в критике, «пласт литературной цитации исключительно широк». В поэме цитируются «Слово о полку Игореве», Шекспир, Рабле, Саади, Гёте, Гейне, Корнель, Байрон, Перро, Пушкин, Грибоедов, Баратынский, Лермонтов, Гоголь, Л. Толстой, Достоевский и т. д. и т. д., вплоть до Лебедева-Кумача, Виктора Некрасова, Солоухина[97].

Общим для обоих произведений является и пародийное использование «пропагандистской советской радио– и газетной публицистики с ее навязшими на зубах, – как пишет Юрий Левин, – агитационными клише, к чему можно присоединить не менее надоевшие хрестоматийные – изучаемые в школе – образцы литературы социалистического реализма плюс расхожие и также взятые на вооружение советской пропагандой цитаты из русской классики»[98].

Но здесь кроется и принципиальное стилистическое противостояние двух авторов.

Аксенов, как справедливо отметил Бенедикт Сарнов, уродливый советский новояз «превратил в одну из самых ярких красок своей художественной палитры». А уродливое словосочетание «вульгарного советского новояза, (вот эта самая „затоваренная бочкотара“) демонстративно вынесенная им тогда в заглавие своей новой повести, можно рассматривать как своего рода **эстетический манифест** (выделено автором)»[99].

Стилистическая манера произведения Ерофеева совсем иная: «…поэма отличается исключительной изысканностью стиля, укорененного главным образом в русской литературной традиции XIX в., и имеет почти центонный характер, т. е. текст в значительной своей части составлен из цитат, аллюзий и других готовых фрагментов – литературных и историко-культурных, в частности библейских (что также составляет часть русской литературной традиции)»[100].

Что же получается в итоге?

Сходство отдельных стилистических и сюжетообразующих приемов в рассмотренных нами произведениях Василия Аксенова и Венедикта Ерофеева представляет, по-видимому, определенный интерес. Но не дает безусловных оснований для окончательного вывода, являются ли они результатом определенного влияния аксеновской повести на ерофеевскую поэму или же это просто творческие совпадения, тем более что оба произведения создавались в одно время, а идеи (приемы, образы), как известно, носятся в воздухе.

Но есть еще один аспект, которого мы не касались. Здесь имеется в виду важное замечание комментатора аксеновской повести Юрия Щеглова:

«“Бочкотара“ была первой, еще подцензурной и потому сравнительно сдержанной вехой его (Аксенова. – *В. Е.)* „нового стиля“, вскоре порвавшего и с тем потоком „молодежной литературы“, в рамках которой вызрели первые аксеновские повести, и со всей компромиссной, строившейся в лучшем случае на полуправдах культурой „развитого социализма“»[101].

То есть это был еще один, последний шаг к полному творческому освобождению, которое Василий Аксенов окончательно обрел в «Ожоге». Быть может, именно творческую свободу он подразумевал, говоря, что без «Затоваренной бочкотары» не было бы и поэмы «Москва – Петушки»? Что именно он своим примером показал Венедикту Ерофееву дорогу к творческому освобождению от пут соцреализма и всей советской догматики.

Такое предположение представляется более основательным, чем все параллели и сходства в обоих произведениях, которые отмечены выше.

Подтверждение этому выводу находим у Евгения Попова:

«Из его раннего романа „Затоваренная бочкотара“, как из гоголевской „Шинели“, вышла вся современная русская проза и обратно уже не вернется. Аксенов научил всех нас главному. Свобода – это необходимое условие писательского существования, даже если она внутренняя»[102].

Но свобода самовыражения, обретенная Аксеновым, предопределила и стилистическую свободу его прозы. Если выразиться терминологически более точно, «Затоваренная бочкотара» – произведение, безусловно, сюрреалистическое. Об этом однажды заявил сам автор в интервью известному американскому литературоведу и переводчику Джону Глэду, с которым был близок в годы эмиграции:

«Что касается „Бочкотары“, которую вы назвали, то это все-таки сюрреалистическая вещь. Они (советская критика. – *В. Е.)* как-то растерялись, они ее не поняли совсем. И критика была совершенно идиотская. Они не могли понять, против чего же тут Аксенов. Они уже хорошо знали, что я всегда против чего-то, и не ждали от меня хорошего. Но вот против чего конкретно – совершенно непонятно»[103].

Такую же характеристику повести находим в недавней новомирской статье Аллы Латыниной об Аксенове и книгах о нем, где она вскользь упоминает «Затоваренную бочкотару» как повесть, «весело обнажающую сюрреализм советской жизни»[104].

Сюрреалистические эпизоды находит она и в «Ожоге».

Возьму на себя смелость утверждать, что «Затоваренная бочкотара» была первым сюрреалистическим произведением не только Аксенова, но и всей современной ему отечественной литературы. И в этом смысле Венедикт Ерофеев в какой-то степени повторил в своей поэме аксеновский опыт.

Элементы сюрреализма легко распознаваемы во многих последовавших за рассматриваемой повестью произведениях Аксенова: и в «Ожоге», и в «Новом сладостном стиле», и в «Кесаревом свечении», и в поздних романах, и даже в отдельных рассказах из книги «Негатив положительного героя». Они стали отличительной чертой зрелого аксеновского стиля.

Насквозь сюрреалистичны аксеновские романы «Москва-ква-ква» и «Редкие земли».

Все это дает основания считать Василия Аксенова русским литературным продолжателем Ива Танги, Сальвадора Дали и других выдающихся представителей сюрреализма в живописи XX века.

Василий Аксенов в литературном процессе конца семидесятых годах прошлого века

[105]

Широко распространенное представление о том, что Василий Аксенов всегда был писателем вполне успешным, что его много и охотно издавали в Советском Союзе с начала шестидесятых («Коллеги», «Звездный билет») вплоть до его вынужденной эмиграции в 1980 году, глубоко ошибочно. Однако именно такой представлялась его литературная судьба не только в отечественных писательских кругах, но и в среде эмигрантской. Подтверждением чему служит фрагмент из воспоминаний Анатолия Гладилина, старинного друга Василия Аксенова. Гладилин привел любопытную выдержку из письма Сергея Довлатова, с которым состоял в переписке. Довлатов объяснял в нем, почему так называемых шестидесятников, оказавшихся в эмиграции, бывшие соотечественники встречали порой не очень дружелюбно. *«Они самоутверждаются. Их отношение к вам подкрашено социальным чувством,* – писал Довлатов Гладилину. – *Огрубленно – содержание этого чувства таково: „Ты, Гладилин, знаменитость. С Евтушенко выпивал. Кучу денег зарабатывал. Жил с актрисами и балеринами. Сиял и блаженствовал. А мы копошились в говне. За это мы тебе покажем“. Я не из Риги, я из Ленинграда (кто-то остроумно назвал Ленинград столицей русской провинции). Но и я так думаю. Или – почти так. И ненавижу себя за эти чувства»*[106].

Интересную статистику приводит книговед Владимир Солоненко. По его подсчетам, у Аксенова всего с 1961 по 1980 год вышло 28 книг общим тиражом 1 миллион 378 тысяч 650 экз. В те же годы (правда, последней точкой отсчета тут является 1986 год) у Виктора Астафьева вышло 162 издания общим тиражом 26 млн экз., у Василия Шукшина – 100 изданий общим тиражом 15 млн экз., у Валентина Распутина – 88 изданий общим тиражом 8,6 млн экз., у Анатолия Рыбакова – 174 издания общим тиражом 11,4 млн экз. Со столь же внушительным перевесом опережали Василия Аксенова Владимир Тендряков, Федор Абрамов, Юрий Нагибин, Василь Быков, Борис Васильев, Юрий Бондарев, Даниил Гранин[107].

Не будем здесь останавливаться на том, что даже в пору официального признания каждое произведение Аксенова

пробивалось к читателю с боем, буквально продиралось сквозь редакторские, цензорские, а порой и цековские препоны. Не будем потому, что письма, которые легли в основу настоящей работы, относятся уже к другому периоду аксеновской биографии, к самому концу шестидесятых годов и к годам семидесятым, когда Аксенов фактически был вытеснен из текущего литературного процесса на его периферию, книги его издавались мало и по преимуществу не те, которые он считал своими главными достижениями[108].

Так случилось потому, что к причинам, затруднявшим издание его книг даже в самые благоприятные для него годы (чужеродность принципам социалистического реализма), теперь прибавились причины чисто политические. Он подписывал письма в защиту репрессируемых писателей, процессы над которыми развернулись в середине шестидесятых, поддержал Александра Солженицына во время IV съезда Советских писателей (май 1967) отдельным письмом к съезду, где, в частности, поднял голос против существования советской цензуры:

«Я хочу заявить, что солидарен с Солженицыным по вопросу о цензуре. Невероятное долголетнее непрекращающееся давление цензуры опустошает душу писателя, весьма серьезно ограничивает его творческие возможности. Самым отвратительным детищем цензуры является так называемый внутренний цензор, который стоит за спиной писателя во время работы, дышит ему в затылок, предостерегает, ехидничает, хватает за руку.

Впрочем, и сама реально существующая цензура скрыта от глаз писателя неким мистическим туманом – Главлит. Я не знаю ни одного писателя, который видел бы в глаза своего цензора.

Давление цензуры создает в наших редакциях атмосферу нервозности и уныния. Редактор, предвидя объяснения с Главлитом, из друга и помощника писателя превращается в его первого цензора. Теряется уважение к писательскому труду. „Порезать“ текст романа, рассказа и даже стихотворения считается делом естественным и легким»[109].

В другом письме (литературному и партийному начальству, 1975) Аксенов вступил в открытое противостояние с одним из представителей этого партийного начальства А. А. Беляевым[110]:

«Союз писателей не дал мне разрешения на поездку в США по приглашению Университета Калифорнии для чтения лекций по теме: „Изобразительные средства современной советской прозы“. Самым решительным образом я протестую против срыва этого культурного контакта, против унижения меня как личности и возмущаюсь тем, что мне выражено недоверие как писателю и

гражданину.

Вину за срыв этой поездки и за все последующее я возлагаю на замзаведующего отделом культуры ЦК КПСС Альберта Андреевича Беляева. Мне представляется, что этот человек рассматривает Союз писателей как свою вотчину, а писателей – как своих крепостных. Более того, мне представляется, что наша литература сегодняшнего дня развивается под влиянием вкуса А. А. Беляева, а вкус его мне представляется серым»[111].

Наконец в 1979 году Аксенов возглавил редакцию неподцензурного альманаха «Метрополь», выход которого привел к полному разрыву Аксенова с Союзом писателей.

В результате в последнее десятилетие перед отъездом в эмиграцию Аксенова издают все реже и реже. Отказы приходят не только из столичных издательств и журналов, но также из областных и республиканских. Журнал «Север» (1969) возвращает рукопись «Стальной птицы», журнал «Москва» (1975) – «Золотую нашу Железку». Причем главный редактор журнала Михаил Алексеев пишет Аксенову, словно перед ним рукопись дебютанта: «Нет необходимости писать Вам о том, что человек Вы несомненно одаренный». Это он пишет автору «Звездного билета», «Коллег», «Апельсинов из Марокко», «Затоваренной бочкотары» и других известных всей стране произведений и кинофильмов. «Золотую нашу Железку» отвергают «Новый мир» (1973) и «Юность» (1974) с унизительной для Аксенова правкой Бориса Полевого. «Молодая гвардия» (1976) возвращает «Круглые сутки нон-стоп» в такой оскорбительной форме, что Аксенов вынужден ответить: *«К сожалению, вынужден Вам указать на некоторое отсутствие этики в Вашем письме от 26 марта за №Д–2. Вы не можете мне писать таким образом, и в оценке своей работы с Вашей стороны я не нуждаюсь, ведь я уже не комсомолец»*[112]. Издательство «Современник» отказывается переиздавать «Коллег» (1976), «Советский писатель» (1972) – сборник прозы с новыми рассказами и повестями.

При этом среди произведений, увидевших свет, преобладают вещи, как уже отмечено, далеко не самые значительные для творчества Василия Аксенова: заказанная издательством «Политиздат» повесть о Леониде Красине «Любовь к электричеству» (1971), пародийный детектив «Джин Грин неприкасаемый», написанный в соавторстве с Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном (1972), детские повести «Мой дедушка – памятник» (1972) и «Сундучок, в котором что-то стучит» (1976), ну еще отдельные публикации в периодике, в том числе юмористические рассказы на 16-й странице «Литературки». В «Литературке» же печатались отрывки из «Золотой нашей

Железки» (но сама повесть так и не вышла) и отрывки из повести «Поиски жанра». Более значительными были две публикации в «Новом мире»: «Круглые сутки нон-стоп» (1976) и «Поиски жанра» (1978), но эти произведения явились к читателю в результате ожесточенной борьбы за них не только с литературным начальством, но и с «компетентными органами», которые уже усиленно контролировали жизнь Аксенова, хотя и дозволяли ему иногда выезды за границу. Тут уже дело было в написанном в 1975 году «Ожоге», текст которого был известен КГБ и выхода которого на Западе власти боялись и поэтому порой шли на уступки строптивому автору. В том числе и в разрешении этих двух новомирских публикаций. Но это уже другая тема…

Официальная переписка с литературными и партийными органами отражает психологическое состояние писателя в рассматриваемые годы. Переписка эта полна отчаяния и справедливого гнева. Так одно из писем Аксенова (предположительно 1969 г.) в Правление Московской писательской организации напоминает известное письмо Михаила Булгакова к Сталину. В нем Аксенов пишет:

«Весной прошлого года Секретариат Московской писательской организации наложил на меня взыскание, а именно выговор с занесением в личное дело, за подпись под письмом к Правительству по поводу процесса Гинзбурга – Галансковa[113]. *<…>*

Я оказался в довольно трудном положении. Пьесы мои (их у меня четыре) нигде не ставятся и не печатаются, книги (вышеупомянутые и неупомянутые) не выходят, заявки на оригинальные сценарии не принимаются.

Я писатель и живу своим трудом. В прежние годы тоже было нелегко жить этим трудом, в прошлом году стало просто невозможно.

Оказавшись в таком положении, я взялся за несвойственную мне работу. Вот уже скоро год я перевожу по подстрочникам с киргизского, казахского, грузинского языков, переписываю чужие забракованные и полузабракованные сценарии.

Правление писательской организации, как я понимаю, не только карательный орган, но и орган, призванный защищать права членов организации.

Я обращаюсь к Правлению с простым вопросом. Смогу ли я в дальнейшем жить своим писательским трудом, т. е. сочинять, или мне уготована судьба переводчика, доработчика, правщика, текстовика и т. п.?»[114]

В другом письме (апрель 1977), адресованном первому секретарю Союза писателей СССР Г. М. Маркову (кто сейчас помнит творения этого «литературного генерала»?), Аксенов

сообщает:

«В течение уже восьми лет я не могу выпустить ни одной книги своей прозы за исключением двух детских книжечек в «Детской литературе»[115] *и заказной работы в «Политической литературе»*[116]*. Все мои заявки либо отвергаются различными издательствами, либо остаются без ответа»*[117].

В письме к Борису Полевому (1974), главному редактору журнала «Юность», журнала некогда открывшего Василия Аксенова и ставшего для него родным домом, Аксенов не скрывает возмущения предпринятой правкой его рукописи:

«Вы много ездите по миру и встречаетесь с писателями в разных странах. Кто из писателей и в какой стране принял бы редактуру, учиненную Вами над „Железкой“[118]*, как Вы думаете?*

Неужели Вы хоть на секунду допускаете, что я приму эту редактуру? Ведь Вы здравомыслящий и многоопытный человек. Тогда для чего же Вы в поте лица трудились зелеными чернилами? Чтобы зарубить повесть? Для этого Вам достаточно написать „нет“ и поставить свою сигнатуру. Чтобы душу отвести в унизительных для меня комментариях на полях? Сомневаюсь, ведь Вы человек не злой, и за многие годы у нас сложились в среднем нормальные отношения. Значит, Вы уж простите меня, эта редактура, похожая на погром в посудной лавке, просто бессмысленное дело»[119].

Особое место в этой переписке занимает письмо к Евгению Евтушенко. Хотя Евтушенко и не был официальным лицом, но его отрицательная оценка пародийного коллективного романа «Джин Грин неприкасаемый», опубликованная в 1975 году в «Литературной газете», по сути, стала для Аксенова предательским ударом.

«По поводу романа „Джин Грин“ можно написать любую статью, – пишет он бывшему другу, – *в том числе и такую, как Ваша. Не всякая, однако, подпись уместна под такой статьей. Ваша подпись – вполне уместна. <…> Вы выиграли себе „кой-чего“ и на этот раз. Вы причинили нам серьезные неприятности. Достаточно уже того, что люди, отвергшие на днях мою повесть в „Новом мире“, туманно ссылаются на Вашу статью. Гордитесь – Слово Ваше уже влечет за собой оргвыводы».*

Письма Василия Аксенова в официальные инстанции наглядно подтверждают, что он не был таким уж баловнем судьбы, каким его порой пытались представить некоторые собратья по перу в России и в эмиграции. Эти письма являют пример бескомпромиссной борьбы писателя за свои творческие права.

Предисловие к книге Василия Аксенова «Ква-каем, ква-каем»

[120]

Василий Аксенов востребован сегодня, пожалуй, как никто из писателей его поколения. И это неудивительно: он с успехом продолжает свой писательский марафон. За последние три года в издательстве «Эксмо» вышли три его новых романа: «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004), «Москва-ква-ква» (2006), «Редкие земли» (2007). Первый из названных был удостоен Букеровской премии, все три вызвали лавину откликов в средствах массовой информации. Кстати, сравнение его творческого пути с бегом на самую длинную олимпийскую дистанцию вполне уместно: он сам, что известно из его многочисленных интервью, очень любит бег и продолжает бегать по утрам, в каком бы географическом пункте планеты ни находился.

Аксеновскую квартиру в высотке на Котельнической набережной, воспетой в «Москва-ква-ква», ежедневно буквально сотрясает шквал телефонных звонков. Шквал звонков подобен прибою разбушевавшегося океана, прибою Атлантики, бьющего в берег Биаррица, курортного города на западном побережье Франции. Там писатель работает в небольшом, но довольно уютном доме, когда на несколько месяцев покидает Россию. Там, во Франции, неудержимый напор стихии, в Москве – ажиотаж СМИ. Корреспонденты печатных изданий, теле– и радиожурналисты, издатели просят о встречах, съемках, об интервью, о новом печатном или аудиоиздании какого-нибудь из аксеновских произведений, уговаривают, настаивают. Кто-то из друзей и издателей побуждает писать воспоминания, которые действительно могли бы быть украшены таким количеством сногсшибательно ярких эпизодов, что и не снилось иному заслуженному мемуаристу. Взять хотя бы историческую встречу 1963 года партийной советской верхушки с творческой интеллигенцией страны, где молодой Аксенов вместе с молодым Андреем Вознесенским стали главной мишенью грубых нападок первого лица СССР! С кем только не пересекались жизненные пути Аксенова: Исайя Берлин, Иосиф Бродский, Эрнст Неизвестный, Михаил Шемякин, Мстислав Ростропович и Галина Вишневская, Юрий Казаков, Олег Ефремов, Джон Апдайк…

Но на все эти дружеские призывы писать мемуары писатель ответил в сравнительно недавней книге «Зеница ока»: «С

нарастанием числа лет я всё больше получаю приглашений от издателей перейти на жанр воспоминаний. Многие говорят, что это модно, многие гарантируют успех на рынке. Немногие – те, что не спешат, – говорят, что это вроде бы мой долг. Кому долг и велик ли он? Долг прожитой жизни, ностальгии. У меня на этот счет есть своя точка зрения. Для меня литература – это и есть ностальгия, ничего больше и ничего меньше. Любая страница художественного текста – это попытка удержать или вернуть пролетающее и ускользающее мгновение. С этой точки зрения смешно ждать от автора двадцати пяти романов еще какой-то дополнительной ностальгии. Лучше уж я увеличу число романов, пока могу. Вот почему я постоянно увиливаю от любезных приглашений»[121].

Вместе с тем за последние годы в различных отечественных издательствах вышло несколько книг Василия Аксенова, отнюдь не романов. Но это и не мемуары. Они включают в себя его публицистические выступления в периодической печати и на радио, некоторые рассказы, в том числе новые или давно не переиздававшиеся, а также и стихи.

Так самая последняя книга «Край недоступных Фудзиям» («Вагриус», 2007) состоит из стихотворных текстов, которые взяты из всех двадцати пяти романов, упомянутых писателем в приведенной нами цитате. До этого, в 2005 году, там же была издана уже упомянутая «Зеница ока», в которую вошли его статьи, публицистика и беседы с известными журналистами на злобу дня. А в «НЛО» в 2004 году вышла «Американская кириллица». Это собрание фрагментов из романов, рассказы и статьи, объединенные американской темой: Аксенов прожил в США 24 года после вынужденной эмиграции из СССР и последовавшим за ней лишением гражданства (такая мера пресечения в отношении не в меру свободомыслящих граждан в те годы регулярно применялась). Но начало такого рода изданиям положила книга «Десятилетие клеветы. Радиодневник писателя» («Эксмо», 2004), состоявшая из регулярных с 1980 по 1991 год выступлений Василия Аксенова на радио «Свобода», где он, по разумению советских идеологов, «клеветал» на Советскую власть, размышляя об отечественных проблемах.

Теперь вот небезызвестное издательство «Зебра-Е», в развитие идеи подобного рода изданий, задумало выпустить собрание предисловий и послесловий прославленного писателя, написанных им для книг товарищей по цеху, добавив сюда несколько его литературных воспоминаний и интервью, часть этих материалов публикуется впервые.

Здесь представлены, в частности, предисловия и послесловия

к таким разным по тематике и жанрам изданиям, как прозаическая книга поэта Владимира Мощенко «Блюз для Агнешки» («Рожденный в джазе»), «Опера нищих» Евгения Попова («Композитор Попов»), «Записки магаданского мальчика» Леонида Титова («Кто был этот мальчик»), «Камни у воды» Светланы Васильевой («Васильевская проза, Светлановский сюжет»), театральные произведения Булата Окуджавы («Над разоренным гнездом кукушки»), а также интервью на литературные темы с Евгением Поповым и Ириной Барметовой.

2007

Последний старт Василия Аксенова (Предисловие к роману «Ленд-лизовские»)

[122]

Настойчивые призывы выступить в жанре мемуаров Василий Аксенов отвергал решительно и жестко, потому что считал это абсолютной сдачей позиций. Именно так реагировал он, например, в предисловии к сравнительно недавней книге «Зеница ока» (2005) на подобные призывы доброхотов:

«С нарастанием числа лет я все больше получаю приглашений от издателей перейти на жанр воспоминаний. Многие говорят, что это модно, многие гарантируют успех на рынке. Немногие – те, что не спешат, – говорят, что это вроде бы мой долг. Кому долг и велик ли он? Долг прожитой жизни, ностальгии. У меня на этот счет есть своя точка зрения. Для меня литература – это и есть ностальгия, ничего больше и ничего меньше. Любая страница художественного текста – это попытка удержать или вернуть пролетающее и ускользающее мгновение. С этой точки зрения смешно ждать от автора двадцати пяти романов еще какой-то дополнительной ностальгии. Лучше уж я увеличу число романов, пока могу. Вот почему я постоянно увиливаю от любезных приглашений».

Так он поступил и на этот раз: вместо воспоминаний о своем военном детстве в Казани решил написать новый роман, который должен был состоять из трех частей. Он написал первую часть, начал вторую. Конечно, довел бы ее до конца и написал третью, но не успел…

А воспоминания о детстве Василий Аксенов хранил в памяти всю жизнь. Порой они прорывались наружу, в его прозу или в устные рассказы. Например, в рассказе «Зеница ока» (первая редакция относится к середине шестидесятых годов прошлого века, опубликован в 2004 году) он описал семью родной тетки, в которой рос, пока его отец и мать в качестве «врагов народа» отбывали сроки в сталинских лагерях. В «Зенице ока» есть краткие упоминания и голодного 1942 года, и ленд-лиза, и «игрищ» казанских подростков, сверстников рассказчика:

«Прошел еще год войны. Вдруг показалось, что выжили. Вечно сосущее чувство голода стало отступать по мере проникновения в мизерные пайки кое-каких ленд-лизовских продуктов, в частности яичного порошка и сала лярд.

Павлушиному сыну шел уже одиннадцатый год. Он увлекался Джеком Лондоном, а также выпусками боевика „Тайна профессора Бураго“. О судьбе своих родителей, отца Павла и матери Евгении, он ничего не знал. <…> Детство шло в активных игрищах со сверстниками. Дома соединялись проходными дворами, и пацаны носились по таинственным углам грязного мира, а также по чердакам и крышам…»

На тех же воспоминаниях голодных военных лет в Казани строился ранний аксеновский рассказ «Завтраки 43-го года» (1962):

«Мы учились с Ним в одном классе во время войны в далеком перенаселенном, заросшем желтым грязным льдом волжском городе. Он был третьегодник, я догнал его в четвертом классе в 43-м году. Я был тогда хил, ходил в телогрейке, огромных сапогах и темно-синих штанах, которые мне выделили по ордеру из американских подарков. Штаны были жесткие, из чертовой кожи…»

А в повести «Свияжск» (1981), помимо все тех же примет быта военных годин, фигурируют «начальник» пионерского лагеря «однорукий инвалид войны Прахаренко» (в романе – Стручков) и физрук Лидия (в романе – Эля Крутоярова). Так, ее герой Олег Шатуновский вспоминает:

«Признаться, я почти ничего не помню (о Свияжске. – *В. Е.):* ни расположения домов, ни рисунка решеток, ни числа людей, ни их лиц, за исключением, пожалуй, лишь начальника Прахаренко, с его здоровенным шнобелем, да плакатной физкультурной физиономии нашей поднадзорной Лидии. Пожалуй, можно еще вспомнить высокую траву вперемешку с пучками камыша меж песчаных отмелей волжской стороны острова и загорелые ноги физручки, поднятые выше травы. В конце концов мы выследили ее и нашего начальника, спрятавшись за дюнкой, и стали свидетелями удивительного акта, просто-напросто озарившего все это наше пионерское лето».

Своеобразный колорит Казани угадывался и в рассказе «Две шинели и нос» из книги рассказов «Негатив положительного героя», там, правда, герой-рассказчик предстает перед нами уже в пору своей юности.

А из устных рассказов Аксенова запомнилось, что он дважды тонул в детстве. Первый раз в восемь лет – на реке Казанке, куда отправился купаться вместе с ватагой ребят из соседних дворов. Его чудом спас какой-то солдат: вытащил на берег, делал искусственное дыхание, откачал. В другой раз – через несколько лет, когда был в пионерском лагере. Тогда перевернулся баркас на слиянии Свияги с Волгой. Спасли оказавшиеся неподалеку

рыбаки. Оба этих случая более развернуто запечатлены в романе.

Не раз вспоминал Аксенов с благодарностью американскую помощь Советскому Союзу по ленд-лизу во время войны. Сам факт безвозмездной американской помощи и ее масштабы долгие годы замалчивались советской пропагандой. Аксенов же был убежден, что эта помощь многих спасла от голодной смерти, в первую очередь детей…

Все эти разрозненные воспоминания (и в разговорах, и в прозе) стали основой нового романа, во всяком случае, его первой части, которая даже при сравнении с лучшими вещами Аксенова отличается особой густотой и плотностью письма.

Что послужило побудительным толчком для его написания: причудливая случайность, внутренний долг очевидца военных лет рассказать правду о пережитом, возраст? А может быть, предстоящее посещение родной Казани в связи с фестивалем 2007 года, устроенным в его честь?

«Аксенов-фест 2007» прошел торжественно и пышно: с триумфальным вечером в драматическом театре, с посещением президента республики. В тот приезд прославленный писатель побывал и в доме, где прошло сиротское детство (тогда еще полуразрушенном, а теперь восстановленном и превращенном в Дом Аксенова), и в школе, где когда-то учился, и на кладбище, где могилы отца и других близких. Заметим, что тогда, в октябре 2007-го, он уже вовсю работал над своим последним сочинением…

А примерно месяц спустя в Москве упомянул как-то, что написана первая часть романа о «детях ленд-лиза». Сказал, что это такой самый настоящий, кондовый реализм, от которого он устал, и теперь нужно какое-то более свободное письмо, нужен какой-то прорыв.

Но, как убедится внимательный читатель, реализм-то этот все-таки чисто аксеновский. Ведь, несмотря на то что основа повествования сугубо достоверна, вплоть до названий кинотеатров и улиц, здесь одновременно с этим столько художественных преувеличений, блестящего гротеска и фантазии, что вряд ли написанное таким образом может быть отнесено к тому добротному реализму, образцом которого являлась русская классика. Не позволяет этого сделать и язык повествования – сугубо уличный, с характерным аксеновским акцентом, подчеркнуто нелитературный.

А стремление освободиться от этого, пусть и особым образом понятого реализма, воспарить над элементарной достоверностью и обыденностью происходящего, весьма характерно для творчества Аксенова. Он делал это не однажды (в зрелых вещах

чуть ли не всегда), что является, быть может, главной отличительной чертой его стиля.

Очень показателен в этом смысле рассказ «А А А А» из уже упомянутой книги «Негатив положительного героя». Весь он насыщен вполне достоверными деталями и местами даже смахивает на дневниковую запись, не лишенную, впрочем, весьма артистичных иронических эскапад, и вдруг в последней части находим такое вот авторское предуведомление: «Пришла уже пора подкручивать этому рассказу пружину». И начинается! Появляется надувной матрас, как плавучее средство для выхода из советской береговой зоны в нейтральные воды Балтики; прорезают темень прожектора пограничников; выныривают из темноты неведомые аквалангисты, которые увлекают с собой, словно «морские черти», мирную эстонскую библиотекаршу, дрейфующую вместе с героем-рассказчиком на означенном выше надувном матрасике.

Ту же резкую смену стиля наблюдаем и в последнем романе. К концу первой части нарастают прорывы в какую-то параллельную реальность, трудно постигаемую читателем, который приноровился уже к достоверной повествовательности предыдущих страниц. Нарастающий ритм напоминает учащенное сердцебиение. Резко меняется и лексика, опорными словами фраз становятся по-хлебниковски неожиданные неологизмы:

«И вот сим мифом заплясали в коки-маки! Они пошли уже всем дядинским кругоераком, заплясали перед большим-антинским запрозаком; ну, чтобы вы хотели – танцуйте как бы вы хотели…»

Вторая часть романа, вернее, начало второй части (автор успел написать лишь три десятка страниц) вовлекает читателя в какие-то фантастические приключения. Герой романа Акси-Вакси на катере «Знаменательный» Краснознаменной Волжско-Каспийской речной флотилии вместе со своими друзьями мчится «в зону огромной бухты Остров-99», где собралась мощная флотилия кораблей ленд-лиза. Дальше начинаются военные сражения с «мощной державой Юга», которая пытается прервать снабжение по ленд-лизу. Эпизоды сражения перемежаются любовными сценами. Всё это вызывает ощущение фантасмагории, разворачивающейся на наших глазах.

По-видимому, эти страницы романа представляют собой попытку реконструкции мальчишеского сознания, развитого мальчишеского воображения, не исключающего готовности к самопожертвованию и подвигу. Подтверждение тому вновь находим в повести «Свияжск», где ее герой вспоминает:

«База Волжской военной флотилии находилась где-то

неподалеку от нашего пионерлагеря, и это, конечно, страшно нас интриговало. Много было разговоров о мониторах, удивительных, мелко сидящих судах с башенной тяжелой артиллерией, настоящих речных дредноутах…»

Как должно было продолжиться повествование? Какие испытания ожидали в дальнейшем героя романа Акси-Вакси? Какие новые стилистические изменения претерпел бы роман? Продолжался бы свободный полет авторского воображения или повествование возвратилось бы на твердую почву достоверности?

На все эти вопросы не смог бы ответить даже Василий Аксенов, потому что творческий процесс являлся для него, прежде всего, импровизацией, недаром он с юности так любил джаз. А роман прерван в ходе работы…

И все же отрадно, что написанная им часть романа воспроизведена в этом издании с абсолютной точностью – без какого-либо дописывания, редакторской правки и т. п. Любое вторжение в авторский текст было бы неуместным, прежде всего, по соображениям этическим.

Тем горше осознавать тот невероятный произвол, который учинили над текстом недавно умершего писателя издатели «Таинственной страсти» (Издательство «Семь дней», Москва, 2009), последнего завершенного аксеновского романа. После смерти Аксенова он был подвергнут вопреки его авторской воле семейной цензуре издателей, на что уже обратил внимание публики его ближайший друг Анатолий Гладилин в публикации на страницах журнала «Казань» (№ 3, 2010). Текст Аксенова «отредактировали», вымарав 4 (четыре!) полноценные главы и сделав пространные купюры в двух сохранившихся. Словно вернулись старые «добрые» времена, когда тексты Аксенова кромсала государственная цензура. Только тогда это было узаконено коммунистической властью, а сегодня, как, видимо, полагают издатели, узаконено их деньгами.

К чести издательства «Эксмо», опубликованный самый последний неоконченный текст Василия Аксенова читатели прочтут в именно том виде, какой он имел, когда писатель в последний раз выключал свой компьютер.

«Аксенов может жить только номером первым…»

[123]

Книга «Аксенов» Александра Кабакова и Евгения Попова весьма необычна. Особенность ее в том, что она представляет собой запись устных разговоров двух известных писателей о Василии Аксенове. Создана она с помощью диктофона, на который они эти свои беседы записывали. Характером диалога определен и стиль книги – это живой разговорный язык, каким авторы разговаривают друг с другом в жизни и каким еще несколько лет назад разговаривали с самим Аксеновым.

Диалог открывается вопросами: «кто же такой был – писатель Василий Аксенов?» и «что же за человек был Василий Павлович, Вася», с которым авторы дружили в последние три десятилетия его жизни?

Поиски ответов на поставленные вопросы начинаются с разговора о детстве героя: «**Евгений Попов**: Я его вдруг ни с того ни с сего спрашиваю – с какого времени он помнит себя? Он мне четко отвечает: „С 20 августа 1937 года (пятый день рождения Аксенова. – *В. Е.),* потому что меня в этот день увезли чекисты в детдом“. Все, говорит, помню, еврейскую бабушку, русскую няньку. Тряпичного львенка, ему только что подаренного. Машину „эмку“, чекистку в кожаном реглане, которая все уговаривала: „Поехали, мальчик, тебе будет хорошо, маму увидишь“».

С этого момента, как считают авторы, и складывается особость судьбы писателя Василия Аксенова.

В таком вот ключе (от известных авторам фактов биографии – к творчеству и от творчества – вновь к реальным фактам) построена вся книга. Так прослеживается жизненный путь писателя, одного из лидеров литературы шестидесятых годов прошлого века, кумира своего и нескольких следующих поколений, – прослеживается от триумфального вхождения в литературу до последних романов, вызвавших в литературном сообществе далеко не однозначную реакцию.

Аксенов-человек рассматривается авторами с совершенно разных сторон, что видно уже из названий отдельных глав книги: «Стиляга Вася», «Аксенов-блюз», «Аксенов и начальники страны», «Аксенов и богатство», «Аксенов глазами женщин», «Аксенов и его сухой закон», «Василий. Старость вообще и смерть в частности». Но главное, конечно, о чем бы ни шла речь, это Аксенов-писатель.

Хотя и то и другое, конечно, тесно переплетено.

Характерный пример такого переплетения – размышления авторов о вхождении Аксенова в литературу, где до него уже вовсю звучали новые звонкие имена на несколько лет опередивших его Анатолия Гладилина, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной, а заправляла литературным процессом старая гвардия, сталинской еще закалки: «**Александр Кабаков**: И ничто так не шло к английскому твиду Валентина Петровича (Катаева. – *В. Е.*), как Золотая Звезда Героя Соцтруда. <…> А с такой Золотой Звездой на твиде бывал не только Катаев, а и Сергей Владимирович Михалков. <…> И вот Вася оказывается среди этих нехудо одетых, но совершенно ему чуждых монстров, богатырей совписа. А с другой стороны – и ровесники Васины не отстают, шлюзы оттепелью открыты <…> Вот, пожалуйста, – Евгений Александрович Евтушенко. В этом случае, конечно, не столько об элегантности следует говорить, сколько об экстравагантности, но экстравагантности первосортной … А Андрей Андреевич Вознесенский! Человек, показавший всему СССР, что такое шейный платок! А Белла Ахмадулина в скромненьком черном платьице, которое вечно в моде и называется маленькое черное платье, в точно таком же платье, как Эдит Пиаф! <…> И тут: здрасьте, я Вася. А что происходит дальше? А дальше *Вася становится номер один – ну, или около того – среди них как автор, и Вася становится номер один среди них как стиляга!* (выделено мною. – *В. Е.*). Суть вот в чем: Аксенов может жить только номером первым, он просто сориентирован с молодости на это, он возмещает Казань, нищету, всю эту как бы второсортность сына „врага народа“ – и теперь он номер один».

А вот рассуждение об Аксенове как джазовом писателе – такое определение впервые для меня, если не изменяет память, прозвучало из уст известного джазового музыканта, друга Аксенова, Алексея Козлова, а здесь его подтверждает Александр Кабаков: «А в чем отличие его джазовой литературы от всякой другой, связанной с музыкой? В том, что есть литература о музыке, с музыкой как предметом изображения, а Вася писал джазовую литературу *джазовым способом.* У него именно *джазовая* литература, а не о джазе. У него джазовая проза, она звучит особым образом. Это очень существенно».

И тут же забавная история из американской жизни Аксенова, рассказанная Евгением Поповым: «Пришел он как-то в это заведение (джазовый клуб. – *В. Е.),* а там всё как обычно, только великий Гиллеспи играет. Как на пластинке… Я был очарован этим рассказом, посидели мы, послушали музыку, потом поехали,

и Васю мент американский оштрафовал. Вернее, хотел оштрафовать, но не оштрафовал. Он проехал на желтый свет, и мент ему говорит: „На желтый проехали, сэр“. Вася: „Ну, проехал, что ж делать…“ – „Пивком пахнет, – говорит мент, – где пили?“ Ну, Вася говорит, мол, там-то, и называет эту джазовую пивную. „Джаз любите?“ – говорит ему мент и отпускает, представляешь?»

В книге, конечно, не обойдена вниманием печально памятная людям старшего поколения и хорошо известная по выступлениям самого Аксенова и последнему его завершенному роману «Таинственная страсть» встреча Никиты Хрущева с творческой интеллигенцией в Кремле в марте 1963 года. Но есть и эпизоды мало кому известные: недолгое сближение с Борисом Березовским в середине 1990-х годов по поводу создания народного телевидения и некоего Общественного совета, или, десятилетие спустя, беседа в составе писательской группы с будущим президентом Дмитрием Медведевым, или демонстративное посещение заседания суда над Михаилом Ходорковским… Завершает тему отношений Аксенова с «начальниками страны» закономерный итог, подведенный Александром Кабаковым: «Он был абсолютно независим в своих отношениях к властям. Он, в отличие от многих других именитых шестидесятников, хорошо усвоил пушкинское „зависеть от царя, зависеть от народа…“. Он не зависел от царей, внутренне не зависел…»

Заняла свое место и история с неподцензурным альманахом «Метрополь», участником которого был один из авторов книги Евгений Попов. Дело тогда окончилось исключением из Союза писателей его, Попова, и Виктора Ерофеева. В знак протеста против этого (политически мотивированного, как говорится сегодня) исключения Василий Аксенов, Инна Лиснянская и Семен Липкин сами вышли из Союза писателей. И затем Аксенов с женой Майей и с ее семьей выехал на Запад. Все это теперь хорошо известно, но есть и малоизвестные публике детали истории, связанные, в частности, с незабвенным Феликсом Феодосьевичем Кузнецовым, чьей персоне, надо признаться, уделяется неоправданно большое внимание.

Разговаривая об Аксенове-писателе, авторы пытаются выяснить, является ли он, подобно Иосифу Бродскому, «всемирной» величиной или, как Фолкнер для Америки, остается для нас писателем сугубо национальным, русским. И о том, какая из его книг главная: «Ожог» или «Остров Крым»? О каждом из этих романов высказано немало интересных, порою даже неожиданных наблюдений. Например, по поводу первого Александр Кабаков замечает: «“Ожог“ – это очень аксеновский

роман. <…> В нем истоки многих его будущих и эхо многих прошлых текстов. Эта книга – водораздел. Заметь, там герой до половины текста пьет запоем – и с половины бросает пить. Но дело в том, что – нечего скрывать – Вася до половины написал „Ожог“, когда еще пил со страшной силой, а потом пить бросил, и пошла уже совсем другая книга, наступила другая его жизнь».

Его дополняет Евгений Попов: «Роман он начал писать после ввода войск СССР и других соцстран в Чехословакию. Шестьдесят восьмой год – конец всех иллюзий, помнишь? После шестьдесят восьмого года верить в коммунизм мог только дурак или подлец. <…> Василий перестал себя сдерживать, как он делал это раньше, беря в расчет цензуру, комсомол, политбюро, КГБ. Это его первый роман *наотмашь!* Что хочу, то и пишу, понимаешь? И у меня странное ощущение, что он задумывал „Ожог“ как свою последнюю книгу. Выскажусь от души, думал, а дальше – хрен с вами. Бог не выдаст, свинья не съест».

Не забыт авторами и конфликт Василия Аксенова с упоминавшимся уже Иосифом Бродским по поводу «Ожога». Бродский, приехавший в Штаты на 8 лет раньше Аксенова, стал авторитетным экспертом по русской литературе. И вот именно из-за его резко отрицательного отзыва крупнейшее американское издательство отказалось печатать «Ожог» в 1980 году, как раз в тот момент, когда Аксенов больше всего нуждался в поддержке. Эта история, как известно, получила художественное отражение в аксеновском романе «Скажи изюм», что также не оставлено без внимания.

В книге подводится некий итог писательского пути Василия Аксенова:

«**Александр Кабаков**: Аксенов – один из немногих *в мире* писателей, который вошел в одну и ту же реку славы, успеха и читательских потрясений и дважды, и трижды, и четырежды. Сначала с „Коллегами“ и „Звездным билетом“ – раз, потом с „Затоваренной бочкотарой“ – два, потом с „Ожогом“ и „Островом Крымом“ – три, с „Новым сладостным стилем“, другими американскими и снова комсомольскими (имеются в виду „Москва-ква-ква“ и „Редкие земли“. – *В. Е.*) романами – четыре. Четыре раза вошел человек в бурную реку литературную, где вершатся катастрофы и катаклизмы, – такое редко бывает. Обычно писатель входит в эту условную литературную воду и тихо плывет по течению. Аксенов же примерно раз в семь лет совершал некий переворот в себе, писателе Аксенове».

Тут следует оговориться, что последние аксеновские романы при выходе в свет далеко не у всех вызвали одобрение, да и авторы исподволь признаются, что не «совсем принимают их» или

что они им «чужеваты». При этом они уповают на то, что романы эти продолжают расходиться и после смерти писателя, и, значит, у Аксенова, по их мнению, появился новый, молодой читатель: «**Александр Кабаков**: Литературная тусовка их не приемлет, их топчут, и более того, я тебе скажу – я их сам не совсем принимаю. А молодые читают. Он *попал* в очередной раз… Вот мы не попадаем, а он попал».

Так ли это, покажет время.

Проникновенно и честно ведут авторы разговор о последнем (перед случившимся инсультом) годе жизни, о последнем акте драмы своего героя:

«**Евгений Попов**: И это следовало из всей его натуры тоже. Из того же романтизма, например… Старость? Не может быть. Так не может быть! Ведь он прожил такую огромную, насыщенную, осмысленную, интересную жизнь. <…>

Александр Кабаков: Жизнь в таких случаях и таким людям навязывает некоторые… ну, ложные, что ли, решения, загоняя их в ловушку. Ты вот это сделай, жизнь исподтишка советует, и тогда ты и себе самому, и всем вокруг, и вообще жизни и старости докажешь, что ты вовсе не старик…

Е. П.: Где-то я это уже читал. В одной старинной книге, где искушали одного молодого человека тридцати трех лет. Дьявол ему говорит: „Прыгни со скалы для доказательства существования Бога“. Помнишь?

А. К.: Помню. И как эта книга называется, тоже помню… Но здесь совсем не то. Жизнь подсказывает… как сказать?.. ну, такие возможности. Ты же не старый еще человек, Василий, ты чего же, дурашка, опасаешься-то? Вот ты думал, что ты старый, а какой же ты старый?! Вот тебе, пожалуйста, замечательный выход… Но это не выход на самом деле, а тупик, ловушка, капкан. Человек, вместо того чтобы спокойно, умело, *по-стариковски* вытащить приманку, бросается туда, и его прихлопывает, как мышь в мышеловке».

Близким Аксенову людям понятно, о чем здесь идет речь…

Можно было бы продолжить разговор о книге, но объем, предусмотренный для журнальной рецензии, не позволяет этого сделать. Укажу лишь на две фактические ошибки. Название для последней книги публицистики, упоминаемой авторами, Аксенов придумал сам, никто ему его не навязывал. А произошло это так. Я пришел к нему с готовой рукописью, составленной мною по его просьбе и по договору с издательством, и предложил подумать о названии. Разговор происходил в его кабинете в высотке на Котельнической набережной. Думать долго не пришлось. Василий, сидя в кресле, глянул в окно, повернулся ко мне и

сказал с усмешкой: «Давай назовем „Ква-каем, ква-каем“». Такое название содержало явную перекличку с названием вышедшего год назад романа «Москва-ква-ква», о котором он, видимо, решил таким образом напомнить читателям.

И еще одна неточность: последней машиной Аксенова был не «форд», а «ситроен».

Это, конечно, мелочи.

Главное же заключается в том, что Александр Кабаков и Евгений Попов создали многомерный и правдивый портрет своего друга. С уходом из жизни Василия Аксенова интерес к его творчеству и к его личности не иссякает: переиздаются его книги, в толстых журналах публикуются материалы из его архива, в Казани, на родине писателя, ежегодно проводятся аксеновские фестивали. Вот и первая посмертная книга о нем свидетельствует о том, что разговор о Василии Аксенове по-прежнему актуален.

Вступительные тексты к журнальным публикациям

«Анфан террибль и его родители» (Евгения Гинзбург и Павел Аксенов в письмах к сыну)

[124]

Подготовка публикации родительских писем к Василию Аксенову не могла не вызывать противоречивые чувства. С одной стороны, невозможно было избежать ощущения, что в твоих руках волею судеб оказалась частная семейная переписка с массой бытовых и материальных подробностей, которые обычно не принято делать достоянием публики.

С другой стороны, большая часть этих писем принадлежит писательнице, будущему автору «Крутого маршрута», книги, снискавшей признание не только в России, но и далеко за ее пределами, другая часть – человеку тоже далеко не заурядному и тоже с незаурядной судьбой; оба они, наконец, родители будущего писателя с мировым именем – Василия Аксенова. И с этой точки зрения их письма к сыну – бесценный материал для будущих биографов Василия Аксенова. Кроме того, они интересны не только как явление литературное, но и как явление историческое – по ним наглядно воссоздается картина отошедшей в прошлое жестокой эпохи. Немаловажным представляется и тот факт, что Василий Аксенов хранил эти письма всю жизнь и даже взял их с собой при отъезде в эмиграцию.

Есть и еще один аспект, придающий переписке особый интерес: эпистолярное общение Евгении Гинзбург и Василия Аксенова помогает им обоим прийти к творчеству, осознать себя писателями. Не случайно и ее, и его литературные дебюты осуществились независимо друг от друга примерно в одно и то же время, в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого века…

Последние соображения автору этих строк и редакции журнала «Октябрь», где первоначально были напечатаны выбранные места из этой переписки, представились все-таки более важными.

Несмотря на то что годы лагерей и ссылок окончательно разъединили родителей Василия Аксенова, они оба солидарно и согласованно наставляли своего отдаленного от них немалыми расстояниями отпрыска на «путь истинный», что не всегда находило понимание с его стороны.

При чтении этой уникальной переписки открывается известная всем временам ситуация «отцов и детей». Родителям,

ярким представителям своего поколения, пережившего революцию, войны, коллективизацию, индустриализацию, массовые репрессии и реабилитацию, хотелось, чтобы сын унаследовал именно их мысли и представления о жизни, а он принадлежал уже к совсем другому времени. К тому же, хотя мы не располагаем ни одним ответным письмом самого Василия Аксенова, даже из родительских писем к нему возникает ощущение человека, обладающего уже довольно сильным характером и имеющего твердое понимание того, что ему нужно, а что нет. И действительно, он уже многое испытал: сиротство, участь сына «врагов народа», лишения военных лет и скудный быт лет послевоенных, он уже в полной мере ощущал мертвящий дух повседневной советской казенщины и всем существом восставал против него. А тут еще воспоминания военного детства об американской помощи по ленд-лизу: вкус настоящей тушенки, крепкие джинсы, неснашиваемые башмаки. Да еще американский джаз, занесенный в провинциальную Казань неведомо откуда взявшимися Олегом Лундстремом и его оркестрантами!..

Студент Казанского, вскоре Ленинградского медицинского института в начале переписки, а позже – молодой врач, Василий Аксенов был стилягой по убеждению, вместо солидной карьеры врача мечтал (чтобы посмотреть мир) устроиться медиком на суда дальнего плавания, влюблялся, по мнению родителей, не в тех девушек. При этом и политические взгляды сына были уже куда более радикальными, чем у его прошедших лагеря и тюрьмы, но еще сохранявших верность коммунистическим иллюзиям родителей. Поэтому их сообщения о восстановлении в коммунистической партии, как и совет матери вступить в партию ему самому, вряд ли могли вызвать у него воодушевление.

Евгения Семеновна переживала пристрастия и увлечения сына (особенно его приверженность к «стиляжеству») очень эмоционально, порой слишком драматизировала житейскую ситуацию. Очень больно ранило ее, что сын месяцами не отвечает на ее взволнованные письма. Характер ее претензий к сыну и опасения за его судьбу отразились в письме от 25 июня 1954 года к младшей сестре Наталье Соломоновне Гинзбург, которая жила в Ленинграде:

«Родная моя Наташа! Сегодня тебе по порядку о всех художествах моего младшего отпрыска. 15-го числа получаю от него телеграмму: „Экзамены сдал, есть возможность поехать на практику в Магадан. Срочно высылай деньги“. Я высылаю ему 4 тысячи и жду. На мое сиротское счастье идет стена дождей и туманов, 4 дня подряд нет летной погоды. Я нервничаю, 3 дня езжу на аэродром, а он валяется в Якутске, в Охотске в ожидании

погоды. Наконец после недельных тревог и страданий, 23/VI, в 5 ч. вечера он прилетает, пробыв в дороге шесть дней вместо двух.

И что же оказывается? Оказывается, что ему никто не давал сюда направления на практику, наоборот, ему была назначена для практики Казань, но он, проходив четыре дня, решил, что можно уехать сюда, пройти практику здесь, а потом поставить директора перед фактом. Ход рассуждений у него такой: во-первых, там могут не заметить, что он исчез, т. к., дескать, дело организовано бестолково, суматошно и могут вообще не заметить, что одного не хватает. Во-вторых, если и заметят, то Марик Гольдштейн обещал ему через своего папу все замазать и уладить, а, кроме того, он ведь переводится в Ленинград, а там, мол, будет совершенно безразлично, пройдена ли практика в Казани или в Магадане – лишь бы была практика.

Можешь себе представить, как меня порадовали эти известия. Я в ужасе. Дать против себя такой козырь в руки этому тупому и мстительному директору[125]*, который его ненавидит. Самовольно уехать с практики! Конечно, я бы никогда не послала денег и не разрешила поездку, если бы знала эти обстоятельства.*

Я надеялась, что тяжелые испытания, пережитые им в этом году[126]*, хоть немного образумят его, заставят повысить чувство ответственности, отказаться от этого идиотского „стиля“ и прочих клоунских выходок. Но не тут-то было! Если бы ты видела, в каком виде он прилетел! На нем была рубашка-ковбойка в цветную клетку, сверху какой-то совершенно немыслимый пиджак, тоже в клетку, но мелкую. Этот балахон неимоверной ширины с „вислыми“ плечами (он меня информировал, что это последний крик моды!). Ну просто – рыжий у ковра! Для довершения очарования – ситцевые штаны, которые ему коротки, а вместо головного убора – чудовищная шевелюра, передние пряди которой под порывами магаданского ветра свисали до подбородка.*

Мне было стыдно перед моими учениками-выпускниками, которые были тут же, на аэродроме, в ожидании самолета на Москву. Они с таким интересом хотели видеть моего сына…»[127]

Весьма красочное описание любимого сына, приправленное изрядной долей сарказма!

При этом Евгения Семеновна постоянно делилась с Василием впечатлениями от прочитанного (стихов и прозы), от увиденных кинофильмов и, конечно, своим жизненным опытом (см., например, письмо от 28 февраля 1955 года).

Сквозной темой ряда писем Евгении Гинзбург является проблема теплого зимнего пальто, которое у Василия постоянно куда-то пропадает, а взамен появляется «стиляжная хламида». Все это нашло отражение в позднем рассказе Василия Аксенова «Три

шинели и нос» (1996), где герой рассказа признается: «Я ненавидел свое зимнее пальто больше, чем Иосифа Виссарионовича Сталина. Это изделие, казалось, было специально спроектировано для унижения человеческого достоинства: пудовый драпец с ватином, мерзейший „котиковый“ воротник, тесные плечи, коровий загривок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу пожилых бюрократов».

И, конечно, вместо добротного советского «изделия» появлялось из комиссионки заношенное до дыр пальтишко «верблюжьего цвета», с которого «свисал пояс с металлической, не наших очертаний, пряжкой»: «На пряжке внутри фирменные буквы: Jennings! Внутренние органы неприлично заторопились. Пряжка с зубчиками. Пояс немного залохматился. Это из-за зубчиков, так и полагается. Да ему сто лет, этому пальтишке, молодой человек. Послушайте, дорогая девушка, будьте человеком, отложите его для меня! Я через два часа, через час приду с деньгами! Ну, вы комик, молодой человек! Да вы хоть примерьте» («Три шинели и Нос»).

Это будет написано Аксеновым более сорока лет спустя, а пока магаданскими зимними ночами Евгении Гинзбург не спится после получения от сестры известий, что ее Вася кашляет и мерзнет от холода в далеком Ленинграде…

Отец, как это свойственно мужчинам, относился к перипетиям сыновней жизни более снисходительно и терпимо, его письма нередко выдержаны в шутливом тоне. Но изредка встречаются и жесткие отповеди (см. письмо от 22 апреля 1955 года).

Павел Васильевич твердо уверен, что предназначение сына – это избранная им специальность врача[128], и не советует ему отклоняться от намеченного пути. Любопытно в этом смысле его замечание по поводу литературных интересов сына – в письме от 27 ноября 1957 года Василию и его жене Кире он пишет:

«Что касается литературы, то я хотел бы сказать вот что. В силу определенных причин Вася едва ли будет играть серьезную роль на литературном поприще».

Что подразумевал Павел Васильевич под «определенными причинами», трудно сказать, возможно, анкетные данные Василия, – не верил, что сыну репрессированных родителей позволят стать известным писателем. К счастью, он ошибся.

Но эта сентенция отца относится уже к более благополучному периоду жизни сына. Василий Аксенов уже женат и живет в Москве. В столицу он переехал из поселка Вознесенье Ленинградской области, где недолгое время проработал главврачом местной больницы.

«Что делать, если зараза въелась крепко…» (Переписка Василия Аксенова с Евгенией Гинзбург)

[129]

Связка писем Василия Аксенова к Евгении Гинзбург была обнаружена в квартире его вдовы Майи после ее смерти (24 декабря 2014). К сожалению, письма эти были найдены через два года после публикации в журнале «Октябрь» (2013, № 8) родительских писем к их юному и своевольному отпрыску. Она, эта публикация, так и называлась: «Анфан террибль и его родители». Часть писем Евгении Гинзбург, находившихся тогда в нашем распоряжении, не вошла в ту журнальную публикацию, потому что они относились уже к более позднему времени, когда Василий Аксенов стал уже более зрел и его полушутливая характеристика как анфан террибля перестала себя оправдывать.

Чтобы не разрушать ту, уже сложившуюся и представленную читателям подборку родительских писем, оставшиеся тогда неиспользованными письма матери мы включили в настоящую публикацию, в результате чего получилась (пусть и не полная) переписка Василия Аксенова и Евгении Гинзбург. К сожалению, писем Евгении Гинзбург этого периода времени сохранилось в аксеновском архиве гораздо меньше, чем его писем в архиве матери. К Аксенову же его собственные письма попали после ее смерти в 1977 году и (надо отдать ему должное как хранителю памяти родителей) проделали вместе с ним и его архивом путь из Москвы в эмиграцию, а потом благополучно возвратились на родину и благодаря этому дошли до нас. Так же, собственно, как и письма родителей к нему, составившие упомянутую выше «октябрьскую» публикацию.

Писем Евгении Гинзбург в публикуемой переписке, как уже отмечено, значительно меньше, их всего восемь. При этом одно из них (даже не письмо, а торопливая записка на обрывке бумаги, написанная карандашом) хранилось вместе с письмами самого Василия Аксенова к Евгении Гинзбург в одной связке и датировано 1949 годом, а написано из магаданской тюрьмы. Туда Евгения Гинзбург была неожиданно помещена по прихоти «компетентных органов», оставивших на произвол судьбы сына-школьника, недавно приехавшего к ней с «материка» заканчивать школьное обучение.

К счастью, заключение длилось недолго, но ситуация была драматическая, о чем свидетельствует отчаянная телеграмма

бабушки (матери Е. Гинзбург):

УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ МАГАДАН ХАБАРОВСКОГО КРАЯ МАГЛАГ ОРЛОВУ АЛЕКСЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ[130] -

1033– БОРОВИЧЕЙ 91 74 4 1845 -

УМОЛЯЮ УЗНАТЬ СУДЬБУ ВАСИ КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ МАГАДАНЕ БЕЗ ЖЕНИ НА ТЕЛЕГРАММУ ПОСЛАННУЮ ВОСТРЕБОВАНИЯ НЕ ОТВЕТИЛ ПОСЛАЛИ ТЕЛЕГРАММУ СТАРЫЙ САНГОРОДОК ОТВЕТА НЕТ НЕ УВЕРЕНЫ ТОЧНОСТИ ДОМАШНЕГО АДРЕСА ХОТИМ ВЫСЛАТЬ ДЕНЬГИ ОСТАНАВЛИВАЕТ ЕГО МОЛЧАНИЕ ПОШЛИТЕ ВАСЮ НА ТЕЛЕГРАФ ЗА НАШЕЙ ТЕЛЕГРАММОЙ ПРОШУ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ АДРЕСУ БОРОВИЧИ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ГЛАВНАЯ ПОЧТА ВОСТРЕБОВАНИЯ ГИНЗБУРГ НАТАЛИИ СОЛОМОНОВНЕ[131] – НАХОЖУСЬ НАТАШИ МЕСТУ ЕЕ РАБОТЫ УМОЛЯЮ НЕ ОСТАВИТЬ МЕНЯ БЕЗ ОТВЕТА – МАТЬ ЖЕНИ

Эта телеграмма хранилась в той же недавно обнаруженной связке писем вместе с тюремной запиской матери.

Все остальные письма Евгении Гинзбург относятся уже концу пятидесятых годов, кроме последнего, которое датировано 1965 годом.

Писем Василия Аксенова тридцать. Они охватывают период от конца пятидесятых до середины семидесятых годов прошлого века.

В опубликованной переписке две сквозные темы. Первая – настойчивое стремление Евгении Гинзбург вырваться из Магадана, сначала во Львов, а затем перебраться в Москву. Ее мечта осуществилась, как это видно из письма сына, летом 1966 года.

Вторая тема литературная. В начале переписки – это взаимное обогащение размышлениями о литературе и о жизни двух литературных дебютантов, в конце – разговор двух состоявшихся писателей.

На рубеже пятидесятых и шестидесятых годов Евгения Гинзбург еще сомневается, стоит ли сыну всецело посвящать себя литературе, на что он отвечает:

«Ты пишешь, что не стоит обращать особенного внимания на литературные дела. Конечно, я согласен с тобой, что для морального спокойствия лучше не погружаться целиком в эти дела, но что делать, если эта зараза въелась крепко».

Писем Евгении Гинзбург после 1965 года, когда ее сын стал уже одним из самых ярких прозаиков нового поколения, не сохранилось (или они пока не обнаружены). Аксеновские же

письма середины 1960-х годов и более поздние содержат подробный отчет о всех литературных (и не только литературных) удачах и неудачах. Он поверяет матери самые сокровенные размышления и факты.

Летом 1966 года, сетуя на всякие привходящие обстоятельства, мешающие ему заниматься свободным творчеством, он признается:

«Я впервые оказался в том положении, когда не могу писать того, что хочу, а должен писать то, что нужно по договорам, то, что от меня требуют или хотят другие люди. Стремлюсь к прозе, как к тайной любовнице».

Вместе с тем радуется успеху мемуарных записок матери, первой части «Крутого маршрута». Так, в письме от 10 сентября 1964 года он сообщает ей: «Москва полна слухами о твоих мемуарах. Все интеллигенты подходят ко мне с просьбами предоставить экземпляр. Те, что читали, очень высокого мнения. Нагибин выразил мне огромное удовольствие от мемуаров и просил тебе передать. Слышно ли что-нибудь из „Нового мира“?»

Кроме обозначенных нами двух главных тем, постоянно затрагиваются в переписке дела житейские и семейные, едва ли не в каждом письме упоминаются жена Кира или сын Алексей, приемная дочь Евгении Гинзбург Антонина. Встречаются и пейзажные зарисовки.

Заканчивается переписка открыткой из-под Таллина, датированной 1975 годом (уже написан или близок к завершению «Ожог»), в ней второй раз упоминается новое имя: «Майка». Через пять лет она станет его женой и разделит с ним годы эмиграции и всю дальнейшую жизнь.

Опубликованные письма, представляя собой документы ушедшей эпохи, бесценны еще и в другом отношении: они дополняют историю жизни и творческую биографию их авторов новыми деталями. Так, например, мы узнаем, что в 1960 году, помимо «Коллег» в «Юности», Аксенов отметился еще рассказом с «Утра до темноты» в «Литературной газете». Также благодаря письмам становится более понятным для нас пренебрежительное отношение зрелого Аксенова к повести «Коллеги», сделавшей его знаменитым: повесть, оказывается, была написана по прямому заказу Катаева, который в этот судьбоносный для Аксенова момент был главным редактором «Юности». Для заинтересованного читателя писем откроется еще целый ряд других более или менее значимых фактов.

«…Развели по двум разным концам земли…»
(Предисловие к переписке Василия и Майи Аксеновых с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером)

[132]

Письма Беллы Ахмадулиной и Бориса Мессерера были обнаружены при разборе бумаг Василия Аксенова в его американской квартире (г. Шантилли, штат Вирджиния). Там они находились среди рукописей изданных и неизданных рассказов, эссе, публицистических статей и писем множества корреспондентов Аксенова, в том числе Георгия Владимова, Сергея Довлатова, Владимира Максимова, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Юлия Эдлиса, Джона Апдайка. Письма, о которых идет речь, были написаны от руки, ведь для нас, советских граждан, то была еще докомпьютерная эра. К счастью, почерки Беллы и Бориса оказались вполне разборчивыми, и письма без труда удалось прочесть. А после прочтения стало ясно: их обязательно нужно печатать, это животрепещущие свидетельства ушедшей эпохи. О находке я сообщил при встрече Борису Мессереру, и оказалось, что в их с Беллой Ахмадулиной семейном архиве находится большая пачка писем Василия и Майи Аксеновых к ним. Так возникла идея настоящей публикации.

Чтобы ее осуществить, нужно было две эти находки разрозненных писем превратить в живой диалог, каким на самом деле и была эта удивительная переписка. Для этого необходимо было расположить письма в хронологическом порядке.

Значительная часть писем Ахмадулиной и Мессерера не имела дат, их удалось датировать (некоторые предположительно) только после сопоставления с письмами и открытками Аксеновых, которые в большинстве своем аккуратно датированы. Сопоставление и датировка писем производились по событиям, в них упоминаемым: отъезды в эмиграцию Владимира Войновича с семьей, Льва Копелева и Раисы Орловой, Георгия и Натальи Владимовых, аресты и допросы друзей, прощания с умершими: Владимиром Высоцким, Надеждой Мандельштам, Ильей Вергасовым, Александром Тышлером.

Как известно, Аксенова вынудили уехать из страны в июле 1980-го после скандала с альманахом «Метрополь». Ахмадулина, тоже участница альманаха, осталась дома. Но, оставшись дома,

она, как и немалое количество ее соотечественников, находилась в состоянии внутренней эмиграции. Среди них были люди, активно не высказывавшие состояния своей души, Ахмадулина этого не скрывала. Она не принимала участия в советских общественных мероприятиях, демонстрировала неприятие политики властей, открыто общалась с иностранными корреспондентами и дипломатами. И, конечно, открыто поддерживала преследуемых властью друзей, принимала участие в их судьбе…

Первые письма Аксенова датированы концом сентября 1980 года, первое письмо Ахмадулиной – 4 января 1981 года. Временной разрыв между письмами объясняется отсутствием надежного канала для передачи почты: письма за «бугор» и оттуда шли не меньше двух месяцев, а главное, перлюстрировались. Часто просто не доходили до адресата. Поэтому надежный канал для связи был необходим.

Такой канал связи обеспечивали в те мрачные годы иностранные дипломаты и корреспонденты зарубежных газет, благодаря которым стала возможна, в частности, почти вся публикуемая переписка. И не только письма – они передавали на Запад произведения писателей и поэтов, которые тогда не могли быть опубликованы на родине, а теперь составляют культурное достояние России. Неоценима самоотверженная деятельность Карла и Эллендеи Профферов, четы американских славистов, влюбленных в русскую литературу, основавших в университетском городке Анн-Арбор (штат Мичиган) знаменитое издательство «Ардис». Начиная с 1971 года в «Ардисе» вышли на русском языке романы Владимира Набокова, Михаила Булгакова, Андрея Платонова, Василия Аксенова, Андрея Битова, Владимира Войновича, Фазиля Искандера, поэтические книги Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Владимира Сосноры и многих других прозаиков и поэтов.

Ахмадулина пишет Аксенову, что после «Метрополя» в Москве возникло новое независимое объединение: «Клуб беллетристов», куда вошли молодые писатели Филипп Берман, Николай Климонтович, Евгений Козловский, Владимир Кормер, Евгений Попов, Дмитрий Пригов, Евгений Харитонов, об их намерении издать «Каталог», о последовавшей за этим кагэбэшной слежке за участниками клуба, обысках и допросах, а затем и об аресте одного из них. Сообщает об уходе из жизни близких людей и их похоронах, о творческих муках и озарениях, посылает свои новые стихи, радуется его новым книгам.

Вырвавшийся на свободу Аксенов пишет Ахмадулиной о

встречах со старыми друзьями, знакомыми и просто коллегами: художниками, музыкантами, актерами. Перечисление имен ошеломляет: Владимир Максимов, Владимир Войнович, Виктор Некрасов, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Анатолий Гладилин, Михаил Шемякин, Лев Копелев и Раиса Орлова, Фридрих Горенштейн, Лев Збарский, Андрей Тарковский, Максим Шостакович, Мстислав Ростропович и т. д. и т. д. Без преувеличения можно сказать, что эти имена представляют собой цвет русской культуры того времени. Вот уж действительно, как замечает Аксенов в одном из писем, нужно же было создать такую эмиграцию из страны в мирное вроде бы время! А в «Бумажном пейзаже», одном из первых романов, написанных за рубежом, Аксенов соответственным образом переиначивает известную комсомольскую песню:

Едем мы, друзья,
В дальние края!
Станем эмигрантами и ты, и я.

И дальше:

Мама, не скучай,
Слез не проливай,
В Кливленд поскорее с дядей Мишей приезжай…

Аксенов делится своими литературными новостями, сетует на разобщенность русской эмиграции, переживает за судьбу сына от первого брака Алексея, оставшегося на родине, следит за событиями в Москве по сообщениям средств массовой информации, иногда иронически вопрошает: «Как вам без М. А. Суслова? Тяжело?» – это в январе 1982 года, когда начался уход из жизни престарелых советских вождей.

И есть еще одна важная тема – судьба их литературного поколения, ощущение того, что блестящее творческое содружество шестидесятых (Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов) перестало существовать, его участники потеряли друг друга, разъединились, разошлись в стороны. Об этом с горечью пишет Белла Ахмадулина. Василий Аксенов вспоминает в связи с этим строки из ее давнего стихотворения: «…Ну, вот и все, да не разбудит страх / Вас беззащитных среди дикой ночи. / К предательству таинственная страсть, / Друзья мои, туманит ваши очи…» Через двадцать с

лишним лет он вернется к этой животрепещущей для них теме в своем последнем завершенном романе «Таинственная страсть»…

В письме от 5 января 1983 года Белла Ахмадулина, обращаясь к Василию Аксенову, вспоминает стихотворение Марины Цветаевой «Расстояние: версты, мили…» (1925), посвященное Борису Пастернаку: «…как это – „нас – рас – раз… развели по двум разным концам земли“».

Переписка действительно вызывает в памяти другую переписку, имевшую место за полвека до этого: Марины Цветаевой, эмигрировавшей в Европу в 1922 году, и Бориса Пастернака, оставшегося в Москве. И та и другая – замечательный памятник творческой и человеческой дружбе не изменивших своему предназначению людей.

Вокруг калифорнийской конференции по русской литературе

[133]

В мае 1981 года (с 14-го по 16-е) в Лос-Анджелесе (штат Калифорния) проходила международная конференция «Русская литература в эмиграции», в которой участвовали русские писатели-эмигранты (так называемой третьей волны), а также американские и западноевропейские писатели, литературоведы и журналисты.

Вот их имена:

Василий Аксенов, Юз Алешковский, Дмитрий Бобышев, Деминг Браун, Эдвард Браун, Николай Боков, Томас Венцлова, Владимир Войнович, Джордж Гибиан, Ашбель Грин, Джон Дэнлоп, Д. Бартон Джонсон, Вера Данхем, Сергей Довлатов, Анатолий Гладилин, Роберт Кайзер, Патриция Каден, Наум Коржавин, Илья Левин, Юрий Лехт, Эдуард Лимонов, Ольга Матич, Виктор Некрасов, Эдвард Олби, Виктор Перельман, Карл Проффер, Эллендея Проффер, Мария Розанова, Андрей Синявский, Джеральд Смит, Саша Соколов, Джеффри Хоскинг, Алексей Цветков[134].

Программа работы конференции была рассчитана на три дня. На открытии прозвучал доклад известной американской славистки Ольги Матич «Russian Literature in Emigration» («Русская литература в эмиграции»), затем выступил Андрей Синявский с докладом «Две литературы или одна?», открывшим дискуссию первого дня. Темой второго и третьего дней стала связь политики и литературы. В каждый из дней конференции кроме докладов проходили «круглые столы» русских участников конференции[135].

В перечне участников обращает на себя внимание отсутствие таких крупных фигур эмиграции, как Александр Солженицын, Владимир Максимов, Иосиф Бродский. И это не случайно, это следствие той разобщенности и даже вражды, которая буквально раздирала русскую литературную эмиграцию третьей волны на отдельные группировки и компании.

Так, главный редактор «Континента» Владимир Максимов отказался приехать на конференцию из-за того, что организаторы ее уделили, по его мнению, слишком большое внимание Андрею Синявскому. В письме Василию Аксенову от 4 апреля 1981 года, сетуя на это, он писал: «Выступлением Синявского открывается конференция, а затем о нем же следует целый доклад. Мало того, в списке участников дискуссии числится и его жена (почему и не

твоя, и не моя, и не Войновича?)». Отношения его с Синявским были уже достаточно напряженными, хотя первоначально предполагалось, что оба они будут соредакторами «Континента». Но Синявский потребовал, чтобы в состав редколлегии была введена и его жена, М. В. Розанова, с чем Максимов был категорически не согласен. Это и послужило причиной разрыва отношений между ними. В результате Андрей Синявский и Мария Розанова создали свой собственный журнал «Синтаксис», который сразу же занял враждебную по отношению к «Континенту» позицию.

Молодые писатели (в частности, Эдуард Лимонов и Саша Соколов) с недоверием относились к вкусившим славы на родине Василию Аксенову, Науму Коржавину, тому же Владимиру Максимову.

Главный редактор газеты «Новое русское слово» Андрей Седых предпринимал откровенно враждебные действия по отношению к газете «Новый американец» Сергея Довлатова, видя в нем конкурента, который может отобрать у него читателя.

Особняком со своими восторженными приверженцами держался объявленный классиком при жизни Александр Солженицын.

Нечто подобное можно сказать и об Иосифе Бродском, окруженном многочисленной группой почитателей. Причины разрыва между ним и Василием Аксеновым изложены в предыдущем разделе настоящей книги «Два письма Василия Аксенова к Иосифу Бродскому».

Взаимные претензии писателей эмиграции достигали порой предельной остроты, подтверждением чему служит публикуемая в «Вопросах литературы» непосредственно касающаяся предстоящей конференции в Лос-Анджелесе переписка Василия Аксенова с Владимиром Максимовым и Сергеем Довлатовым, а также оказавшаяся в американском архиве Василия Аксенова переписка Сергея Довлатова с Владимиром Марамзиным.

Нельзя не отметить, что послание Марамзина изобилует скрытыми и явными упреками в адрес Довлатова. Например, в начальной фразе, задающей тон всему письму, Марамзин пишет:

«Я все думал, что наш разговор возымеет какое-то действие, но я вижу, что ты вообще на всех нас поставил крест как на друзьях и союзниках, да и газету-то присылать перестал. Думаю, что причина в том, что тебе ее мне стало присылать – ну, не то что стыдно, а несколько неудобно. В твое оправдание все время твержу себе, что ты, вероятно, действительно ничего в своей газете не можешь, что просто кто-то использует твои журналистские и писательские способности и тихо делает за

твоей спиной свои дела.

Ты много говоришь о свободе. На самом деле твоя газета, которой мы все так радовались и помогали бы всеми силами и способами, постепенно и очень четко заангажировалась»[136].

Довлатов отвечает Марамзину жестко, но спокойно:

«Я работаю в независимой демократической газете и буду делать ее так, как считаю нужным, с учетом всех доброжелательных и разумных советов.

В твоем письме часто встречаются формулировки: „Ты напечатал… Ты не захотел опубликовать…“ Это неточность. И очень показательная неточность. Ты исходишь из наличия в газете диктатора, вождя, начальника. Возможно, ты даже представления не имеешь, что такое демократическая форма руководства. Так знай, что моя злополучная должность является выборной, я не стал редактором и не был назначен редактором – а был выбран редактором после того, как ушел Женя Рубин, диктатор и мудак. Мое редакторство требует от меня способности не только выражать свою точку зрения, но и способствовать выражению точек зрения, которые я не разделяю, или разделяю лишь частично.

Я всегда был не религиозным человеком. В какой-то степени религиозное чувство заменялось отношением к литературе, которую я гораздо больше люблю читать, нежели писать. Сейчас я участвую в демократическом производстве, испытывая некоторое подобие религиозного экстаза. <…> Мне доставляет физическое удовольствие согласовывать свои действия с группой людей, которые мне очень близки.

Не буду затевать отвлеченный разговор о демократии. Я, как мог, высказался на общие темы – в газете.

Отвечаю тебе конкретно по пунктам:

1. *Я на тебе креста не поставил и тем более – не „забивал никакого болта“. Напротив – очень ценю тебя как писателя, и редкий номер газеты выходит без упоминания твоего имени в самом положительном смысле.*

<…> Понятие „союзники“ для меня неприемлемо, ибо я ни с кем не воюю, ни к каким партиям не принадлежу и ни в какие союзы не вступаю.

3. *Газеты высылать я не перестал. Последние два комплекта отосланы не авиа, а морем, потому что здесь жутко дорожает почта, одна авиабандероль такого веса стоит восемь долларов, а я отправляю десятку бандеролей и зарабатываю 100 долларов в неделю. Один раз будет перерыв 1–1,5 месяца, в дальнейший темп сохранится.*

4. *В своей газете я значу столько же, сколько каждый из*

остальных восьми творческих сотрудников, не больше, но и не меньше. Действительно, вождем я не являюсь и всеми силами души презираю эту роль. Газета выпускается демократическим способом. Приедешь в Америку (чему я буду очень рад) – увидишь, как это делается.

5. *В помощи мы, конечно, нуждаемся и с благодарностью приняли бы ее и от тебя, и от Максимова, но не в обмен на принципы, которыми мы руководствуемся.*

<…> Действительно, в эмиграции много склок. И ты, и я считаем эти склоки неприятными. То есть оба стремимся к миру. Но ты понимаешь мир как торжество одной точки зрения, а я – как сосуществование и противоборство многих…»[137]

Немаловажным фактом, характеризующим отношения в эмиграции, является отказ участвовать в работе конференции Александра Солженицына, Владимира Максимова и Иосифа Бродского, которые были по существу чуть ли не такими же литературными генералами (эмиграции), как руководители Союза писателей в любимом отечестве (ни в коем случае не хочу здесь приравнять одних к другим в смысле их литературной талантливости – и Солженицын, и Бродский, конечно, были и останутся классиками, да и Максимов – явление совершенно иного масштаба, чем Георгий Марков, Сергей Сартаков или другие представители так называемой секретарской литературы). Ситуация эта являлась своего рода карикатурой на положение дел в литературной метрополии, то есть в Советском Союзе, с предполагаемым соблюдением субординации и негласного табеля о рангах.

Недаром Сергей Довлатов замечает Владимиру Марамзину в уже цитированном письме:

«Это письмо одного политического деятеля другому или одного военного другому военному, скажем, полковника – майору, нарушившему порядок военных действий в разгар боев. Я не политический деятель, не майор, в боях не участвую, и потому окрики из ставки Верховного главнокомандующего кажутся мне оскорбительными».

А Василий Аксенов на упрек в нежелании ввязываться в литературно-политические дрязги отвечает Владимиру Максимову:

«То, что ты называешь „моей позицией“, это отсутствие позиции в этом или более широком скандале. Этой позиции от меня не дождутся».

И это внутреннее достоинство Василия Аксенова и Сергея Довлатова не может не внушать уважения.

«Кто является истинными героями современной России?»

[138]

Эссе «Два типа смелости»[139] и «Как Сцилла и Харибда»[140] вполне могут быть отнесены к жанру воспоминаний, столь редкому в творчестве Василия Аксенова. Они затерялись среди его бумаг и, к сожалению, не вошли в книгу «Одно сплошное Карузо» («Эксмо», 2014), составленную автором этих строк из материалов американского архива писателя. По духу и стилю они вполне могли войти в указанную книгу но так уж получилось.

Первый текст посвящен ученым, науке, как таковой, и Андрею Дмитриевичу Сахарову, в частности, и возвращает нас в мрачные годы советского застоя: уже арестован известный физик Юрий Орлов, в «местах не столь отдаленных» пребывает другой известный физик Андрей Твердохлебов, через год самого Сахарова ожидает ссылка в город Горький.

В этих условиях Аксенов задается, казалось бы, наивным вопросом, чья смелость заслуживает большего признания современников и потомков: смелость космонавта, отрывающегося от притяжения Земли, или смелость правозащитника, отрывающегося от «единодушного одобрения» народом действий власти? Выясняется, что вопрос этот не так уж наивен, каким он представляется на первый взгляд.

Более того, вопрос этот, спустя треть века, продолжает оставаться для России столь же актуальным, как и во время написания Аксеновым публикуемого ныне мемуара.

Второй текст, возникший в первые годы эмиграции, начинается воспоминанием о военных учениях на Балтике, участником которых был и студент Ленинградского мединститута Василий Аксенов. К счастью, это были не настоящие атомные учения: взрыв и грибовидное облако только имитировали атомный взрыв.

От воспоминаний мысль писателя обращается к реальной угрозе существованию жизни на земле, которую несет в себе атомное оружие в условиях ожесточенного противостояния двух политических систем. Надежду на спасение дают писателю литература и «другие творческие акты», которые, по его убеждению, «делают для дела мира больше, чем пацифистское движение, которое, увы, часто становится лишь пешкой в политической игре». В условиях нынешнего набирающего силу противостояния с Западом, когда упоминаемые Аксеновым пацифистские движения после распада Советского Союза сошли

на нет, и этот его текст продолжает оставаться весьма своевременным.

Оба текста датированы предположительно. Возможность их публикации в Советском Союзе абсолютно исключена, при этом не представляется возможным установить, для какого зарубежного органа печати они предназначались.

К двум публикуемым текстам примыкал еще третий – письмо первому Президенту России Борису Ельцину, подписанное вместе с Василием Аксеновым его друзьями сербским философом и публицистом Михайло Михайловым и учеными с мировым именем Роальдом Сагдеевым и Валерием Сойфером. Два писателя и два ученых, их единая позиция продолжала тему содружества искусства и науки в борьбе за движение человечества к прогрессу обозначенную во втором мемуаре. Письмо датируется 1992 годом и относится к моменту обострения внутриполитической обстановки в стране, приведшей к кризису октября 1993-го. В нем выражается обеспокоенность возможностью коммунистического реванша и предсказываются плачевные последствия такого развития событий:

«Цинично называя себя „русскими патриотами“, они в своих многочисленных газетах и журналах, а также, к сожалению, и с трибуны Верховного Совета Российской Федерации льют грязь на первого в российской истории избранного народом президента, глумятся над бескровной народной революцией августа 1991 года, не пытаясь скрыть, что их цель состоит в насильственной реставрации тоталитарного сверхгосударства.

Их не смущает даже страшная перспектива этнической и гражданской войны по всей территории бывшего СССР, то есть повторение в гигантском, ядерном масштабе разворачивающейся сейчас „югославской модели“. Готовность пролить кровь сквозит или впрямую высказывается в выступлениях их лидеров.

Не имея никакой позитивной экономической программы, они стремятся вновь противопоставить Россию Западу, то есть опять вогнать страну в гонку вооружений, тем самым в безвыходный тупик для будущих поколений».

К сожалению, письмо не может быть опубликовано, потому что разрешения на его публикацию от трех других «подписантов» не имеется. Это письмо с настойчивым призывом не допустить противостояния новой России идущему навстречу ее демократическим преобразованиям Западу выглядело бы сегодня не менее злободневным, чем современные политические дискуссии…

Вопреки нынешним утверждениям некоторых прижизненных друзей Василия Аксенова, пытающихся оправдать отсутствие

собственной гражданской позиции утверждением, что Аксенов якобы был только писателем и политика его не интересовала, публикуемые тексты как раз остро публицистичны, и политическая позиция Василия Аксенова очерчена в них предельно отчетливо. Критикуя закосневшую и закостенелую советскую систему, он противопоставляет этой беде литературу и науку, то есть свободное творчество, как надежду на выход из любого политического тупика.

Заявка на художественный фильм «Диссидент»

[141]

Текст заявки был обнаружен в американском архиве Василия Аксенова уже после того, как все другие материалы архива, подлежащие публикации, были подготовлены к изданию отдельной книгой. Эта заявка, к сожалению, в нее не вошла. Она не датирована. Относится, вероятнее всего, к началу восьмидесятых годов прошлого столетия, когда Василий Аксенов только начинал осваиваться в американской жизни. В США он прилетел с женой Майей 10 сентября 1980 года.

Время действия фильма, задуманного Аксеновым, – драматические события августа 1968 года. Ввод советских войск в дружественную Чехословакию для подавления так называемой Пражской весны был осуществлен в ночь с 20 на 21 августа 1968 года. Он обозначил собой исторический рубеж, подобный февральским событиям 2014 года, которые мы до сих пор переживаем и еще долго будем переживать. Утром 21 августа 1968 года мы, как говорится, проснулись в другой стране. И во всей этой огромной стране нашлось только семь смельчаков, заявивших публичный протест агрессивной акции власти. Через четыре дня после военного вторжения в Чехословакию они вышли на Красную площадь с лозунгом: «За вашу и нашу свободу!».

Через несколько минут они были арестованы.

Имена их навсегда остались в истории России, помнят их в Чехии и Словакии. Вот эти имена: Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг.

Аксенов видел будущий фильм художественным, а не документальным и поэтому заменил имена подлинных участников акции на вымышленные. При этом у Аксенова в лидере акции Петре Полякове легко угадывается Павел Литвинов (р. 1940), физик, правозащитник, чей дед М. М. Литвинов действительно был наркомом иностранных дел Советского Союза. А в писателях, одному из которых «Нечего Терять», а другому «Есть Что Терять», угадываются поэтесса и переводчица Наталья Горбаневская (1936–2013) и поэт Вадим Делоне (1947–1983). Горбаневской советскими врачами-психиатрами был состряпан диагноз «вялотекущая шизофрения», и она на несколько лет была упрятана в психиатрические учреждения, в том числе с января 1971-го по февраль 1972 г. находилась в Казанской психбольнице. Делоне получил лагерный срок. Оба они после освобождения

эмигрировали в 1975 году во Францию. Все остальные участники протеста также были осуждены.

Такова документальная подоплека аксеновской заявки.

Судя по всему, заявка не была принята, замысел остался неосуществленным.

Документ эпохи

…всё начнется вновь,
Все должно в природе повториться…

Б. Окуджава

[142]

Интервью молодого советского поэта Андрея Вознесенского и молодого советского писателя Василия Аксенова польскому еженедельнику «Политика», данное 2 марта 1963 года, во многом предопределило ход дискуссии на так называемой встрече творческой интеллигенции с представителями партии и правительства 1963 года в Кремле, а теперь по прошествии лет позволяет судить, как изменились мировоззренческие позиции героев этой публикации и как изменилась страна за годы, отделяющие нас от времени возникновения этого документа.

Ни Аксенов, ни Вознесенский не могли предположить, какой резонанс вызовет их интервью через шесть дней, во время уже упомянутой встречи в Кремле. Встреча эта была еще одной, после посещения Н. С. Хрущевым выставки художников в Манеже в 1962 году, атакой власти на свободное творчество, вкус к которому особенно остро почувствовала после развенчания Сталина творческая молодежь, окрещенная критикой шестидесятниками. На встрече в Кремле публикуемое интервью вызвало возмущение известной советской писательницы польского происхождения Ванды Василевской. Она заявила, что классовая позиция молодых советских писателей, давших интервью «Политике», не выдерживает критики, а взгляды и мысли этих молодых людей расшатывают советские устои.

Никита Хрущев, проводивший встречу, потребовал немедленно назвать имена отступников. Имена были названы, имена яркие: Андрей Вознесенский и Василий Аксенов.

По воспоминаниям Василия Аксенова, зал взорвался криками: «Позор, позор, к ответу!», после чего сначала Вознесенский, а следом за ним Аксенов были вызваны на трибуну, как на лобное место, где по очереди подверглись унизительным окрикам и угрозам главы государства…

Это было полвека назад, и вот сегодня русский перевод того интервью представлен редакции журнала «Вопросы литературы» ростовским психологом, доцентом кафедры социальной психологии Южного федерального университета, куратором

международных арт-проектов Игорем Введенским. В 1963 году Игорь Введенский жил во Львове и был хорошо знаком с Евгенией Семеновной Гинзбург, знаменитым ныне автором «Крутого маршрута». Евгения Гинзбург, как мать Василия Аксенова, интересовалась всеми его выступлениями в печати и поэтому купила экземпляр той самой «Политики» с тем самым интервью еще до совещания в Кремле. После разразившегося скандала она попросила Игоря Введенского и его друзей перевести интервью на русский язык. Экземпляр перевода сохранился в архиве Игоря, и благодаря этому мы можем сегодня ознакомиться с историческим текстом.

Он вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, в нем представлены совершенно советские взгляды и ощущения Вознесенского и Аксенова тех далеких лет. Сегодня их можно было бы упрекнуть в излишней приверженности идеологическим основам существовавшей политической системы, если бы мы сами не жили в этой системе и не знали, как это было на самом деле, и не высказывали бы в те годы в своих разговорах с друзьями мысли, подобные тем, что содержатся в интервью. Можно было бы упрекнуть их в этом, если не учитывать, что молодые иллюзии Аксенова и Вознесенского развеялись быстро, а неуклонное ухудшение политической ситуации (свержение Хрущева, судебные процессы над писателями, военное вторжение в Чехословакию и т. п.) обусловило их полную оппозиционность существующему режиму, а у Аксенова еще и эмиграцию.

С другой стороны, интрига заключается в том, что заявления Вознесенского и Аксенова польскому изданию, такие будто бы совершенно невинные с позиции советской идеологии, какими они представляются нам из нашего сегодняшнего далёка, вызвали такую ярость власти и собратьев по перу из старой литературной гвардии.

А дело в том, что велась ожесточенная борьба старого, сталинского взгляда на мир и на литературу с новыми веяниями в жизни и в литературе, разбуженными хрущевской оттепелью. И те мысли в интервью, что нам сегодня представляются вполне советскими, в то время содержали в себе угрозу для (советских же по сути) ретроградов и консерваторов, угрозу неотвратимых перемен. Да и сам Хрущев, как известно, в какой-то момент испугался собственных нововведений и дал отмашку на погром…

Прошли годы, и перемены с трудом и с жертвами воплотились в жизнь.

Но в изменившемся мире вновь возродилась та же ожесточенная борьба между старым и новым, которой мы живем сегодня. И снова страсти достигают предельного накала…

Потому и интересен нам тот документ давно ушедшей эпохи.

«В край недоступных Фудзиям…»

[143]

С Василием Аксеновым я познакомился летом 1980 года в Малеевке у Гали Балтер. Ну, не совсем в Малеевке, а в деревне Вертошино, что находится рядом с бывшим писательским домом отдыха. В этой деревне в начале 1970-х Галя и ее второй муж Борис Балтер, автор замечательной повести «До свидания, мальчики», построили дом, который повидал в своих бревенчатых стенах множество поэтов, писателей, художников, композиторов и просто хороших людей, друживших с Балтерами. Василий вместе с Майей, уже ставшей к тому времени его женой, приехали к Гале проститься перед отъездом за границу. Они уезжали с советскими паспортами, но было ясно – это очень надолго, если не навсегда, потому что решение об отъезде было принято под прямым давлением властей. Накануне Олимпиады власти старались очистить Москву от нежелательных элементов, в категорию которых, помимо уголовников и проституток, включались за свое инакомыслие такие известные и весьма уважаемые граждане, как Александр Солженицын, Василий Аксенов, Владимир Войнович.

Между тем настроение у Аксеновых было вполне приличным (во всяком случае, при взгляде со стороны), разговор оживленным, застолье достаточно по тем временам обильным. Я тоже присутствовал за тем столом, но запомнилось немного. Василий восхищался каким-то дальневосточным капитаном рыболовецкого сейнера. «Представляете, – смаковал он, – на лету поймал за ножку пущенный в него стул, когда в ресторане завязалась драка!» Запомнилось, что Вася и Майя были молоды и красивы и очень подходили друг другу, а на дворе стояло лето и уже зацветала липа.

* * *

Следующая моя встреча с ними произошла ровно через 9 лет в Париже – кто бы мог подумать в 80-м, что Союзу «нерушимому» (как пелось в советско-михалковском гимне) оставалось так мало! Мы с моей женой Ирой, дочерью Гали Балтер, впервые выехали за границу по приглашению – перестройка уже давала о себе знать. Жили в центре, у Марсова поля и Эйфелевой башни, у Ириных подруг детства, замечательных сестричек Сони и Флоранс. Они познакомились с Ирой много лет назад путем, как это сформулировано в названии одной из ранних повестей

Владимира Войновича, «взаимной переписки». Такие игры допускались в советское время: девочки из московской школы переписывались с парижскими школьницами. Потом парижанки однажды приехали в Москву, знакомство закрепилось и протянулось через всю жизнь. К тому же Соня и Флоранс унаследовали от отца любовь к России и неплохо усвоили русский язык.

Мы жили непосредственно у Сони на улице Федерасьон, но бывали и у Флоранс чуть ли не ежедневно, она жила в соседнем квартале, на улице генерала де Лармината. В то же время, в июле 1989-го, в Париже были и Аксеновы, и Майя посчитала своим долгом опекать нас. В частности, справедливо полагая, что у советских граждан материальные возможности весьма ограничены (меняли по 170 рублей на нос), несколько раз водила нас в ресторан, например в «Дары моря». Там подали каждому какое-то громадное металлическое двухъярусное блюдо, заполненное всяческими моллюсками, в том числе известными мне по русской литературе устрицами. На верхнем ярусе красовался доселе не виданный мною настоящий ярко-красный омар. Съесть все это было невозможно, Ира быстро сдалась, а я еще долго продолжал мужественно поглощать моллюсков…

Бывали мы и у Аксеновых: они остановились у их парижской подруги, известной переводчицы русской литературы Лили Дени на бульваре Пастер. Из окон ее квартиры видна была эстакада с пробегающими по ней в обе стороны поездами парижского метро. Однажды Ира сопровождала Майю к ветеринару: аксеновский спаниель Ушик недавно захромал, и Майя решила выяснить, в чем дело, но не знала французского. Ира выполнила роль переводчицы. Результаты были неутешительны: у аксеновского питомца выявили перелом задней лапы, который в те годы не подлежал лечению. Майя была очень расстроена тем, что их любимец обречен. Вася отсутствовал: была какая-то конференция в Европе, кажется в Швеции. Мы увиделись лишь перед отъездом, и потом он провожал нас вместе с Майей: в машине, взятой напрокат, подвез до Северного вокзала, откуда уходил поезд в Москву. У самого вокзала он совершил какой-то не очень ловкий маневр, чем вызвал возмущение ехавшего сзади француза. Француз просигналил на полную мощь и промчался мимо. От этих проводов осталась надпись на титульном листе нью-йоркского издания книги «В поисках грустного бэби» (1987): «Ире и Вите, Gare Du Nord, все ищем Г. Б. Привет Москве».

* * *

В Москве Аксеновы начали появляться вскоре. Первый раз мы были у них в гостинице «Минск» на улице Горького, там в их номере была постоянная суета и столпотворение. В то же время был вечер Аксенова в Доме архитектора (в ЦДЛ, видимо, было еще нельзя), запомнившийся своей очень домашней, искренней атмосферой. Я в первый раз обратил внимание на то, как естественно и просто он держится на публике.

В августе 1990-го, во время путча, Василия в Москве не было, Майя была одна. Она остановилась у Войновичей в Астраханском переулке – им квартира недавно была выделена новыми властями взамен отобранной после отъезда в эмиграцию. За событиями, происходившими в ночь на 21 августа, Майя следила с балкона дома на углу Садовой и Нового Арбата, где до сих пор живет ее младшая сестра. 22-го вечером мы с Ирой, отоспавшись после бессонной ночи, которую провели в толпе у Белого дома, поехали к ней, в Астраханский переулок, праздновать победу. Квартира оказалась прекрасной планировки и очень большая. Войновичей не было в России. Мы с Майей обсуждали происшедшее, пили вино, восхищались Ельциным, радовались падению коммунистической диктатуры…

В следующий приезд из Америки Майе вернули квартиру в сталинской высотке на Котельнической набережной взамен отнятой во время их с Василием отсутствия в стране. Та квартира досталась ей в наследство после смерти предыдущего мужа, известного советского кинодокументалиста Романа Кармена. Новую дали в том же доме в соседнем подъезде.

А в августе 1996-го мы поселились в 15–20 минутах пешего хода от их дома, в Лялине переулке, вблизи Покровки. Квартира, бывшая коммуналка, требовала ремонта. Мы не располагали особенными деньгами, поэтому ремонт включал в себя лишь самые необходимые работы и длился около месяца. Весь этот месяц ночевали у Майи – это было ее предложение, от которого мы не смогли отказаться. Майя теперь не расставалась с пекинесообразным песиком, которого они с Васей купили с рук на Арбате в один из приездов в Москву. В профиль щеночек якобы напоминал Пушкина, за что и удостоился столь почетного имени. Василий утверждал, что их Пушкин ведет свою родословную от тибетских терьеров, что эти маленькие собачки несут охрану буддийских монастырей, прогуливаясь по высоким стенам обители, а заметив что-то подозрительное, поднимают отчаянный лай, чем привлекают внимание здоровенных мастиффов, несущих охрану монастырских стен внизу, на земле…

С этого времени началось постоянное общение с Аксеновыми: мы часто бывали у них, посещали Васины вечера, участвовали в

домашних торжествах. Пришедших всегда бывало больше, чем можно было бы усадить за стол. Поэтому Майя устраивала фуршеты. Среди гостей неизменно присутствовали Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Александр Кабаков, Евгений Попов, Светлана Васильева, Таня Бек, Алексей и Ляля Козловы…

Сквозь толщу лет вижу здесь и ненадолго прилетевшего из Америки Майиного внука Ивана, широкоплечего обаятельного великана, увлеченно разговаривающего с дочерью Беллы Ахмадулиной Лизой. Это было его последнее посещение Москвы. В 1999 году случилась беда, от которой Майе никогда уже не суждено было оправиться: Иван то ли упал с крыши, то ли выпал из окна дома, в котором жил в Америке. Свидетелей не оказалось, что с ним произошло, осталось невыясненным.

На следующий год в издательстве «И… граф», где печатались тогда аксеновские романы, удалось выпустить книгу его стихотворений (Иван Трунин «Буря сознания»). Она открывалась Васиным воспоминанием о нем «Иван» и начиналась следующей фразой:

«Летом 1988 года подобралась неплохая компания на острове Шелтер у побережья штата Нью-Йорк: Нисневичи Лев и Тамара, Эрик Неизвестный, Вася Аксенов, его спаниель Ушик, жена Васи Майя и ее внук, калифорниец Иван Трунин».

Переводы стихов (Иван писал на английском) выполнили студенты Литинститута из семинара Тани Бек, сама Таня, Михаил Генделев, Анатолий Найман, четыре стихотворения перевел я. Один мой перевод, о чем я узнал только через 8 лет, очень понравился матери Ивана Алене:

Хот-дог
Не смерть страшна сама по себе —
Боюсь ощутить как прервется дыхание
Боюсь осознать интеллекта моего угасание
Боюсь театральности последнего жеста
Боюсь оказаться в руках незнакомых людей
Или испытать равнодушье друзей —
Так тоже бывает
Вообще я не смерти боюсь
А всего что ее окружает.

Пунктуация? Иван принципиально избегал знаков препинания, полагая, видимо, что фразы в стихах отделяются одна от другой (как и отдельные выкрики или словесные жесты) интонационно.

По случаю выхода книги осенью в Доме художника на

Крымской набережной был устроен вечер его памяти. Помню Беллу Ахмадулину с Борисом Мессерером, Андрея Вознесенского с Зоей Богуславской, Михаила Генделева, Васю с Майей. Читали стихи Ивана, вспоминали автора, Алексей Козлов со своими ребятами играл джаз.

* * *

Осенью 2001 года вышла новая книга Аксенова «Кесарево свечение», которую он потом неизменно с каким-то внутренним вызовом называл лучшей своей вещью. Я, к сожалению, не мог разделить с ним этой его убежденности, но никогда не сказал ему об этом: не отважился. Презентация проходила в Доме журналиста на Суворовском бульваре. Среди приглашенных запомнился Константин Боровой – фигура, весьма известная тогда и в мире бизнеса, и на политических подмостках. Василий читал отрывки из книги, отвечал на вопросы. Потом на него роем набросились журналисты, а публика отправилась на фуршет в соседнее помещение, где стол был густо уставлен закусками и выпивкой.

На подаренной нам книге автограф Василия без даты:

«Ирочке, Вите, Мише и Тилю от Васи, Майи и Пушкина.

В. Аксенов».

Миша – это наш сын, а Тиль – красавец зенненхунд, к тому же еще разноглазый: один глаз у него в нарушение генетики был голубой, что приводило в восторг знакомых. Тогда ему было два года…

В начале 2003-го Василий предложил нам с Ирой вести его дела с издательствами – его литературный агент Тамара Васильевна стала его чем-то раздражать, что-то у них не сложилось. Ира поначалу хотела отказаться, считая, что деловые отношения с близкими людьми ни к чему хорошему не приводят, но в конце концов мы приняли предложение Василия. Он объяснял нам, что дел будет немного, что большинство его книг выходит в издательстве «И…граф», что директор издательства С. А. хороший парень. В завершение разговоров передал папку с договорами за предыдущие годы. К этому времени, по настоянию Василия, мы уже перешли с ним на «ты» и я называл его по имени.

Все переговоры поначалу вела Ира, потому что я днем был на

работе. Переговоры, собственно, на первых порах заключались в том, что «хороший парень» С. А. в течение года не мог отдать небольшую сумму, которую задолжал от предыдущих изданий. Когда я возмущенно советовал Ире говорить с ним строже, она возражала, что не может так, потому что С. А., мол, ведет себя очень интеллигентно, каждый раз очень извиняется и обещает отдать долг в ближайший месяц, затем – в следующий месяц, затем – еще раз те же обещания…

* * *

Разумеется, мы стали бывать у Аксеновых еще чаще. Ходили пешком: через Казарменный переулок на Покровский бульвар, потом на Яузский бульвар, потом через Яузскую площадь. Однажды, когда уходили домой, Вася вышел с нами. На мосту через Яузу его узнал незнакомый парень-прохожий, остановил нас каким-то приветствием и попросил автограф. Но книги у него не было, – он шел с концерта какой-то певицы. Поэтому он попросил Василия оставить подпись на программке концерта, где уже имелся автограф певицы. Получив желаемое, стал приглашать нас посидеть где-нибудь и «выпить по маленькой». Конечно, его приглашение не было принято, а после его ухода я сказал Васе пушкинское (из письма Наталье Николаевне): «Это слава!»

Первая аксеновская рукопись, которую он предложил мне прочесть до сдачи в издательство, была книга «Десятилетие клеветы», в которой были собраны все его выступления на американском отделении радио «Свобода» во время эмиграции. Эти его выступления, конечно, расценивались в Советском Союзе как клеветнические. Отсюда и заглавие! Открывалась книга описанием встречи в Вашингтоне с очень известным советским литератором, бывшим близким товарищем, который был назван Игреком. Шикарно одетый Игрек, ввалившийся в дом Аксеновых около полуночи, устроил хозяину разнос за то, что он, Аксенов, отправился в эмиграцию, бросив друзей, наплевав на судьбу родины и т. п. Как признается Аксенов на этих страницах, он один из всей эмиграции не верил до этого момента в слух о том, что Игрек сотрудничает с ГБ. Но после этой встречи поверил. Такова суть эпизода, на котором я сейчас остановил внимание. Я не сразу понял, кто стоит за обозначением Игрек. Спросил, Василий удивился моей недогадливости, но отказался назвать имя. «Он поймет!» – ответил с суровой усмешкой. Правда, через некоторое время сообщил мне, что решил назвать своего приятеля Игреком Ирековичем. «Так будет понятнее», – пояснил

он. Я к тому времени уже догадался, о ком идет речь, и сказал ему об этом. Василию не удалось скрыть довольной улыбки, он попытался было что-то возразить, но очень вяло.

* * *

В 2003 году мы с Ирой по очереди побывали у Аксеновых в Биаррице, где они обосновались года за два до этого. Ира посетила их летом, я – в конце сентября. Вместе уехать из дома мы не могли, потому что кроме сына (к тому времени уже достаточно взрослого и в летнее время, как правило, дома отсутствовавшего) у нас ведь был еще зенненхунд Тиль, ощущавший долгое (в течение дня) отсутствие хозяев как трагедию. Поэтому об отъезде вдвоем на неделю и больше не могло быть речи.

Ира вернулась в восторге от Биаррица и с массой фотографий. Она пробыла в Биаррице дней восемь. Уезжала в Париж вместе с Аксеновыми. Встречалась с ними и в Париже. В частности, есть фотография, сделанная ею в одном из парижских ресторанов, на которой за столиком запечатлены четверо: Василий с Майей и Анатолий Гладилин со своей женой Машей.

Вслед за Ирой через какое-то время отправился я. Несколько дней провел в Париже у Ириных подруг, а потом с вокзала Монпарнас скоростным поездом уехал на юг, к Аксеновым. В поезде, рассекающем сельские просторы Иль-де-Франса, сразу же стало холодно от ледяного ветра, исторгаемого кондиционерами, пришлось достать из чемодана куртку. А через четыре с половиной часа на перроне ослепительно-солнечного и знойного Биаррица меня встречал Василий. Мы обнялись, спустились к машине, и он повез меня на виллу Argol Ederra. Это их довольно скромный одноэтажный (но, правда, с подземным гаражом) дом. Здесь все дома называются виллами и имеют замысловатые для приехавшего из России названия, которые красуются на специальных табличках, установленных у входа во владение.

Дом стоял в середине участка, поднимающегося от улицы вверх, к нему вела вымощенная плитками дорожка. Вокруг произрастали декоративные и плодовые деревья, за которыми, как я потом узнал, ухаживал кто-то из местных жителей…

Жара была неожиданная для конца сентября. Вася и Майя вспоминали минувшее лето, когда Майя вынуждена была из-за отсутствия кондиционера скрываться от зноя в подвальном помещении.

Большую часть дома занимала большая комната: холл-

гостиная-кухня. Имелись, впрочем, какие-то перегородки (видимо, сохранившиеся от прежней планировки), но не сплошные. Телефон висел на стене, под ним кресло – радиотелефона не было. Рядом с телефоном – написанный карандашом список номеров, по-видимому, наиболее употребляемых московских телефонов (всего шесть – восемь). Мне польстило, что наш с Ирой номер был одним из первых (кажется, на втором месте), рядом с номером Поповых. Еще там были номера Алексея (сына от первого брака), Вознесенского и Богуславской…

Наскоро перекусив (обедали Аксеновы на французский манер – позднее, в семь – восемь вечера), мы с Васей отправились на океан, где он совершал вечернюю пробежку по берегу и одновременно выгуливал Пушкина. С высокого берега, где он припарковал машину, хорошо видны были прибрежные скалы, напоминавшие скалы в Бель-Иле на известном пейзаже Моне. Золотистая рябь на воде от неторопливо снижающегося солнца уходила к горизонту, чуть слепя глаза. Впереди передо мной, насколько видел глаз, простирался его величество Океан, слева в знойном мареве проступали отроги Пиренеев – там была Испания. Иру Василий возил на машине в ближайший испанский городок Ирук, мое пребывание в Биаррице оказалось слишком кратковременным.

Я пробыл у Аксеновых четыре дня. Осмотрел все городские достопримечательности, в том числе маяк и православный собор. В подвале городского костела проходила выставка европейского офорта. В стеклянном здании биржи экспонировалась живопись, встретилось несколько русских имен начала XX века.

Обедали Аксеновы в саду, за домом. Там стояли стол и несколько плетеных кресел. Еще утром Майя купила в рыбном магазинчике рыбу соль – местную разновидность палтуса (я ходил с нею, она представила меня хозяину, отпускавшему рыбу, как друга семьи). Теперь можно было попробовать эту соль на вкус. Мы пригубили бокалы с замечательным бордо, и тут между супругами вышла небольшая размолвка. Заявив, что рыба мало поджарилась, Вася демонстративно отодвинул от себя тарелку. Майя была возмущена необоснованным, по ее мнению, обвинением. Оба супруга воззвали ко мне как к беспристрастному арбитру. Но что я мог сказать! Я впервые попробовал рыбу соль и, не считая возможным судить о достоинствах ее приготовления, призывал хозяев к примирению. Но куда там! Майя послала Василия в соответствующее место, а Василий демонстративно унес свою тарелку к плите и выложил рыбу на сковороду. Через несколько минут он вернулся за стол, очень довольный собой, и

продолжил трапезу. Инцидент был исчерпан столь же быстро, как и возник.

В последний вечер Аксеновы пригласили меня в ресторан. Это был открытый ресторан на главной городской площади. Пушкин был с нами, его поводок Василий закрепил за спинку своего кресла. Я хотел сфотографировать Майю и Васю вместе, но Майя не разрешила – она уже несколько лет избегала публичных мероприятий и не хотела фотографироваться. Такова была ее реакция на необратимые возрастные изменения во внешности, ведь она всегда считалась в московской художественной тусовке неотразимой красавицей. Я сфотографировал Васю с Пушкиным в кругу света от фонаря на брусчатке площади.

* * *

А с нашим псом Василий познакомился случайно. Я гулял с Тилем на Чистопрудном бульваре по недавно выпавшему, еще не запятнанному снежку. И вдруг его кто-то громко окликнул с параллельной дорожки. Я узнал бегущего Васю: в темно-синем свитере, в лыжной вязаной шапочке, в кроссовках. Он только что прилетел из Биаррица. С Тилем он был знаком заочно, по нашим с Ирой многочисленным рассказам. Он очень любил разговоры о собаках и самих собак, какой бы масти или породы они ни были! Вася издали увидел его и узнал. Тиль был удивлен тем, что его окликнул незнакомец.

Какое-то время мы шли вместе, обмениваясь вопросами, неизбежными при встрече после трехмесячной разлуки. Потом Василий побежал назад на Котельническую набережную, условившись, что мы с Ирой зайдем к ним попозже.

А в дарственной надписи на книге «Десятилетие клеветы», которая выйдет в конце года, Василий не забудет упомянуть о нашем питомце:

«Ире и Вите для воспитания Тиля в духе либерализма. Ваш Вася. 22.10.04».

* * *

Василий привез новый роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» – пародийное отображение Екатерининской эпохи в истинно аксеновском стиле. Первыми читателями рукописи были мы с Ирой. Нужно было устраивать его публикацию.

Владелец издательства «И…граф» С. А., художник по профессии, обложку к новому роману Аксенова вызвался оформить сам. Прислал по электронной почте свой эскиз, центральную часть которого занимали обнаженные женские груди, их было три. Видимо, следовало воспринимать это как метафору свободы нравов в эпоху энциклопедистов.

Василий в это время находился уже вновь в Биаррице. Там он работал последние годы. А в Москву приезжал, чтобы отдохнуть, встретиться с друзьями и многочисленными знакомыми, покрутиться в столичном водовороте. Я с опаской передал ему эскиз обложки по электронной почте и на следующий день получил возмущенный звонок по телефону. Возмущался он, слава богу, не мною, а эскизом, просил немедленно потребовать от С. А. убрать эти «сиськи», прислать другой вариант обложки. Вскоре был прислан новый эскиз, стилизованный под Ватто, выполненный другим художником. Эта обложка нам с Ирой очень понравилась, одобрил ее и Василий.

Сначала роман был напечатан в журнале «Октябрь», а затем вышел книгой. Он был представлен на Букеровскую премию, присуждаемую в России, успешно прошел все отборочные этапы конкурса и в конце года эту премию получил.

* * *

В том же году по Второму каналу телевидения выпустили в эфир телесериал (двадцать с лишним серий) по «Московской саге», написанной еще в Америке. К этому событию была приурочена массированная допечатка романа. Шаг оказался коммерчески верным. Книга расходилась стремительно. И тут «интеллигентный» С. А., вместо того чтобы передавать автору поступающие от продажи деньги, решил запустить на эти средства какой-то собственный, весьма сомнительный в коммерческом отношении проект.

На все мои все более резкие требования отдавать деньги он отделывался невнятными отговорками. Я по-дружески объяснял ему, что такими суммами не шутят, что, истратив их сейчас, он потом никогда не сможет расплатиться, но все было тщетно. И тут, видимо почуяв неладное, в дело вмешался топ-менеджер издательства «Эксмо» (оно, собственно, и печатало книгу) Леонид Шкурович.

Здесь необходимо пояснить, что С. А. только заключал договор с писателем Аксеновым и осуществлял косметическую редактуру, а затем передавал книгу в «Эксмо», крупнейшее

отечественное издательство. Все остальные вопросы – финансирование, отношения с типографией, определение тиража, организацию рекламы, а самое главное, распространение книги – осуществляло «Эксмо». После выхода книги в свет С. А. получал какую-то часть тиража для распространения в свою пользу. Авторский же гонорар Аксенова начислялся тоже в «Эксмо», и С. А. должен был только передавать полученные для автора деньги, но после первой же выплаты перестал это делать.

Шкурович позвонил Василию и предложил получать деньги не через С. А., а непосредственно в издательстве. Его предложение было с благодарностью принято нами. Я произвел с Леонидом сверку платежей, и оказалось, что за С. А. уже числилась довольно значительная сумма. Леонид без колебаний принял долг на себя, объяснив это тем, что издательство не может рисковать репутацией, особенно при расчете с таким автором, как Аксенов. На этом наши отношения с С. А. и его «И…графом» прекратились навсегда. А тираж «Московской саги» в издательстве «Эксмо» превысил 250 тысяч экземпляров.

* * *

2005 год Василий встречал во Франции. Он начинал новый роман «Москва ква-ква». Майя оставалась одна. 6 января, как значится в моих записях, мы с Ирой заходили к ней. Пили красное вино. Сравнивали французское бордо и грузинское телиани. Мнения разошлись. Потому, возможно, что выпито было слишком много.

* * *

Год оказался щедрым на утраты. Первой была Татьяна Бек. Во вторник **8** февраля утром позвонил Вася (он уже вернулся в Москву) и сообщил о ее смерти. Возмущался Рейном и Синельниковым, которые по очереди звонили ей по телефону и хамили. Лексику использовали исключительно матерную. Так они мстили ей за то, что она где-то в печати осудила их намерение переводить на русский язык «большого поэта» туркменбаши Ниязова. По его распоряжениям в те годы бросали в тюрьмы и убивали всех, кто осмеливался составлять оппозицию его власти в Туркмении. Но нашим поэтам хотелось заработать большие деньги (по их интерпретации, «на хлеб и на кефир»), и они были возмущены, что давняя приятельница смеет осуждать их за это.

По версии семьи, Таня умерла от сердечного приступа, вызванного одновременным действием алкоголя и психотропных средств. До этого она долго болела, лежала дома с переломом ноги. Я говорил с нею по телефону в 20-х числах января. Она вкратце рассказала мне о конфликте с Рейном. Я спросил: «Что же думают по этому поводу студенты?» – они с Рейном вели один семинар в Литинституте. «Студенты говорят, что он стебается», – ответила она. Я не заметил никакого надлома, надрыва. А она, видимо, нуждалась в поддержке, но не подала виду.

Похороны были 10 февраля. А на п-е у Войновича был назначен творческий вечер в ЦДЛ, который он целиком посвятил памяти Тани. Василий был на вечере. Мы с Ирой вышли с вечера вместе с ним. Он взял такси, довез нас до Казарменного переулка и поехал дальше.

* * *

5 апреля была встреча со Шкуровичем в кафе «Персона» на первом этаже высотки. Василий рассказал о недавней встрече президентов Путина и Ширака с писателями в Елисейском дворце. Путин издали поглядел на него «не очень хорошо». А при знакомстве с писателями обнял Гранина, каждому что-то говорил, а ему молча сунул руку и пошел дальше, даже не поздравив с французским орденом, только что полученным. Здесь уместно заметить, что единственная государственная награда, которой был удостоен за свою долгую творческую жизнь известный русский писатель Аксенов, и та оказалась французской!

Я еще успел на презентацию итоговой книги Чухонцева в кафе «Bilingva» в Кривоколенном переулке. Купил книгу, подошел к Олегу он написал:

«Дорогому Виктору – с любовью.

О. Чухонцев.

5.04.05.

P.S. А Ирине – привет и восхищение!»

30 апреля Василий, Ира и я ходили в старую Третьяковку на выставку Шагала. Василия в наибольший восторг привела работа 1918 года, где Шагал на плечах у Беллы и закрывает ей рукой глаза. «Гениально!» – повторял он.

Рассказал о встрече с Шагалом в Вансе – он был там вместе со

своей матерью Евгенией Семеновной Гинзбург, автором знаменитого в свое время «Крутого маршрута». Шагал встретил его вопросом: «Аксенов? Вы из окружения Маяковского?» Мэтр, видимо, не успел сообразить, что по возрасту Василий никак не мог встречаться с Маяковским.

Еще Василий рассказал, как во время приезда Шагала в СССР Фурцева (министр культуры в те годы) всё приставала к нему с вопросом:

– Марк Захарович! Ну зачем же вы уехали из России?

А мэтр отвечал:

– Я искал одну красочку!

– Неужели в России не было такой? – удивлялась она.

– Не было, не было! – отвечал Шагал.

А Василию, с которым был уже знаком, пояснил потом:

– Я ей не сказал, что эта красочка – свобода!..

После выставки Василий пригласил нас зайти в кафе, тут же в Лаврушенском. Рассказывал о каком-то совещании молодых писателей в 60-е годы: жили в палатках, утром выходили на построение, как пионеры, и т. д. Смеялся.

* * *

3 мая Аксеновы улетели в Биарриц. Майя оставалась там до осени, а Василий вернулся в середине июня. Ему нужно было получать российский паспорт. Сотрудница домоуправления высотки Татьяна Ярославовна подготовила к его приезду выписку из лицевого счета Майиной квартиры и еще какие-то бумаги, с которыми Василий отправился к участковому за получением разрешения на регистрацию в этом доме. От участкового – опять к Татьяне Ярославовне для регистрации. Потом нужно было сдать все эти бумаги в отделение милиции на оформление паспорта. К моему удивлению, Василий совсем не роптал, смиренно высиживал в очереди положенное время. «Я общаюсь с народом», – с некоторой торжественностью отвечал он мне в ответ на мое сочувствие. 5 июля он получил наконец российский паспорт. Паспортист был очень любезен и, как оказалось, даже читал что-то аксеновское.

* * *

Осенью 2005 года в издательстве «Вагриус» вышла книга «Зеница ока». Идея книги принадлежала ее редактору Елене

Шубиной. Она предложила сложить вместе публикации в «Московских новостях» и в «Огоньке» (так получился раздел публицистики), добавить десяток рассказов (второй раздел книги) и завершить книгу несколькими наиболее интересными интервью. Название одного из рассказов стало названием книги. Первая редакция этого рассказа возникла лет сорок назад, а в окончательном виде он только что был напечатан Александром Кабаковым в журнале «Новый очевидец».

Согласования и переговоры с «Вагриусом» велись мною. Было решено включить в книгу фотографии. Но у Василия под рукой никаких фотографий не оказалось. Он объяснял это тем, что все материалы разбросаны по трем домам: в Москве, во Франции (Биарриц) и в Штатах (Шантилли, Вирджиния). Часть фотографий дал я, в том числе сделанные Ирой и мною в Биаррице. Часть предоставил сын Василия Алексей. Другую часть Шубина раздобыла у знакомых журналистов. Я уговорил Василия сделать авторские подписи под каждым фото. Получилось неплохо, он сам был доволен.

Своим большим достижением считаю публикацию рассказа «Логово льва». Дело в том, что первоначально он входил в раздел публицистики. Но удалось убедить Василия, что это настоящий рассказ и что печатать этот текст нужно вместе с другими рассказами.

К сожалению, книга вышла уже после смерти Иры.

Даря ее мне, Василий написал:

> *«Вите – в эти горькие, и для него, и для нас, дни. Мужайся!*
>
> *05.10.05. В. Аксенов».*

Бывая в «Вагриусе» в связи с изданием «Зеницы ока», я приобрел там (или подарила Лена Шубина?) двухтомный дневник сына Марины Цветаевой Мура – по рекомендации Василия, он как раз читал и хвалил.

* * *

Презентация «Зеницы ока» прошла 22 сентября в одном из залов клуба «Петрович» на Мясницкой. Лена Шубина, открывая вечер, помимо прочего, поблагодарила меня за сотрудничество с издательством. Василий рассказывал о том, как возник замысел этой книги, а также о других книгах публицистики: «Десятилетии клеветы» и «Американской кириллице».

Выступали Мариэтта Чудакова, Борис Мессерер, Виктор Славкин…

Бенедикт Сарнов рассказал, как когда-то однажды оказался в одной компании с Аксеновым на 7 ноября. День был пасмурный, моросил дождь. Вася, как вспоминал Бен, подошел к окну, посмотрел и сказал: «А демонстрация-то у большевиков не получилась!» И тем самым сразу вызвал у него симпатию…

После выступления Сарнова, в тон ему, Василий вспомнил, как, будучи молодым, зашел в ресторан ЦДЛ и оказался в компании Ярослава Смелякова, Павла Нилина и Сергея Маркова. Они пригласили его сесть за их столик. Обращались к нему по имени-отчеству, уважительно, но с некоторой долей иронии. Слово за слово, речь зашла о событиях, кажется, в Греции, где коммунисты могли захватить власть, но что-то сорвалось. На что Василий бросил необдуманную реплику: «Я думаю, такая опасность еще сохраняется». Мэтры переглянулись, после чего за столом наступила напряженная тишина… «Больше они меня никогда в свою компанию не приглашали», – закончил Василий.

Потом был небольшой банкет, к Васе постоянно подсаживались знакомые. Довольно долго общались с ним Белла Ахмадулина и Борис Мессерер. Белла была в хорошем расположении духа. Шутливо грозя пальчиком Василию, все повторяла, смеясь: «Ты же ведь парнишка о-зор-ной!» Домой я уходил вместе с ним. У входа задержались минут на пять с Александром Чудаковым – Мариэтта ушла раньше. Он что-то с жаром рассказывал. Потом попрощался и пошел к метро.

А мы прошли к Чистопрудному бульвару – там Вася припарковал машину, недавно купленный красный «форд-фокус». Он довез меня, как обычно, до Казарменного переулка. А вскоре мне позвонила приятельница и сообщила, что с Чудаковым несчастье: ему проломили голову в подъезде.

* * *

Обстоятельства смерти Александра Павловича выясняла милиция. Из-за этого похороны были перенесены на 2 октября. На отпевании в храме Козьмы и Дамиана я был вместе с Василием. Служил Александр Борисов. Народу было много. Много знакомых лиц: Бочаров, Сурат, Немзер, Михайлова, Роднянская, Войнович, Чухонцев, который сказал мне пару слов соболезнования по поводу смерти Иры, когда мы столкнулись в траурной толпе. Мариэтта стояла у гроба. К ней все подходили перед прощанием. Она все никак не могла поверить в случившееся.

Из церкви я вышел вместе с Василием и с Войновичем. Вася предложил довезти Володю до метро «Аэропорт», где тогда жил Войнович, и они уехали.

* * *

3 октября подписали договор с «Эксмо» на издание «Москва ква-ква». Шкурович прочел роман очень быстро и горел желанием скорее его напечатать.

* * *

5 октября был вечер в Агентстве по печати у Сеславинского. Туда нас с Василием доставили на служебной машине. Ему с опозданием в неформальной, так сказать, обстановке вручали приз конкурса «Большая книга» (во время официальных мероприятий в сентябре Василий отсутствовал). Там я познакомился с Анатолием Найманом, вернее, нас познакомила Шубина. «Так вы и есть Есипов, которого так хвалила Лена на презентации „Зеницы ока“», – улыбаясь, сказал он, пожимая мне руку.

Михаил Сеславинский сказал Василию несколько приветственных слов, потом выступил Владимир Григорьев. Аксенов читал отрывок из романа «Москва-ква-ква» (он уже был принят в издательстве «Эксмо»). После небольшого фуршета Григорьев пригласил его домой на ужин. Вася предложил мне и Найману поехать с ним.

В отделанной по современным стандартам квартире Григорьева (конечно, с евроремонтом) нас ожидали его близкие друзья и домочадцы. Видно было, что приезд к ним Василия Аксенова – для них событие! Главным блюдом были мидии, которые готовились и беспрестанно подавались на стол прямо с огня кем-то из друзей дома. За столом оказалось человек пятнадцать. Василий одну за другой рассказывал смешные истории из своей прошлой жизни: и в Союзе, и в Америке. Анатолий Найман старался не отставать от него. Со стороны хозяев молодая, уверенная в себе женщина вспоминала о детстве: о контрасте, в том числе лексическом, между домом и улицей, который ощутила девочка из интеллигентной семьи. В частности, как, наигравшись во дворе, она, возвратившись домой, пыталась выяснить смысл некоторых только что услышанных непонятных для нее слов – дома так почему-то никогда не говорили! И до сих

пор помнит ужас родителей…

На дорогу домой нам снова была предоставлена машина с шофером: сначала отвезли Василия, в Котельники, потом машина пошла назад – я вышел у Казарменного переулка, а Анатолия водитель повез в Тимирязевку, мою малую родину, как я успел сообщить Найману.

* * *

23 октября заходил к Аксеновым в конце дня. Василий собирался в Дом музыки на юбилейный вечер своего ближайшего друга, саксофониста Алексея Козлова. Прочел мне для одобрения приветственные стихи, которые написал Алексею. «Ты ведь поэт», – бросил он.

Потом почему-то вспомнил, что в день высылки Солженицына находился в компании собратьев по перу на черноморском теплоходе «Россия». В гостях у капитана Гарагули, известного друга всех советских писателей. Высылка Солженицына, конечно, стала предметом обсуждения компании. Солженицына стали осуждать за упертость, за непримиримость. Василий ответил им на это: «Мы все г. по сравнению с ним». Тогда к нему подошел некто, бывший агент КГБ в Штатах, «крот» (был даже одно время американским послом в Ватикане): «Вы правда так считаете?» Удивлялся Васиной прямоте, спрашивал о Солженицыне. «Крот» еще плохо ориентировался в отечественных реалиях – недавно возвратился на родину.

Я рассказал в связи с этим, как Марианна Строева (слышал когда-то ее рассказ у Гали Балтер), тогда же встречая Новый год у Ерофеевых (дружила с матерью ныне широко известного Виктора), предложила тост за Солженицына. И вдруг по напряженной тишине, воцарившейся за праздничным столом, поняла, что шокировала собравшихся.

* * *

Той же осенью 2005-го или в начале зимы была встреча с читателями в ОГИ («Улица ОГИ») на Петровке. Мы приехали вместе – Вася подхватил меня в свой красный «форд» на Казарменном. Зал небольшой. Он прочел что-то из «Зеницы ока». Потом начались ответы на вопросы. Чуть впереди справа от меня красивая девушка азиатского типа что-то тщательно записывала в блокнот. Я подумал, наверное, бурятка. После окончания вечера

значительная часть присутствующих устремилась к Васе за автографами. Я подошел попрощаться, но он попросил подождать его.

Я встал позади толпы, сгрудившейся вокруг него. Рядом стояла та девушка.

– Вы из какой газеты? – спросил я.

– Я из Америки, – невинно ответила она на чистом русском языке.

Университетская преподавательница русской литературы из Флориды, чистокровная японка по происхождению, Лиза Риоко Вакамия, оказывается, находилась в Москве в командировке. Мы познакомились. Потом я представил ее Васе как славистку, которая пишет о нем книгу. Сначала он обратился к ней на английском, потом они перешли на русский. Договорились, что я буду приглашать ее на все выступления Аксенова.

Лиза пробыла в Москве около полугода. Однажды она призналась мне вполне искренне, что Василий говорит по-английски лучше, чем она по-русски. Мы с ней часто встречались, и не только в связи с Аксеновым. Москва ей очень нравилась своим бурным ритмом жизни. По сравнению с Москвой ее родной Таллахасси (административный центр Флориды) казался ей захолустьем.

* * *

В 2005-м Аксенов возглавил жюри Российского Букера. Он сетовал на свою долю: пришлось прочесть около ста романов. В жюри ему сразу же составилась оппозиция в лице Аллы Марченко и Николая Кононова. Они все время солидарно голосовали против его предложений. К моменту определения победителя председатель жюри оказался в полном одиночестве. Все его члены проголосовали за малоизвестного Дениса Гуцко, даже отсутствовавший на последнем заседании жюри (как и на большинстве других заседаний) Владимир Спиваков письменно высказался в его пользу. «Как он мог узнать мнение остальных членов?» – удивлялся Василий. Их действия явно кто-то координировал. Я предложил спросить у Спивакова, но Василий только махнул рукой.

Имя победителя традиционно оглашается во время торжественного обеда. В том году все происходило 1 декабря в гостинице «Золотое кольцо» на Смоленской площади. При входе на нужный этаж меня попросили предъявить билет. Я ответил, что приглашен Аксеновым. Меня внесли в какой-то список и

назвали номер стола (12), за котором буду обедать. В коридоре толпились приглашенные, попадались знакомые лица: писатель Леонид Юзефович, редактор из «Иностранной литературы» Наталья Богомолова, Ирина Роднянская и Владимир Губайловский из «Нового мира» (у меня как раз шла в журнале статья), бывшая одноклассница моего Миши – Маша Великанова, она оказалась членом жюри молодежного Букера.

Потом всех пригласили занять свои места. Мой стол был далеко от того, за которым сидел Василий. Соседями оказались поэтесса Вера Павлова, две дамы из Вологды, одна из них – директор Вологодской областной библиотеки, и два незнакомых мне немолодых мужчины в костюмах и при галстуках. Один из них начал торопливо разливать водку «Русский бриллиант». Как выяснилось позднее, когда все так или иначе познакомились, это был поэт Владимир Салимон, с которым мы когда-то, четверть века назад, вместе посещали поэтическую студию при горкоме комсомола (так, кажется, она называлась), а размещалась она во Дворце культуры имени Горбунова в Филях. Иногда его стихи попадались мне на глаза. Несколько его энергичных строк я даже мог прочитать на память, например: «До свиданья, Анатолий Генатулин, /Будь здоров!» или вот эти: «Лес рубят, и щепки летят, / И лесом груженные баржи / В осеннее небо дымят, / Как бронемашины на марше…» Мы оба посетовали на то, что поначалу не узнали друг друга, и выпили очередную рюмку за встречу.

Горячее блюдо принесли как раз к началу пресс-конференции, на которой объявлялось имя победителя конкурса. Наш стол в полном составе пресс-конференцию проигнорировал, зато туда бросились журналисты. Как оказалось – на следующий день это освещалось в прессе во всех подробностях, – там произошел скандал. Василий отказался объявлять имя победителя, мотивируя это тем, что не согласен с решением жюри. Его упросили в конце концов это сделать, но он был удовлетворен тем, что его демарш состоялся. Мне он рассказывал, что первую часть романа Гуцко прочел с интересом, но вторая его разочаровала. Поэтому он не мог проголосовать за него.

* * *

7 декабря присуждали премии фонда «Триумф», где Василий был членом жюри. Он рассказал, что по литературе «триумфатором» с его подачи стал Олег Чухонцев: «Вместо обоснования кандидатуры я просто прочел его стих „Какою-то

виной неизбавимой…“ (Он всегда говорил не стихотворение, а стих. – *В. Е.)*. И все замолчали». Его предложение, как я потом случайно узнал, активно поддержал Андрей Битов…

* * *

С января до весны 2006 года Василий по выходным дням бегал в Нескучном саду. От своей высотки минут за 10 доезжал по набережной до 1-й Фрунзенской, там парковал машину перед новым мостом через Москва-реку. По застекленному мосту уже бежал трусцой, потом спускался по лестнице и продолжал бег по набережной на другом берегу реки до метромоста. В будни такая поездка была невозможна из-за постоянных московских пробок. Поэтому он ездил в Нескучный только по субботам и воскресеньям.

В остальные дни бегал по бульварам, начиная с Яузского, а со временем, когда длинные пробежки стали его утомлять, освоил сквер «пограничников» (там в центре памятник пограничникам), что находится неподалеку, на другом берегу Яузы, прямо напротив окон их квартиры. Если я звонил во время его утреннего отсутствия, Майя, сообщая, что Вася бегает, нередко добавляла: «Васька, наверное, хочет прожить до ста лет».

Несколько раз я ездил с ним в Нескучный сад и брал с собой Тиля. Мы встречались в Казарменном переулке. Как правило, он приезжал раньше меня. И я, торопливо пробегая по переулку, видел впереди справа, в самом начале Казарменного, красную Васину машину. Теперь, проходя мимо этого места с собакой (уже другая!), невольно вспоминаю те наши утренние встречи.

Однажды погода была слякотная, но я, торопясь, чтобы не опоздать, забыл прихватить с собой тряпку для пса. А брюхо у Тиля было уже мокрое. Но Вася, к моему удивлению, не высказал никакого недовольства. «Ну, что ж делать!» – ответил он на мои сетования по этому поводу и распахнул заднюю дверь…

Спустившись с моста, мы с Тилем поднимались на близлежащие холмы и гуляли в парке отдельно от Василия, возвращаясь к мосту в условленное время. Правда, в первую поездку случилось недоразумение: то ли я пришел не на то место, то ли не в то время. В общем, мы не встретились. Я, забеспокоившись, побежал к Васиной машине на другой берег, но его и там не было. Потом вернулся обратно. А он в это время высматривал меня в парке. Когда мы встретились, Вася очень ругался, но не злобно, а как-то по-родственному. В следующие поездки он предложил двигаться вместе – его бег трусцой был

уже не быстрей моей ходьбы. Тиля я спускал с поводка, и пес рыскал вокруг, выискивая в снегу новые запахи, то отставая, то опережая нас.

А Василий, не сбивая этим дыхания, постоянно что-нибудь рассказывал. Так, рассказал, что однажды в Штатах командир линкора предложил ему совершить морской переход из Америки в Европу на какие-то учения. Это, когда там вышла «Московская сага» на английском языке. И ее автор приобрел известность. Василий очень сожалел, что не смог принять то приглашение: было бы много наблюдений изнутри над американской флотской жизнью.

Потом, также в связи с «Сагой», он удостоился приглашения в Пентагон от одного адмирала. Оказывается, в Пентагоне высшие должностные лица образовывали в те годы (а может быть, и сейчас) читательский кружок, где обсуждались последние прочитанные книги. Так, обсуждали «Московскую сагу». Жена адмирала оказалась поклонницей Аксенова. Она и посоветовала адмиралу пригласить русского автора на обед. На обеде в честь Василия присутствовал помощник (или советник) Билла Клинтона…

Когда речь заходила об убийстве Джона Кеннеди, Василий совершенно категорично утверждал, что это дело рук КГБ. И мотивировал это тем, что Ли Харви Освальд, вернувшийся из Советского Союза в Штаты незадолго до покушения, был советским агентом. И тем, что Хрущев ненавидел Кеннеди за то, что молодой американский президент заставил его вывезти советские ракеты с Кубы обратно в Советский Союз, чем и завершился Карибский кризис.

В одну из прогулок я восхитился Войновичем, его предвидением будущего: в романе «Москва-2042» правителем новой России становится сотрудник спецслужбы, он в совершенстве владеет немецким языком, часы носит на правой руке.

– А что, у нынешнего разве часы на правой руке? – недоверчиво спросил Василий.

– Да, недавно где-то прочел об этом, – ответил я.

Тогда Василий, подумав, сказал, что и у него есть подобное предвидение в «Новом сладостном стиле». Там у него Михалков-старший в дни путча 1991 года, уже предчувствуя поражение гэкачепистов, перелицовывает текст советского гимна на новый лад, в духе, так сказать, наступающего нового времени.

В другой раз темой разговора стала нехорошая обстановка в России. Вася вспомнил утреннюю передачу «Эха Москвы», которую я тоже слышал. Участникам передачи Виктору Ерофееву

и Ксении Лариной пришло антисемитское сообщение на пейджер, что они, мол, прикрываются русскими фамилиями. Вася спросил меня, видел ли я родителей «Витьки». Я ответил, что видел только мать – и она безусловно русская. «Русская баба», – подтвердил Василий. Вспомнили и террориста Квачкова, набравшего 26 процентов на выборах в Госдуму. «Да, – сказал Василий, – какая-то грязь снова скапливается».

* * *

23 февраля был вечером у Аксеновых. Вместе с Василием выгуливали Пушкина. Вася был в постоянном общении со своим питомцем. «Вот так, вот так», – приговаривал он, когда песик яростно отбрасывал задними лапами снег, помочившись перед очередным кустиком. Потом возвратились в дом, где Майя уже приготовила ужин. За бокалом бордо Василий рассказал, как познакомился с Аркадием Стругацким.

Встретив его в ЦДЛ, Аркадий предложил посидеть в ресторане, выпить. Начал длинный разговор, возражал против какого-то суждения, аргументировал. Наконец, минут через тридцать Василий не выдержал и спросил:

– За кого ты меня принимаешь?

– За того, кто ты есть, – ответил Аркадий.

– А кто я есть? – настаивал Василий.

– Как кто – ведь тебе фильм снимать, ведь ты же Тарковский?!

* * *

Роман «Москва ква-ква» вышел книгой (до этого публиковался в журнале «Октябрь») в марте 2006-го. Он представлял собой рискованную смесь авантюрного романа с исторической хроникой времен сталинского социализма, причудливо сплавленную с античным мифом о Тезее. В центре повествования – сталинская высотка на Котельнической набережной, в которой жили Вася с Майей и в которой сейчас она живет одна.

Монументальность этого сооружения канувшей в прошлое эпохи с первых же строк романа вызывает к жизни скрытую авторскую иронию, ни на йоту не ослабевающую на всем последующем его пространстве:

«В начале 50-х годов XX века в Москве, словно в одночасье, выросла семерка гигантских зданий, или, как в народе их

окрестили, „высоток“. Примечательны они были не только размерами, но и величием архитектуры. Советские архитекторы и скульпторы, создавшие и украсившие эти строения, недвусмысленно подчеркнули свою связь с великой традицией, с творениями таких мастеров „золотого века Афин“, как Иктинус, Фидий и Калликратус.

Эта связь времен особенно заметна в том жилом великане, что раскинул свои соединенные воедино корпуса при слиянии Москвы-реки и Яузы. Именно в нем расселяются все основные герои наших сцен, именно в нем суждено им будет пройти через горнило чистых, едва ли не утопических чувств, характерных для того безмикробного времени…»

Новый роман вызвал неоднозначную реакцию. Так, Андрей Немзер, ироническую ноту, по-видимому, не уловивший, подверг его сокрушительной критике, что заметно расстроило Василия. Но большинство откликов имело положительную тональность. Были и апологетические, например, Ирины Барметовой, напечатавшей роман в «Октябре».

На моем экземпляре автограф:

«Другу Вите и сыну его Мише с сердечными ква-ква.

17.03.06.

Ваш В. Аксенов».

Книга была мне надписана в кабинете с эркером, окна которого смотрят на Яузу и на Кремль. На левом стекле нацарапан автограф одного из тех, чьими руками построено это чудо советской архитектуры: «Строили заключеные» (вот так, с одним «н»!). Быть может, эта надпись на стекле, процарапанная гвоздем или остро заточенным стержнем арматуры (надпись Василий показал мне в тот раз), и подтолкнула его к написанию романа.

Презентацию нового романа впервые проводило «Эксмо», а не «И…граф». Чувствовались размах и ответственность. Леонид Шкурович обещал, что она пройдет на «солидной площадке». Ею оказался особняк Российского фонда культуры на Гоголевском бульваре, где я работал в 1991 году ответственным секретарем Пушкинского общества, председателем был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Так что «площадка» оказалась хорошо знакомой для меня.

К сожалению, мероприятие, столь тщательно готовившееся, прошло слишком официально. Василий прочел несколько отрывков из романа. В перерывах между ними заранее

выбранными людьми ему задавались заранее заготовленные вопросы. Полноценного общения с публикой не получилось. Лишь по окончании вечера возник живой контакт автора и читателей: желающие получить автограф окружили Василия плотным кольцом. Так что на фуршете он появился не скоро. А фуршет был богатый. Я был с Лизой Вакамиа. За рюмкой французского коньяка познакомил молодую американскую славистку с Владимиром Войновичем и Бенедиктом Сарновым.

* * *

Однажды Василий рассказал мне об одной бескорыстной поклоннице его таланта. Девушка специально приехала в Москву из какого-то провинциального города, поселилась в одной из центральных гостиниц, кажется, в той, что расположена рядом с Васильевским спуском (не знаю ее названия), и на одном из публичных мероприятий, протиснувшись сквозь толпу других поклонников и поклонниц, назначила ему встречу. Свидания в гостинице продолжались три вечера, после чего девица отбыла домой. А Василий спустя годы нет-нет да и вспоминал о ней порой с неподдельной благодарностью.

* * *

5 сентября 2006 года мы с Василием посетили ежегодную книжную ярмарку на ВВЦ (в советском прошлом – Выставка достижений народного хозяйства). Он выступал на стендах двух издательств: «Эксмо» и «Вагриуса». Сначала – «Эксмо», где собралось много поклонников. Пожилая женщина, протиснувшаяся к нему сквозь толпу с дорогостоящим презентом, оказалась матерью Леонида Гозмана, сподвижника Чубайса. Сын просил ее передать подарок лично Василию с извинением за то, что не смог приехать сам.

После выступления на стенде «Эксмо» я должен был привести Василия в назначенное время на стенд «Вагриуса», который находился в павильоне по соседству. Это оказалось нелегко. По дороге из павильона в павильон нас постоянно останавливали: знакомые, издатели, поклонники и журналисты, некоторые с телекамерами. Я нервно смотрел на часы, объяснял, что опаздываем на выступление, а порой приходилось просто брать Василия за руку и тащить за собой.

* * *

Еще когда-то с Ирой мы говорили о том, что нужно бы переиздать «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Это было после того, как Василий взял нас с собой в «Современник» на спектакль по «Крутому маршруту». Еще был сын Васи Алексей. Сидели все вместе, я – справа от Василия. Чувство подлинности от происходящего на сцене обострялось ощущением, что вот здесь, рядом со мной, сидит и следит за происходящим на сцене сын героини спектакля. В отдельных эпизодах не удавалось сдержать слезы. Когда зажегся свет и мы выходили из зала, Василий признался: «Я плакал».

«Крутой маршрут» давно уже стал редкостью: ни у кого из наших знакомых книгу нельзя было найти. И вот я вспомнил об этой нашей с Ирой задумке и рассказал о ней Василию. Он дал согласие на переиздание, но предупредил, что нужно найти его сводную сестру Антонину, бывшую детдомовскую девчушку, когда-то удочеренную Евгенией Семеновной в Магадане. Последние годы никакого общения с Антониной не было. Василий даже не знал, в какой стране она живет.

Для начала поисков он предложил позвонить Саре Бабёнышевой в Лос-Анджелес, с которой Антонина, как он помнил, раньше общалась. Мне удалось переговорить по телефону с дочерью Сары, та сообщила, что Тоню уже несколько лет не видели и не слышали в Америке. Посоветовала искать ее в Белоруссии. Как оказалось, это был ценный совет. Через ВТО я узнал телефон русского драматического театра в Минске – Антонина в свое время была актрисой. И вот главный режиссер этого театра, человек весьма любезный (не помню уже его имени и отчества), подтвердил, что да, действительно, она бывает в Минске, и обещал передать ей при встрече мой телефон.

К этому времени я уже переговорил в «Эксмо» относительно издания «Крутого маршрута». Большого энтузиазма мое предложение в издательстве не вызвало. Тем не менее в редакции, с которой я вел разговор, предложили аванс в тысячу долларов, исходя из того, что вряд ли можно будет издать книгу тиражом более двух-трех тысяч экземпляров. Собственно, это я и хотел согласовать с Антониной – Вася от своей доли гонорара отказался в ее пользу. Однако, когда я смог наконец ее найти и сообщить об условиях издания, она их категорически отвергла, сказав, что гонорар смешной и что она сама берется распространить хоть стотысячный тираж «Крутого маршрута».

Пришлось искать другие варианты. Как раз в это время издательство «Астрель» (его детская редакция) захотело печатать

две давние детские повести Василия «Мой дедушка памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит». Условия были предложены вполне приемлемые, и договор был быстро подписан. К тому же представительницы «Астрели» – заведующая редакцией Ольга Муравьева и ее сотрудница Татьяна Михайловна – были столь радушны и приятны в общении, что это издание просто не могло не состояться.

К ним я и обратился по поводу «Крутого маршрута». Мое предложение вызвало интерес. Размер аванса был увеличен в три раза по сравнению с тем, что предлагали в «Эксмо». Оставалось согласовать эту сумму с Антониной. На этот раз удалось с ней договориться: в ближайшее время она должна была приехать в Москву и подписать подготовленный к ее приезду договор.

Вскоре она действительно появилась в Москве. Я отвез ее в «Астрель», где к ней отнеслись столь же радушно, как и к ее знаменитому брату. Предложили ей (как дочери Евгении Гинзбург) написать небольшое, на 2–3 страницы, вступление к книге.

В один из следующих дней мы поехали с ней к Василию. Майя была в Биаррице. Василий и Антонина вспоминали Магадан, Евгению Семеновну и ее второго мужа Вальтера (это фамилия!), немца по происхождению, который стал отцом для Антонины. Василий находил Антонину похожей на Вальтера и потому предположил, что она могла быть не приемной, а настоящей его дочерью. А Евгения Семеновна забрала ее из детдома, когда познакомилась с Вальтером. Так ли это на самом деле, никто теперь не скажет. Жизнь ссыльных поселенцев Магадана могла хранить и не такие тайны!

* * *

В конце октября или в начале ноября в кинотеатре «5 звезд» на Новокузнецкой улице смотрели с Василием новый фильм Отара Иоселиани «Сады осенью». Подъезжая к Новокузнецкой, я заметил впереди Васину машину, попытался догнать, но не смог. У кинотеатра его машина пропала из виду. Оказалось, он спустился в подземный гараж. А я припарковался в соседнем переулке. Встретились перед входом в зал. Рассказал ему, что ехал сзади него. «Так это ты слепил меня!» – с деланым возмущением воскликнул Василий. Во время сеанса то и дело в зале раздавался одобрительный смех или сочувственное хмыканье. Иоселиани, как всегда, не обманул моих ожиданий. Приятно было увидеть в одном из эпизодов Войновича, который

изображал важного чиновника, солидного и невозмутимого. Видимо, таким мог быть в жизни Володя, не стань он писателем. Что же касается фильма, то я был в восторге. Я мог, не сходя с места, посмотреть его еще раз. А Васе фильм не понравился: «Нет драматургии!» – категорично резюмировал он. Я подумал, что это естественная реакция: ему не хватало закрученных сюжетных ходов, всей этой фантасмагории, что наполняла его последние романы. А достоверность и подлинность безыскусного будто бы Иоселиани ему казалась пресной.

* * *

Осень была ознаменована окончанием нового романа. Название «Редкие земли» – производное от редкоземельных элементов в таблице Менделеева. Добычей этих полезных ископаемых заняты предприимчивые герои повествования. Ассоциативно угадывается: «редкие люди». Это активные комсомольцы последнего призыва (можно сказать, интеллектуальный цвет комсомола конца восьмидесятых), при смене эпох устремившиеся в бизнес. Новая формация людей – образованных, трезво мыслящих, деятельных. Такие вот Штольцы конца XX века! Прототип главного героя, крупного предпринимателя, энергичного и широкомыслящего, легко угадывался. Василий однажды был на его процессе и сидел рядом с клеткой, в которой его держали во время слушания дела. Подсудимый Ходорковский поблагодарил Василия за присутствие и успел сказать, что прочел все его книги.

* * *

В двадцатых числах декабря Василий улетел в Биарриц. Новый, 2007 год я встречал вместе с Майей, оставшейся в Москве. Пришел к ней с Мишей около одиннадцати. Под бой курантов выпили шампанского, и Миша умчался в свою студенческую компанию. У Майи было приготовлено какое-то невероятное жаркое из баранины. Бутылки пустели одна за другой – она все время требовала открывать новую. Немудрено, что в четвертом часу сон сморил ее. У меня есть ключи от их квартиры, и я смог уйти.

Вася, выслушавший на следующий день эту историю по телефону, был не очень доволен. Он волновался за Майю. Сам давно уже пил очень умеренно: один-два бокала сухого красного.

* * *

12 января 2007 года я встречал Василия в Шереметьево. Обычно это делал Алексей, но в этот раз Алексей был на съемках фильма (он художник кино). Моя машина имела повреждения, я ожидал ремонта и поэтому заказал такси. Приехал вовремя. Ожидал Василия, как было условлено, у выхода с паспортного контроля. Но он позвонил по мобильнику и сказал, что нужно идти к залу VIP-персон – он встретился в парижском аэропорту с Зурабом Церетели и теперь вместе с ним находится в этом зале. У входа дорогу мне преградил охранник, но я пояснил, что встречаю Василия Аксенова. Вася поднялся мне навстречу, мы обнялись. Церетели, в ожидании багажа сидевший рядом с ним на кожаном диванчике, тоже поднялся, протянул руку с золотыми перстнями. Они пили кофе. Мне тоже принесли чашечку, чтобы скоротать ожидание. Знаменитый скульптор лучился приветливостью. За его спиной топтались пять – шесть молодых грузинских парней крепкого телосложения, чуть поодаль сидела молодая миловидная секретарша. Наконец привезли груду чемоданов. Мы взяли Васин, Церетели тепло попрощался с нами, и мы пошли к машине.

* * *

С возвращением Василия издательство развернуло массированную рекламную кампанию, приуроченную к выходу нового романа. Встреч с журналистами и популярными телеведущими было намечено столько, что Василий ужаснулся и начал нещадно сокращать их количество. Тем не менее почти каждую неделю (и не по одному разу) к нему приезжали с микрофонами и телекамерами или он отправлялся в ту или иную редакцию. Иногда я, придя к нему под вечер, заставал группу улыбающихся и любезных молодых людей и девушек, озабоченно снующих по квартире с осветительными приборами и микрофонами. Однажды я был с Тилем, и он попал в кадр в одном из эпизодов, его разноцветные глаза привлекли внимание телевизионщиков.

Поначалу Василий от всей этой кутерьмы очень уставал, но постепенно, как я заметил, он стал к ней привыкать. Некоторым съемочным группам теперь сообщался даже телефон в Биаррице, чего раньше никогда не было: дом на берегу океана всегда был местом его уединения, необходимого для работы.

* * *

В двадцатых числах марта роман «Редкие земли» вышел из печати и поступил в продажу. Одновременно вышел мартовский номер журнала «Октябрь», где печаталось окончание романа. Теперь уже интервьюеры сами атаковали автора, не согласовывая свои действия с издательством.

Выход романа Василий решил отметить в ресторане ЦДЛ, который, помимо прочего, славится исключительными пирожками с мясом и с капустой. Журнал «Октябрь» представляли его главный редактор Ирина Барметова, ее заместитель Алексей Андреев и ответственный секретарь Инесса Клементьевна Назарова – давняя знакомая Васи еще по советским временам, когда она была его редактором в каком-то издательстве. С небольшим опозданием пришли Женя Попов и Светлана Васильева. Выпили шампанского за успех. Потом мужчины, кроме Василия, перешли на водку: он, как обычно, предпочел красное бордо. Рассказывал смешные истории, ему вторил Женя Попов, который вспомнил Георгия Семенова. Тот в свое время давал ему рекомендацию в Союз, хотя проза молодого писателя, как выяснилось, ему не очень нравилась.

Светлана вспомнила первую встречу с Аксеновым, что произошла много лет назад в этом же зале ресторана, он якобы был тогда белокур и вообще ей не понравился. Барметова, похохатывая, закусывала шампанское миниатюрными малосольными огурчиками.

Когда все вышли из ЦДЛ, Василий пошел вперед разогревать машину, а мне поручил привести к машине наших «девушек»; Поповы пошли в другую сторону.

* * *

Весной же мне пришлось посещать дирекцию Московского художественного театра. Я подписывал там какие-то бумаги и получал Васин гонорар за не осуществленную постановку по книге «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Автором инсценировки был сначала один Анатолий Найман, а потом в ней принял участие и сам автор романа. Предыстория вопроса была такова, что инсценировка не понравилась Олегу Табакову и он ее отклонил. Василий позвонил Табакову и услышал от него весьма недипломатичную фразу: «Вася, ты же, наверное, сам понимаешь, что это слабо». Табаков, старый друг Аксенова, не сообразил, видимо, что его прямота в данном случае обидна. А Василия это

очень задело. Он объявил Табакова предателем и прервал с ним всякие отношения. Гонорар за инсценировку, видимо, был попыткой примирения со стороны Табакова. Директор театра, со своей стороны, когда я зашел к нему, сокрушенно вздыхал и говорил, что нужно обязательно помирить двух старых друзей, двух Павловичей, Василия и Олега. Но со стороны Василия шагов к примирению, к сожалению, не последовало.

* * *

5 апреля с большим размахом прошла презентация «Редких земель». Она проходила в галерее Якута, где-то на задах улицы Казакова. Большой зал, много народа, ведущий Станислав Жук – юморист, писатель, конферансье. За столом на сцене четверо. Я сидел между Василием и Барметовой, слева от нее – Леонид Шкурович. Глаза слепило от софитов, в зале еще стоял гул, когда я вдруг услышал, что Жук называет мое имя и предлагает сказать несколько слов. Я сказал, что Василий Аксенов всегда поражал меня тремя своими качествами: виртуозным владением русским языком, колоссальной работоспособностью и верностью друзьям. Барметова говорила о романе. Вася читал стихи о редкоземельных элементах, которыми завершался роман. Ему, как я заметил, вообще очень нравилось читать собственные стихи. Но эти были слишком тяжеловаты для восприятия и умозрительны. Выступали Евгений Попов, Александр Кабаков, Михаил Веллер, Марлен Кораллов. Но всех сковывала слишком торжественная, я бы даже сказал, помпезная обстановка.

Завершилось все небольшим банкетом: было человек шестнадцать-восемнадцать. Некоторые лица мне были вовсе незнакомы, например, Михаил Веллер, которого я прежде в Васином окружении не встречал.

* * *

14 апреля накануне отлета Аксеновых во Францию был у них. Майя приготовила ужин. Хозяин открыл бутылку бордо. Почему-то речь зашла о Борисе Балтере, моем двоюродном брате. Вася в шестидесятые был в одно время с Борисом в Дубултах, в писательском доме. «Там была большая компания москвичей, все что-то писали. Борис – „Мальчиков“», – рассказывал он. Однажды днем, проходя по двору, Вася остановился посмотреть, как играют в шахматы Гладилин и Балтер. У них там произошло какое-то

недоразумение: то ли на доске появилась лишняя ладья, то ли у кого-то из них ее не оказалось. Уважаемые писатели, как выразился Вася, собачились.

Вечером у себя в номере он вспомнил об этом, но мысль его ушла совсем в другую сторону, и он быстро написал знаменитый рассказ «Победа», приведший в восхищение многих шахматистов, в том числе гроссмейстера Марка Тайманова.

А еще он рассказал, как в Дубулты приезжал Виктор Некрасов, а Борис благоговел перед ним. Их встречи всегда сопровождались обильными возлияниями. И в тот раз Борис накупил крепких напитков. Они вспоминали войну (оба прошли ее от начала до конца), много пили. А ночью у Бориса случился сердечный приступ, пришлось вызывать неотложку.

* * *

В июне Василий вернулся в Москву один, Майя осталась в Биаррице. С этого момента начало рушиться его несокрушимое, как казалось еще недавно, здоровье. Случился приступ мерцательной аритмии. Пришлось вызывать «скорую». Потом недели две жил под присмотром врачей в санатории в Барвихе. Потом в ЦКБ ему устанавливали стимулятор работы сердца. Он старался не поддаваться болезни, но заметно сдал физически. Мне признался, что во время приступа аритмии он на мгновение будто бы потерял сознание, но сразу же пришел в себя. Как выяснилось впоследствии, это был микроинсульт, который врачи (ни в Барвихе, ни в ЦКБ) не распознали.

* * *

Летом в издательстве «Зебра Е» решили издать небольшую книгу Васиных предисловий и послесловий к книгам товарищей по цеху. Еще год назад от имени этого издательства меня очень настойчиво атаковал Валерий Краснопольский с предложением переиздать что-нибудь аксеновское. Я сразу же выразил сомнение в осуществимости такого переиздания, потому что на все романы были заключены договоры с издательством «Эксмо», но он настаивал. Пришлось обратиться к Леониду Шкуровичу, и тот, конечно, отнесся к такой затее постороннего издательства отрицательно, потому что все аксеновские романы постоянно переиздавались (и переиздаются по сей день) в «Эксмо». На том разговоры с Краснопольским и закончились.

А теперь получилось так. «Зебре Е» предложил свою книгу прозы поэт Владимир Мощенко, давний приятель Василия. Они когда-то познакомились и подружились как любители джазовой музыки. И книга Мощенко была связана с джазом. Названием ее стало название главной повести книги «Блюз для Агнешки». В издательстве сообразили, что через Мощенко есть возможность привлечь к сотрудничеству Василия. «Пусть Аксенов напишет предисловие к Вашей книге», – предложили ему. Василий, конечно, не смог отказать старому другу, и так появилось его предисловие к книге Мощенко: «Рожденный в джазе». Издательство решило развить успех и предложило Василию сделать книгу предисловий и послесловий к книгам друзей, часть которых как раз в «Зебре Е» и была ранее издана. Василий согласился и на это предложение и попросил меня связаться с издательством и составить такую книгу. Материала оказалось очень мало, для книги его не хватало. Мне пришлось поломать голову над тем, как выйти из создавшегося положения. В результате первоначальный материал был дополнен несколькими уже опубликованными в книге «Зеница ока» Васиными статьями и эссе, а также тремя интервью с Ириной Барметовой, посвященными трем последним аксеновским романам.

Подзаголовок книги определился: «Предисловия, послесловия, интервью». Оставалось придумать заглавие. С этим вопросом я пришел к Василию, перебирая в уме разные не очень-то удачные варианты. Но он решил вопрос молниеносно: на секунду задумался, посмотрел в окно и произнес по слогам (по ассоциации со своим предпоследним романом «Москва ква-ква»): «Ква-каем, ква-каем».

* * *

20 августа у Аксенова был юбилей: ему исполнялось семьдесят пять. Он не хотел никаких торжественных чествований и потому заблаговременно улетел в Биарриц. Я оказался там 19-го. Он встречал меня на машине в соседней Байонне. Дело в том, что у наших с Ирой парижских подруг Сони и Флоранс есть собственный домик в Ландах, который они по-нашему называют дачей. В этом домике я провел с ними несколько дней, а потом они посадили меня в автобус, идущий к океану, и через несколько часов я был в совершенно незнакомой мне Байонне. Встреча с Василием была назначена у кафедрального собора. Я шел от автовокзала, перешел по мосту реку и вышел к собору, который был мне хорошо виден на протяжении всего недолгого пути. Все

это напоминало какой-то шпионский фильм с явками и паролями. Об этом я, смеясь, сказал Василию при встрече – он появился у собора минут через пять после меня.

На следующий день с утра до вечера трезвонил телефон: Василия поздравляли из Москвы, из Казани, из Петербурга, из Парижа, из Америки. Вечером пришли гости: Сергей и Марина Тимаковы. У них тоже есть дом в Биаррице. Подарили симпатичный пейзаж неизвестного мне автора в роскошной раме со стеклом. Сразу же повесили его на какой-то крючок в стене. Но крючок оказался ненадежный. В разгар застолья (Майя угощала жареными перепелками, которых упорно называла куропатками) картина с грохотом сорвалась со стены, упала на батарею отопления, вывернув ее крепление, но не разбилась. Сейчас, вспомнив об этом, не могу не подумать, что это происшествие во время празднования последнего Васиного дня рождения было недобрым знаком.

Но тогда оно вроде бы не омрачило вечера. Было много баек. Василий, в частности, рассказал, как Ростроповичу в советские времена вручали премию в Италии. Так как премию в виде денег советские граждане обязаны были сдавать в посольство (на благо державы!), итальянцы решили подарить ему этрусскую вазу. Но и за вазой утром пришли товарищи из посольства.

– Вы должны ее сдать, – объяснили они ему.

– Ах, сдать? – переспросил Ростропович и, передавая ее, «случайно» разжал руку.

Ваза с грохотом разбилась. Василий слышал это от самого Ростроповича.

* * *

21-го заработал факс: пошли поздравления от главы президентской администрации Медведева, потом от премьера Фрадкова, потом от Нарышкина (не помню уже, какую он должность тогда занимал). Телеграмма от президента была получена накануне на правительственном бланке.

Опять, как четыре года назад, прогуливались по набережной с Пушкиным. Иногда приходилось прерывать прогулку из-за дождя, хватать Пушкина и прыгать в машину. Дожди шли каждый день не по одному разу. Я прочел первую строфу неожиданно сложившегося накануне вечером стихотворения:

Над побережьем непогода,
У неба тушь течет с ресниц.

Спасенья нет, и нет исхода,
Дождем затоплен Биарриц…

– А дальше? – заинтересованно спросил Василий. Но я не стал продолжать.

Однажды, когда мимо нас прошла миловидная женщина с шоколадным цветом кожи, он схватил меня за руку:

– Ты видел, как на тебя сейчас посмотрела вон та мулатка? Беги за ней!

– Куда ж я побегу, не зная языка, – ответил я.

– Ну, смотри, – разочарованно сказал Василий.

* * *

В эти же дни, не помню, по какому поводу, он вспомнил несколько случаев, когда подвергался смертельной опасности.

В Чегеме вместе с Майей завис в кабине фуникулера с лыжами. Висели над пропастью около часа на морозе. Приходилось усиленно двигаться на месте, чтобы не замерзнуть.

В восьмилетнем возрасте тонул на реке. Чудом спас какой-то солдат. Откачал.

Потом в пионерском лагере перевернулся баркас на слиянии Свияги с Волгой. Спасли находившиеся неподалеку рыбаки.

Еще раньше рассказывал о покушении на него в 1980-м перед отъездом в эмиграцию, когда он, возвращаясь с Майей из Казани после прощания с отцом, чудом избежал лобового столкновения с самосвалом. Это есть в каких-то интервью и подробно – в посмертно изданном романе «Таинственная страсть».

Тогда же рассказал, что однажды – это было на каком-то банкете после его выступления – он познакомился с тремя «блестящими генералами» авиации Дальневосточного военного округа. Время было еще советское, но генералы, оказавшиеся его читателями и почитателями, произвели впечатление людей свободно мыслящих и интеллигентных. Пригласили его выступить на военных кораблях во Владивостоке. Обещали прислать за ним военный самолет. А вскоре Василий узнал из газет об авиационной катастрофе, в которой погибли чуть ли не все руководители военного округа. Он подозревал, что катастрофа была не случайной: такие свободно мыслящие генералы не могли нравиться центральной власти.

* * *

Ездил с Василием на его красном «ягуаре», доставленном из Америки, в аэропорт Биаррица – он решил заблаговременно взять себе билет в Москву. Довольно свободно объяснился с кассиршей. В аэропорту – ни единого человека. Несколько киосков со скучающими продавщицами…

Наблюдал как-то днем трогательную семейную сцену: Майя сидела на диване, а Василий лежал на том же диване, и голова его (затылок) была у нее на коленях. При этом, разговаривая, они называли друг друга Майята и Васята. Василий называл ее еще иногда Маяковским.

В последний вечер Аксеновы повели меня в рыбный ресторанчик в порту Биаррица. Дождь, вода, капающая с зонтов. На узенькой террасе, конечно, никого нет. А в помещении с трудом нашелся свободный столик, было тепло и сильно накурено. К сожалению, не запомнил, какую рыбу мы ели (было очень вкусно), а спросить теперь не у кого: Майя таких мелочей давно уже не запоминает.

Уезжал я опять через Байонну. Вася отвез меня туда. В Байонне неудачно поехали вдоль узкой набережной канала, не заметив, что это тупик. Потом пришлось выбираться задним ходом метров сто пятьдесят. Василий был очень раздосадован ошибкой, но мужественно преодолел все трудности – набережная была довольно узкая.

* * *

В Москву Василий прилетел в начале сентября. 5-го я сопровождал его на книжную ярмарку. К ярмарке в издательстве «Вагриус» вышла необычная книга Аксенова «Край недоступных Фудзиям», в которой были собраны стихотворные тексты из всех его романов. Вместе с авторскими пояснениями, сделанными специально для этого издания, они и составили книгу. Названием стала завершающая строка стихотворения о дикой индейке (Wild Turkey) из романа «Кесарево свечение»:

Как эпизод картин Ван Дейка,
Как призрак из забытых царств,
Слетает дикая индейка,
И в небе царствует Моца́рт.

Она гуляет по газону,
Что так пленительно упруг,
И принимает круассаны

Из грешных человечьих рук.

Забыв про День благодаренья,
Когда счастливый пилигрим
Жрал индюшатину с вареньем,
Она курлычет филигрань.

Как дама важного эскорта,
Она несет букет лица.
Так иногда приносят куры
Подобья райского яйца.

Но если кто-то возалкает
Ее на блюде, сбоку ямс,
Она мгновенно улетает
В край недоступных Фудзиям.

Идея книги принадлежала главному редактору Алексею Кастаняну, а воплощала ее Елена Шубина, с которой мне вновь к обоюдному, как мне кажется, удовольствию, пришлось сотрудничать.

На выставке, как и год назад, нужно было успевать из павильона в павильон. Василия со всех сторон атаковали журналисты. После ярмарки нас отвезли в Музыкальный театр им. Станиславского на Большую Дмитровку, где оглашались итоги конкурса «Большая книга». Василий должен был награждать и приветствовать Леонида Зорина. Потом мы оказались в артистическом кафе неподалеку, где был вечер Михаила Генделева. Собралась большая компания: Поповы, Кабаков, Веллер, Макаревич, Иртенев, Барметова. К Василию протиснулся Владимир Соловьев, преуспевающий уже в то время телеведущий. Подобострастно жал руку. Оказалось (я впервые увидел его не на экране), что он небольшого роста, довольно худощав. Мне он никогда не нравился, вернее, с того интервью с Сергеем Юшенковым (была у него когда-то такая программа «Апельсиновый сок»), которое я случайно видел. Не забуду и не прощу ему, как он с издевательской ухмылкой спросил у кристально честного Юшенкова: «А на какие деньги вы живете?» Юшенков, как лидер «Либеральной России», вел тогда переговоры с Борисом Березовским о совместных оппозиционных действиях. И вопрос Соловьева содержал довольно прозрачный компрометирующий намек, что наверняка очень понравилось начальству.

* * *

На 2 октября в Казани было назначено открытие первого посвященного Василию фестиваля – «Аксенов-фест». Вечером 1-го фирменным поездом из Москвы в Казань выехала представительная делегация во главе с самим виновником торжества. В купе СВ моим соседом оказался Анатолий Гладилин. Гладилин оказался очень приятным в общении. Он накануне прилетел из Парижа. Едва мы успели познакомиться, дверь отодвинулась, и на пороге появился Василий и пригласил нас проследовать за ним в вагон-ресторан. Мы заняли отдельный столик. Рядом уже сидели Белла Ахмадулина с Борисом Мессерером, потом появились Евгений Попов со Светланой Васильевой и Александр Кабаков, потом два Михаила: Веллер и Генделев. Василий отвечал на приветствия. Под нехитрый, но вполне приличный дорожный ужин он выпил бокал красного вина, мы с Гладилиным – по кружке пива и по сто граммов водки.

После вагона-ресторана Василий отправился отдыхать, а мы с Гладилиным оказались в чьем-то купе, битком набитом участниками фестиваля. Ахмадулиной и Мессерера здесь не было, а вот остальные из названных выше господ присутствовали, кроме них были еще Игорь Иртеньев и главные организаторы казанского мероприятия – режиссер Сергей Миров и Андрей Макаревич. На вагонном столике под стук колес рюмки наполнялись очередным алкогольным напитком и затем передавались присутствующим. Было шумно и весело.

* * *

Программа пребывания в Казани была весьма насыщенная. Уже часа через два-три после приезда была встреча с читателями в крупнейшем книжном магазине: сначала общие выступления, а затем писатели встречались со своими читателями. Больше всего желающих получить автограф было, конечно, вокруг столика с табличкой «Аксенов». Но и его коллеги не остались без внимания. Им тоже пришлось «потрудиться».

Потом был обед в ресторане, после него встреча с прессой. Вечером торжественное открытие фестиваля в городском драмтеатре. Затем ужин в другом ресторане, устроенный мэром Казани в честь Василия Аксенова и его московских друзей.

И так каждый день. Были прогулки по городу, встреча со студентами Казанского университета, где Василий и Белла были удостоены званий почетных докторов наук этого одного из

старейших российских университетов, была аудиенция у президента Татарстана Минтимира Шаймиева, вечер Ахмадулиной в том же драмтеатре, обеды и ужины в ресторанах Казани.

А кроме того, Василий, в сопровождении массы журналистов, побывал в полуразрушенном доме, где прошло его военное детство – здесь после ареста родителей его приютила семья тетки. Сейчас дом отремонтирован и превращен в Дом Аксенова – мэр Казани выполнил свое обещание, данное во время фестиваля… Потом было посещение школы, где Василий учился, и, конечно, кладбища, где могила отца.

На обратном пути в Москву виновник торжества почти не выходил из своего купе, все понимали, что он очень устал.

* * *

Кажется, в эти же месяцы в «Новой газете» было опубликовано открытое письмо по поводу музея А. Д. Сахарова, авторы которого, известные люди, деятели культуры и науки, призывали власти взять на себя финансирование музея. Под письмом стояла и подпись Аксенова. Летом я действительно получал от директора музея Юрия Самодурова какие-то материалы для передачи их Василию. Между ними был телефонный контакт. Но, как оказалось, Василий согласен был подписать письмо при определенном условии: в письме должно было быть указано, что до последнего времени музей существовал на деньги Бориса Березовского. Самодуров, видимо, из тактических соображений такое пояснение в текст письма не внес, а подпись Аксенова была под письмом оставлена. Василий был возмущен произволом. Просил меня переговорить с главным редактором «Новой» Дмитрием Муратовым и потребовать опровержения. Я выполнил его просьбу, и меня заверили, что газета известит читателей, что Аксенов письма не подписывал.

Василий всегда был предельно принципиален в своих поступках, даже если тот или иной поступок мог не понравиться либеральной общественности.

Так, он полностью поддерживал обе чеченские войны. Однажды в ответ на наши с Ирой критические замечания по поводу методов ведения этой войны вспылил и повысил голос, что случалось крайне редко. «Террористов нужно уничтожать!» – чуть ли не прокричал он.

* * *

В ту последнюю осень Василий выступал на 1-й Тверской-Ямской в новом магазине «Букбери» по случаю его открытия. Я не успевал к нему, чтобы ехать вместе на его машине. Поехал на метро. Долго ждал у входа в магазин – на Тверской, как всегда в час пик, была пробка. А у магазина не было места для парковки. Я заглянул в ближайший переулок, чтобы посмотреть, можно ли поставить машину там. Но к моменту, когда показалась машина Василия, вдруг освободилось место у самого входа в магазин. Публика очень тепло его встречала, когда он читал свои стихи…

В начале декабря был совместный вечер Аксенова и Ахмадулиной в Доме художника на Крымской набережной во время проведения там зимней книжной ярмарки.

Василий читал прозу…

В декабре же, если мне не изменяет память, был вечер памяти Булата Окуджавы в Концертном зале Чайковского. Вел вечер Василий. Вечер в основном был музыкальным: песни Окуджавы пели известные актеры и певицы. Завершился вечер триумфальным выступлением Макаревича с какой-то чужой (не «Машиной времени») группой. Это была оркестровая импровизация на тему одной из мелодий Окуджавы, песни «Батальное полотно».

* * *

В один из мрачно-сумрачных декабрьских вечеров Василий, когда я сидел у него в кабинете, как бы между прочим сообщил, что закончил первую часть нового романа о детях ленд-лиза, то есть о своем военном детстве в Казани, о голоде 1942 года, о нравах и пристрастиях уличной шпаны, среди которой он рос. Сказал, что написана первая часть слишком уж реалистически и он даже устал от этого. Теперь нужно как-то взбодриться и оживить повествование.

* * *

Новый, 2008 год Аксеновы встретили дома, в Москве.

Я, конечно, заходил к ним в начале января, но не помню подробностей.

15 января около полудня или чуть позже говорил с Василием по телефону. Он был в ванной после физических упражнений – теперь он отжимался от пола, выполнял бег на месте и стоял на голове. Утренние пробежки пришлось отменить уже несколько

месяцев назад. Василий сказал, что скоро должен уйти.

Я тоже часа через два собрался выйти из дома по каким-то делам. Вдруг раздался звонок Ев гения Попова. Он спросил, не знаю ли я, что с Васей. «Ничего, – ответил я, – недавно разговаривал с ним по телефону». – «А мой сын Вася прочитал в Интернете, что у Аксенова инсульт», – огорошил меня Евгений. Договорились созвониться попозже. Я вышел к машине, и тут меня настиг повторный звонок Попова. «К несчастью, – сказал он, – это правда: у Васи инсульт. Я говорил с Алексеем (сыном Аксенова)».

Когда я пришел к Майе, у нее уже был кто-то из родственников. Потом приехал Алексей – он уже был у отца в больнице. Майя поднялась, чтобы ехать с ним к Василию.

«Кто бы мог подумать, что с Васятой такое может случиться», – приговаривала она, сдерживая слезы.

Когда они с Алексеем ушли, я остался в квартире вместе с ее двоюродной сестрой.

Все время трезвонил телефон. Печальная информация распространялась по стране и по миру. Звонили друзья и знакомые из Москвы, из Казани, из Петербурга, из Прибалтики, из Вашингтона.

Ночью Василия перевезли в Институт Склифосовского. Майя и Алексей ездили туда.

Днем 16 января я подвез Майю в Склиф и вместе с ней прошел в больницу, она с трудом нашла палату, в которой уже была накануне ночью, – ничего не соображала от горя.

И потянулись месяцы, многие месяцы Васиного беспамятства…

В июле Майина дочь Алена, которая прилетела из Америки через несколько дней после того, как с Васей случилось несчастье, предложила мне навестить его. Врачи считали, что есть положительная динамика и поэтому нужно попробовать, как Василий будет реагировать на посещения друзей. Но обращаться к нему нужно было с простыми и четкими фразами.

Когда я сел возле него, он лежал на спине и смотрел в пространство палаты недвижным взглядом. На мои нелепые фразы про «край недоступных Фудзиям» и еще какую-то невнятицу никак не реагировал. Так прошло несколько минут. Подбегала и отбегала Алена, говорила ему: «Васенька, посмотри, Витя пришел!» Никакой реакции. Минут через десять мы собрались уходить. Выходили из бокса, пятясь от Васи, глядя на него. И вдруг он оторвал голову от подушки, чуть приподнялся, опираясь руками о ложе, и стал напряженно всматриваться в нас. Так всматриваются в темноту, когда плохо видно предмет.

«Васенька, попрощайся с нами», – просительным тоном предложила Алена. Он поднял забинтованную правую руку и какое-то мгновение держал ее на уровне головы. Потом опустил.

Что это было? Мгновенное просветление? Эффект окошечного сознания, как называют такие просветления врачи-невропатологи? Или он все время был в сознании, но не хотел общаться?

Врачи не смогли ответить на этот вопрос.

* * *

Сейчас, когда его уже нет среди нас, вспоминаются некоторые суждения о нем – не о писателе Василии Аксенове (о том уже много сказано и еще будет сказано), а о человеке.

Например, Бенедикт Сарнов, когда речь заходила об Аксенове, очень часто восклицал: «Кто бы мог подумать, что такой стиляга и пижон, как Вася, станет примерным семьянином, опорой для Майи и ее семьи!» – подразумевая под семьей дочь Майи, Алену, и ее сына Ивана, которых Василий так же, как и Майю, обеспечивал материально.

А вот Анатолий Гладилин в книге «Улица генералов» выделил другое его качество: Аксенов за время эмиграции (не в последнюю очередь благодаря преподаванию в американском университете) стал очень образованным человеком, интеллектуалом.

Старый друг Аксенова, известный джазист Алексей Козлов считает, что Василий всегда был «джазовым человеком».

На меня же, быть может, наиболее сильное впечатление произвело признание Аксенова, как его мучила совесть за то, что он отказался пожать руку подлецу. Дело было на каком-то публичном мероприятии в Вашингтоне уже в годы советской перестройки. И человек, нагадивший в свое время Аксенову в Москве, остался стоять с протянутой в пустоту рукой. А Василий потом корил себя за то, что отомстил ему слишком жестоко.

Приложения

Семейное древо Василия Аксенова

Павел Васильевич (1899–1991)

Ксения Васильевна (1895–1983) – сестра Павла Васильевича

Адриян Васильевич (1910-??) – брат Павла Васильевича

Василий Павлович (1932–2009) – сын Павла Васильевича от второго брака

Майя Павловна (1925–2010) – дочь Павла Васильевича от первого брака

Алексей Васильевич (1960) – сын Василия Павловича

Шапиро Цецилия Яковлевна (1895–1972) – первая жена Павла Васильевича, мать Майи Павловны

Косицина Алла Павловна (1947) – дочь Майи Павловны

Аксенова Матильда Андреевна (1911–1997) – дочь Ксении Васильевны

Котельников Евгений Михайлович (1910–1963) – муж Матильды Андреевны

Котельникова Галина Евгеньевна (1934) – дочь Матильды Андреевны и Евгения Михайловича

Котельников Александр Евгеньевич (1937) – сын Матильды Андреевны и Евгения Михайловича

Менделева Кира Людвиговна (1934–2013) – первая жена Василия Павловича

Овчинникова Майя Афанасьевна (1930–2014) – вторая жена Василия Павловича

Гинзбург Евгения Соломоновна (1904–1977) – вторая жена Павла Васильевича Аксенова, мать Василия Павловича

Вальтер Антон Яковлевич (1899–1959) – третий муж Евгении Семеновны

Гинзбург Соломон Абрамович (Натанович) (1876–1938) – отец Евгении Соломоновны, дедушка Василия Павловича

Гинзбург Ревекка Марковна (1881–1949) – мать Евгении Семеновны, бабушка Василия Павловича

Гинзбург Наталья Соломоновна (1904–1977) – сестра Евгении Семеновны

Список кинофильмов и сценариев по книгам Василия Аксенова

«Мой младший брат» (совместно с Александром Анчаровым и Александром Зархи) – 1962, «Мосфильм» по «Звездному билету».

«Коллеги» (совместно с Алексеем Сахаровым) – 1962, «Мосфильм».

«Когда разводят мосты» – 1962, «Ленфильм».

«Хозяин» (совместно с Акибой Гольбуртом) – 1970, «Ленфильм».

«Мраморный дом» (совместно с Акибой Гольбуртом) – 1972, киностудия им. Горького, Ялтинский филиал.

«Центровой из поднебесья» – 1977, киностудия им. Горького.

«Пока безумствует мечта» – 1978, «Мосфильм».

«Московская сага» – 2004, телесериал по одноименному роману.

«Дочь генерала – Татьяна» (совместно с Юрием Тимошенковым и Екатериной Половневой) – 2008, кинокомпания «СИВ».

«Шут» (совместно с Аркадием Кордоном) – 2008, телесериал по мотивам романа «Новый сладостный стиль»; не завершен.

Литературные сценарии, вошедшие в книгу «О, этот вьюноша летучий!» (Москва, «Эксмо, 2012):

«Бурная жизнь на юге»;

«Сена – Нева, морем и по воздуху (От Невского до Монпарнаса)»;

«Пока безумствует мечта»;

«Кто первый поймает Гитлера»;

«Перекресток»;

«Пять тысяч секунд»;

«Олег и Ольга (блюз с русским акцентом)»;

«О, этот вьюноша летучий!»;

«Юноши и мужчины».

Материалы для составления библиографии Василия Аксенова

1. Сочинения:

Асфальтовые дороги: Рассказ // Юность. 1959– № 7.

С утра до темноты: Рассказ // Литературная газета. 1960. 24 сент.

Коллеги. Повесть. «Советский писатель», 1961.

Звездный билет, «Юность». 1961, №№ 6–7.

Апельсины из Марокко, «Юность», № 1.

Товарищ красивый Фуражкин. «Юность», 1964, № 12.

Катапульта. Авторский сборник. «Советский писатель», 1964.

Пора, мой друг, пора. «Молодая гвардия», 1965.

На полпути к луне. Книга рассказов. «Советская Россия», 1966.

Рыжий с того двора: Рассказ // Литературная Россия. 1966. 26 авг.

Голубые морские пушки: Рассказ // Труд. 1967.14 апр.

Затоваренная бочкотара. «Юность», 1968, № 3.

Вывод нежелательного гостя из дома: Рассказ // Литературная газета. 1968. 8 окт. С. 16.

Жаль, что вас не было с нами. Авторский сборник. «Советский писатель», 1969.

Феномен пузыря: Рассказ // Литературная газета. 1969.19 нояб. С. 16.

Ранимая личность: Рассказ // Литературная газета. 1970. 21 янв. С. 16.

Мечта таксиста: Рассказ // Литературная газета. 1970. 26 авг. С. 16.

Счастье на берегу загрязненного океана: Рассказ // Литературная газета. 1970.23 сент. С. 16.

Вне сезона: Рассказ // Литературная газета. 1971. 21 апр. С. 16.

Любовь к электричеству. Повесть о Красине. «Политиздат», 1971.

Мой дедушка – памятник. «Детская литература», 1972.

Круглые сутки – нон-стоп. «Новый мир», 1976, № 8.

Сундучок, в котором что-то стучит. «Детская книга», 1976.

Стальная птица. «Глагол», Ann-Arbor, «Ардис», 1977.

Поиски жанра. «Новый мир», 1978, № 1.

Суперлюкс: Рассказ // Литературная Россия. 1978. 4 авг. С. 16.

Затоваренная бочкотара. Рандеву. Повести. Нью-Йорк, «Серебряный век», 1980.

Золотая наша Железка. Роман. Ann-Abor, «Ардис», 1980.

Ожог. Роман. Ann-Arbor, «Ардис», 1980.

Остров Крым. Роман. Ann-Arbor, «Ардис», 1981.

Бумажный пейзаж. Повесть. Ann-Arbor, «Ардис», 1982.

Право на остров. Ann-Arbor, «Эрмитаж», 1983.

Скажи изюм. Роман. Ann-Arbor, «Ардис», 1985.

В поисках грустного бэби. «Liberty Pub lishing House», New York, 1987.

Золотая наша Железка: Повесть // Юность. 1989. № 6. С. 10–38, № 7.

Ожог. Роман. «Огонек», 1990.

Остров Крым. Роман. «Огонек», 1990.

В поисках грустного бэби. «Текст», 1991.

Четыре темперамента. Пьеса // Метрополь. М.: Текст, 1991.

Рандеву. Повести, рассказы. «Текст», 1991.

Право на остров. Повести, пьесы, рассказы. «Московский рабочий», 1991.

Джин Грин неприкасаемый. Роман. Алма-Ата, «Белауса», 1992.

Московская сага. Трилогия. «Текст», 1993–1994.

Собрание сочинений в пяти томах. Издательский дом «Юность», 1995.

Негатив положительного героя. «Вагриус», «Изограф», 1996.

Новый сладостный стиль. Роман. «Изограф», 1997.

Московская сага. Трилогия. «Изограф», 1999.

Новый сладостный стиль. Роман. «Изограф», «ЭКСМО-Пресс», 2000.

Кесарево свечение. Роман. «Изографус», «ЭКСМО-Пресс», 2001.

Московская сага. Трилогия. «Изографус», «ЭКСМО-Пресс», 2002.

Желток яйца. Авторский сборник. «Изографус», «Эксмо», 2003.

Американская кириллица. Проза и стихи. Авторский сборник. «НЛО», 2004.

Десятилетие клеветы. Радиодневник писателя. «Изограф», «Эксмо», 2004.

Вольтерьянцы и вольтерьянки. Роман. «Изограф», «Эксмо», 2004.

Гибель Помпеи. Авторский сборник. «Изограф», «Эксмо»,

2005.

Москва-ква-ква. Роман. «Эксмо», 2006.

Редкие земли. Роман. «Эксмо», 2007.

Аврора Горелика (пьесы). «Эксмо», 2009.

Ленд-лизовские. Роман. «Эксмо», 2010.

«Таинственная страсть». Роман. «Семь дней», 2009.

«Таинственная страсть». Роман. «Семь дней», 2011.

«О, этот вьюноша летучий» (киносценарии). «Эксмо», 2012.

«Стальная птица». «Эксмо», 2014.

«Одно сплошное Карузо», «Эксмо», 2014.

«Ловите голубиную почту» Письма, «АСТ», 2015.

2. Литература:

Рассадин Ст. «Шестидесятники». «Юность», 1960, № 12.

Чудакова М. «Сквозь тернии к звездам». – «Новый мир», 1990. N 4. С. 261.

Сарнов Б. «„Затоваренная бочкотара“ как явление стиля». – В кн.: «„Василий Аксенов“. Антология сатиры и юмора России XX века», – «Эксмо», 2002.

«Автор „Ожога“ уже не жжёт». Валерия Новодворская к 75-летию Василия Аксёнова.

«Наш советский Керуак». Александр Кабаков, интервью радио «Свобода», 05.03.2009.

Джазовый музыкант Алексей Козлов: «Аксенов принадлежал к сообществу несогласных людей». Интервью. «Новые известия», 8 июля 2009.

«Русский журнал». Тема: «Умер Василий Аксенов». Статьи Бориса Минаева, Леонида Костюкова, Владимира Березина.

«Мы любили его». Некролог. Сергей Кузнецов о Василии Аксенове.

«Жаль, что вас не было с нами. Василий Аксенов». Документальный фильм, канал «Россия», телеэфир – 9 июля 2009 года, день прощания с Василием Павловичем Аксеновым.

«Что оставил Аксенов». Александр Кабаков. Журнал «Огонек» № 9 (5087), 13 июля 2009.

«Певец сакса и секса». Григорий Ревзин. Журнал «Власть» № 27 (830), 13 июля 2009.

«Хорошо, что вы были с нами…» Дмитрий Быков о похоронах Василия Аксенова. «Собеседник» № 26, 14 июля 2009.

Soviet Mammoth: Vasily Aksyonov, 1932–2009. Маргарита Меклина о Василии Аксенове.

Карлина Н. «Образ российского вольтерьянца в романе

В. Аксенова „Вольтерьянцы и вольтерьянки“». – В кн.: «Балтийский филологический курьер». – Калининград, 2009.

Карлина Н. «Мушкетерство как тип мужского поведения в романах В. Аксенова». – В кн.: «Гендерная проблематика в современной литературе», – ИНИОН, М., 2010.

Пахсарьян Н. «Творчество В. П. Аксенова во Франции: переводы и рецензии». – В кн.: «Литература XX века. Итоги и перспективы изучения. Восьмые Андреевские чтения», – М., УРАО, 2010.

Кабаков А., Попов Е. «Аксенов». – «Астрель», 2011.

Петров Д. «Аксенов». – «Молодая гвардия» (малая серия ЖЗЛ), 2012.

«Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции» (составитель В. Есипов). – «Астрель», 2012.

Есипов В. «В край недоступных Фудзиям…» – В кн. «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции», «Астрель», 2012.

Джон Глэд. «Вася умер» – В кн.: «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции». – «Астрель», 2012.

Войнович В. «Нас объединяли возраст и общность судьбы…». – В кн.: «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции». – «Астрель», 2012.

Гладилин А. «Аксеновская сага». – В кн.: «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции». – «Астрель», 2012.

Мощенко В. «Одинокий бегун на длинные дистанции». – В кн.: «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции». – «Астрель», 2012.

Садовников. Г. «Мой одноклассник Вася». – В кн.: «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции», «Астрель», 2012.

Мессерер Б. «В бесконечном объятии». – В кн.: «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции». – «Астрель», 2012.

Розовский М. «Дух юности и тайна гвинейского попугая». – В кн.: «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции». – «Астрель», 2012.

Петров Е. «Аксенов». – М.: «Молодая гвардия (ЖЗЛ)». – 2012.

Петров Д. «Сентиментальное путешествие». – М.: «Эксмо», 2012.

Есипов В. «Василий Аксенов и его поколение в романе „Таинственная страсть“». – «Вопросы литературы», 2012, № 4.

Латынина А. «“Нам приятно говорить о нем, как о живом…“ Две книги, в которых нет ничего общего, кроме названия „Аксенов“». – «НОВЫЙ МИР», 2012, № 9.

Есипов В. «О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским». – «Вопросы литературы», 2013, № 3.

Есипов В. «Василий Аксенов в литературном процессе конца 1960-1970-х годов (на материале официальной переписки из архива писателя)». – В кн.: «Сопоставительная филология и полилингвизм», т. 2, Казанский университет, 2013.

Есипов В. «Евгения Гинзбург и Василий Аксенов». – «Казань», № 8, 2014.

Есипов В. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова и «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева». – «Грани», 2015, №??

Из библиографии Аксенова

Художественные и публицистические произведения

1. Апельсины из Марокко: Повесть // Аксенов В. П. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Юность, 1995. – Т. 1. С. 337–450.

2. Асфальтовые дороги: Рассказ // Юность. 1959. № 7. С. 53–64.

3. Бумажный пейзаж: Роман // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т.5. С. 398–560.

4. Вне сезона: Рассказ // Литературная газета. 1971. 21 апр. С. 16.

5. Возникло ощущение живой страны // Собеседник. 1989. № 50. С 16–18.

6. В поисках грустного бэби. М.: Конец века, 1992. С. 135–477.

7. Всегда в продаже: Пьеса // Аксенов В. П. Право на остров. М.: Моск. рабочий. 1991. С. 383–443.

8. Вывод нежелательного гостя из дома: Рассказ // Литературная газета. 1968. 8 окт. С. 16.

9. Голубые морские пушки: Рассказ // Труд. 1967. 14 апр.

10. Жаль, что вас не было с нами: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. с. 325–352.

11. Желток яйца: Роман // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 4. С. 368–564.

12. Жизнь без прикрас: Беседа // Театральная жизнь.1990. № 8. С. 12–15.

13. Завтраки 43-го года: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. С. 301–310.

14. Звездный билет: Роман // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 1. С. 183–336.

15. Золотая наша Железка: Повесть // Юность. 1989. № 6. С. 10–38, № 7. С. 15–44.

16. Интервью ж. «Аврора» // Аврора. 1990. № 1. С. 23–24.

17. Интервью газ. «Культура» // Культура. Самара. 1994. № 27. С. 8.

18. Как Никита поссорился с писателями // Аргументы и факты. 1991. № 45.

19. Коллеги: Повесть // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 1. С. 7–182.

20. Коллеги: Пьеса (В. Аксенов, Ю. Стабавой) // Современная советская драматургия. М.: ВТО, 1961. С. 56–120.

21. Круглые сутки нон-стоп // *Аксенов В.* В поисках грустного

бэби. М.: Конец века, 1992. С. 7–134.

22. Любовь к электричеству: Роман. М.: Политиздат, 1974.

23. Маленький кит – лакировщик действительности: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т 2. С. 391–402.

24. Местный хулиган Абрамашвили: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. С. 373–390.

25. Мечта таксиста: Рассказ // Литературная газета. 1970. 26 авг. С. 16.

26. На полпути к Луне: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 1. С. 617–636.

27. Негатив положительного героя: Рассказы. М.: Вагриус-Изограф, 1996.

28. Новый сладостный стиль: Роман. М.: Изограф, 1997.

29. Ожог: Роман // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 3.

30. Остров Крым: Роман // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 4. С. 9–367.

31. Ответ на анкету ИЛ // Иностранная литература. 1989. № 3. С. 238.

32. Папа, сложи: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. С. 56–120.

33. Победа: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. С. 403–408.

34. Поиски жанра: Повесть // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. С. 9–138.

35. Пора, мой друг, пора: Повесть // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 1. С. 451–616.

36. Право на остров: Повесть // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 5. С. 561–584.

37. Право на свой остров: Беседа В. Ерофеева с В. Аксеновым // Огонек. 1990. № 2. С. 12–13.

38. Рандеву: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. С. 207–236.

39. Ранимая личность: Рассказ // Литературная газета. 1970. 21 янв. С. 16.

40. Рыжий с того двора: Рассказ // Литературная Россия. 1966. 26 авг. С. 6.

41. Свияжск: Повесть // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1991. Т. 4. С. 565-598.

42. Скажи изюм: Роман // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 5. С. 561–584.

43. Стальная птица: Повесть // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. С. 237–300.

44. Суперлюкс: Рассказ // Литературная Россия. 1978. 4 авг.

С. 16.

45. С утра до темноты: Рассказ // Литературная газета. 1960. 24 сент. С. 7.

46. Счастье на берегу загрязненного океана: Рассказ // Литературная газета. 1970. 23 сент. С. 16.

47. Товарищ Красивый Фуражкин: Рассказ // Аксенов В. П. Собр. соч. М.: Юность, 1995. Т. 2. С. 353–370.

48. Феномен пузыря: Рассказ // Литературная газета. 1969.19 нояб. С. 16.

49. Цапля: Пьеса // Аксенов В. Право на остров. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 444–502.

50. Четыре темперамента: Пьеса // Метрополь. М.: Текст, 1991. С. 508–551.

51. «Я в основном пишу для русских читателей» // Искусство кино. 1990. № 3. С. 53–60.

52. «Я, по сути дела, не эмигрант» // Юность. 1989. № 4. С. 80–83.

notes

Примечания

1

Справедливости ради следует заметить, что впервые такой герой появился года на два раньше у Анатолия Гладилина, но у Аксенова это получилось ярче.

2

Вторая жена Майя, ее дочь Алена и внук Иван.

3

Написанный по-английски и затем самим автором переведенный на русский язык.

4

Время написания 1994–1996 гг.

К этим немногим, безусловно, относятся А. И. Солженицын, В. Н. Войнович, в какой-то степени и сам А. Т. Гладилин.

Розовский М. Дух юности и тайна гвинейского попугая. – В кн. «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции», М.: Астрель, 2012, с. 23–25.

7

Эллендея и Карл (1938–1984) Профферы – американские профессора-слависты, создатели и руководители первого американского издательства русской литературы «Ардис». Начиная с 1971 года в «Ардисе» вышли на русском языке романы Владимира Набокова, Михаила Булгакова, Андрея Платонова, Василия Аксенова, Андрея Битова, Владимира Войновича, Фазиля Искандера, поэтические книги Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Владимира Сосноры и многих других прозаиков и поэтов, публикация которых в Советском Союзе была невозможна. См. о них: Василий Аксенов. «В поисках грустного бэби», New York: Liberty Publishing House, 1987, с. 199–209.

8

Анн-Арбор – «Мичиганский „большой маленький городок“, город-кампус с его университетской „так-сказать-готикой“, ресторанчиками, лавками и копировальными мастерскими даун-тауна, ярко освещенными до глубокой ночи книжными магазинами, толпами „студяр“, запашком марихуаны, символизирующим либеральное меньшинство, и пушистыми зверьками, снующими среди поселений стабильного большинства…» – так описал его Василий Аксенов в своей книге об Америке «В поисках грустного бэби» (New York: Liberty Publishing House, 1987, с. 200). Здесь располагалось издательство «Ардис».

9

См. книгу Эллендеи Проффер «Бродский среди нас», М.: АСТ: CORPUS, 2015.

10

Письмо находится в архиве Василия Аксенова, хранящемся в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына.

11

См. книгу Эллендеи Проффер «Бродский среди нас».

12

Впоследствии, в письме от 28 октября 1984 года, Бродский вынужден был признать это. «Я сожалею о тоне моего отзыва Карлу Профферу об „Ожоге“», – читаем в его письме Аксенову.

13

Цикл стихотворений «В Англии» (1977): «Всякий живущий на острове догадывается, что рано /или поздно все это кончается, что вода из-под крана…» («IV. Ист Финчли»).

14

Уменьшительное от Joseph (имя Бродского по-английски).

15

Карл и Эллендея Профферы – см. выше.

16

Проявление мании величия.

17

В американском журнале женской моды «Vogue», № 7, Jule 1977. P. 112. – «Why Russian Poets“ («Зачем российские поэты?»). Там Бродский, в частности, отмечал: «…достаточно сказать, что Ахмадулина куда более сильный поэт, нежели двое ее знаменитых соотечественников – Евтушенко и Вознесенский. Ее стихи, в отличие от первого, не банальны, и они менее претенциозны, нежели у второго». Не могло, по-видимому, устроить Аксенова и следующее место из статьи Бродского: «Несомненная наследница лермонтовско-пастернаковской линии в русской поэзии, Ахмадулина по природе поэт довольно нарциссический».

18

Нэнси Майселас – редактор в издательстве «Farrar, Straus and Giroux».

19

Известное, быть может, самое изысканное литературное издательство в Нью-Йорке, основанное в 1946 году Роджером Страусом. Иосиф Бродский пользовался особым расположением Страуса и имел в его глазах непререкаемый авторитет.

20

Большое нью-йоркское издательство.

21

Проффером.

22

Имеется в виду строка из стихотворного текста в «Ожоге» (глава «Сон в летнюю ночь») – Бродский, не желая эмигрировать в Израиль, указывал на якобы греческое происхождение.

23

Работа *(англ.)*.

24

См., в частности, ниже письмо Михаила Рощина Василию Аксенову.

25

См. выше извлечение из воспоминаний Марка Розовского.

26

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), М.: АСТ, с. 283–287.

27

Эллендея Проффер. «Бродский среди нас», с. 147–149. «Не испытывал сожалений», то есть был готов к разрыву.

28

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 321–323

29

Есипов В. О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским – в журнале «Вопросы литературы», № 3, 2013, с. 462.

30

Дочь Майи Аксеновой от первого брака.

31

Зять Майи.

32

В связи с отрицательным отзывом Бродского о романе «Ожог».

33

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 272.

34

Гладилин А. Т. Улица генералов. Попытка мемуаров. М.: Вагриус, 2008, с. 67–68.

35

Есипов В. О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским, с. 462–463.

36

Объясняя причину своего отрицательного отзыва об «Ожоге», Бродский писал в упомянутом письме: «Единственный повод у тебя иметь на меня зуб – это та история с „Ожогом“, хотя и это, с моей точки зрения, поводом быть не может, во всяком случае, не должно. Думаю, и тебе нравится далеко не все из того, что тебе доводилось читать, кем бы это ни было написано. Дело, разумеется, в обстоятельствах и в тех, в чьем присутствии человек выражает свое мнение. Но даже если бы меня и официально попросили бы высказать свое, я бы сказал то, что думаю. Особенно учитывая обстоятельства, т. е. тот факт, что русская литература здесь, в Штатах, существует примерно на тех же правах нац. меньшинства, что и штатская литература – в отечестве. Никто меня не просил рекомендовать или не рекомендовать „Ожог“ к публикации. Если бы спросили, я бы ответил отрицательно: именно в силу обстоятельств, именно потому, что всякая неудача подрывает авторитет не столько рекомендателя, сколько самой литературы – следующую книжку, может быть, даже лучшую, чем та, что потерпела неудачу, пробить будет труднее. Квота имеет обыкновение сокращаться, а не расширяться».

37

Аксенов имеет в виду следующее место из письма Бродского: «Даже если учесть, что мое отношение к „Ожогу“ не изменилось, даже если добавить к этому, что я и от „Острова“ не в восторге, у тебя нет никаких оснований для тех умозаключений, которые ты изложил Эллендее. Если говорить о чувстве, которое твоя литературная судьба (карьера, если угодно) у меня вызывает, то это, скорее всего, тревога, которую разделял и Карл (Проффер. – *В. Е.)».* И еще это: «Подобные предположения, как правило, являются результатом профессиональной неуверенности в себе – но у тебя для этого, по-моему, оснований не имеется – или нежеланием признаться себе в том или ином крахе».

38

У Бродского в письме читаем: «Повторяю, мое отношение к тебе не изменилось ни на йоту с той белой ночи с попугаем». См. выше извлечение из воспоминаний Марка Розовского.

39

Барышников упоминается Бродским в следующем контексте: «Я попросил дать мне почитать („Ожог“. – *В. Е.),* что она и сделала. Я унес его домой и вернул через месяц (я давал его почитать Барышу), сказав, что: а) мне сильно не понравилось и б) что это всего лишь мое частное, возможно, предвзятое мнение. На это Нэнси ответила, что да, они это отдали на рецензию какому-то профессору из славистов».

40

В своем письме Бродский написал: «Я понятия не имею, откуда у тебя это убеждение, будто я ставлю тебе палки в колеса. Милка (Лось, советская эмигрантка, бывшая жена драматурга Юлия Эдлиса. – *В. Е.*), и я уже не помню, кто еще, приписывает это влиянию Майи. Я в это не очень верю, хотя, по правде сказать, особенно не задумывался».

Весь тон письма, особенно это место, чрезвычайно нехарактерны для Аксенова, умевшего быть снисходительным и терпимым. Настолько велика была его обида на бывшего друга. Как рассказал Анатолий Гладилин, когда Бродский умер, Аксенов был глубоко потрясен его кончиной. Конечно же он знал ему истинную цену.

42

«Мрамор» действительно вряд ли можно отнести к творческим удачам Бродского.

43

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 287–289.

44

Сарнов Б. Капля крови, взятая на анализ. По поводу переписки В. Аксенова с И. Бродским и В. Максимовым – в журнале «Вопросы литературы», № 5, 2011.

45

Члены редакции газеты «Новый американец».

Это, конечно, художественное преувеличение. Аксенов прилетел с семьей, и единственный чемоданчик в руках означал, что они еще не получили багаж.

47

Вайль.

«Стишки» не могли составить ему конкуренцию!

49

Радио «Свобода»: «Диалог на Бродвее», Александр Генис, Соломон Волков, опубликовано 23.02.2015 22:00.

50

Письмо находится в архиве Василия Аксенова, хранящемся в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына.

«Новая Польша», 2008, № 7–8, novpol.ru.

Опубликовано: «Казань», № 8, 2014.

53

Магаданские сотрудники госбезопасности, увозившие Евгению Гинзбург в тюрьму, упоминаются в «Крутом маршруте».

Условное название КГБ.

55

Опубликовано: Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), М.: АСТ, с. 131–132.

Хорошо известное всем казанцам старшего возраста областное управление НКВД.

57

Доклад на международной конференции 2010 г. в г. Александрия (США, штат Вирджиния). Опубликовано: «Вопросы литературы», № 4, 2012.

Василий Аксенов. Таинственная страсть. М.: Изд-во «Семь дней», 2009, с. 8.

Там же, с. 51.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 119–121.

61

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 32–33.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 37–38.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 241.

Там же.

Там же, с. 242.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 251.

Там же, с. 237.

Там же, с. 468.

69

Там же, с. 521.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 521.

71

Там же, с. 523.

Там же, с. 527.

73

Там же, с. 529.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 533.

Там же, с. 551.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 551–552.

Там же, с. 552.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 552–553.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 567–568.

Василий Аксенов. Таинственная страсть, с. 49.

81

Василий Аксенов. Юность бальзаковского возраста // «Стрелец», Н.-Й. – Париж, 1985, № 10, с. 35.

82

Василий Аксенов. Воспоминания под гитару // «Стрелец», Н.-Й. – Париж, 1987, № 12, с. 27.

83

Борис Мессерер, муж Беллы Ахмадулиной.

84

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 241.

Имеется в виду писательская среда как внутри Советского Союза, так и эмигрантская.

86

В статье Василия Аксенова «Прогулка в калашный ряд» («Грани», № 133. 1984, с. 165–189).

87

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 262–263.

88

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), М.: АСТ, с. 270.

89

Александр Аничкин. Три улицы Беллы Ахмадулиной // «Стороны света», № 14, Нью-Йорк.

90

Доклад на международной конференции в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва, 2012.

Сарнов Б. «Затоваренная бочкотара как явление стиля»// Василий Аксенов. Антология сатиры и юмора России XX века». Т. 21, М.: «Эксмо», 2002, с. 8.

92

Левин Ю. Комментарий к поэме «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева. Грац: Изд. Хайнриха Пфайдля, 1996.

Ерофеев Венедикт. Москва – Петушки. М.: Изд. СП «Интербук», 1990, с. 38. Все цитаты приводятся по этому изданию, ссылки на страницы даются в тексте.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. С.-Пб.: Азбука, 2000.

Аксенов Василий. Затоваренная бочкотара. Сборник произведений. М.: Изд. «Изографус» – «Эксмо», 2002, *с. 69.* Все цитаты приводятся по этому изданию, ссылки на страницы даются в тексте.

Курицын В. Мы поедем с тобою на «А» и на «Ю» // НЛО, 1992, № 1.

97

См.: *Левин Ю.* Комментарий к поэме «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева.

98

Левин Ю. Комментарий к поэме «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева.

99

Сарнов Б. «Затоваренная бочкотара» как явление стиля, с. 6–7.

100

Левин Ю. Комментарий к поэме «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева.

101

Щеглов Ю. К. Из комментариев к «Затоваренной бочкотаре» В. Аксенова // НЛО, 2009, № 99.

102

Евгений Попов. Вертепщик Василий Аксенов // For Vassily Aksyonov Thoughts on Your Retirement George Mason Universiti. April 21, 2004».

103

Глэд Джон. Беседы в изгнании // «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции», М.: Астрель, 2012, с. 579.

Латынина Алла. Нам приятно говорить о нем как о живом… // Новый мир, 2012, № 9.

105

Доклад на международной конференции в Казанском университете, 2014. Опубликовано: «Сопоставительная филология и полилингвизм», т. 2, Казанский университет, 2013. С. 11–18.

Гладилин А. Т. Улица генералов. Попытка мемуаров. – М.: Вагриус, 2008. С. 320

107

Солоненко В. К. О книгах, книжниках и писателе Василии Аксенове – М.: Три квадрата, 2010. С. 376.

Не были опубликованы повести «Стальная птица» и «Золотая наша Железка», не могли быть опубликованы написанные в середине семидесятых романы «Ожог» и «Остров Крым», с боем, что называется, прошли в печать «Круглые сутки нон-стоп» и «Поиски жанра». Да и блистательная «Затоваренная бочкотара» вышла в 1968-м явно по чьему-то недосмотру (так считал и сам Аксенов) – это был его последний успех подобного рода.

109

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 397–398.

110

Беляев Альберт Андреевич (р. 1928) – партийный функционер, публицист, литературовед, с 1966 г. заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

111

Василий Аксенов. «Ловите голубиную почту…» Письма (1940–1990 гг.), с. 403 -404

112

Публикуется по рукописи, находящейся в архиве Василия Аксенова в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына.

113

«Процесс четырех» 1967 года над Александром Гинзбургом – за составление и распространение в самиздате «Белой книги» (о процессе Андрея Синявского и Юлия Даниэля, 1965–1966), над Юрием Галансковым – за составление и распространение в самиздате общественно-политического альманаха «Феникс–66» и сотрудниками Галанскова Алексеем Добровольским и Верой Лашковой. Всех четырех обвинили в антисоветской деятельности, в связях с эмигрантской организацией НТС (и, конечно, осудили).

114

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 398 – 399

115

«Мой дедушка – памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит».

«Любовь к электричеству».

117

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 400.

118

Повесть «Золотая наша Железка».

119

Василий Аксенов. Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 406–407.

М.: «Зебра-Е», 2007.

121

Василий Аксенов. Зеница ока. – М.: Вагриус, 2005. С. 5.

М.: Эксмо, 2010.

123

Опубликовано: «Знамя», № 5, 2012.

124

Опубликовано: *Василий Аксенов.* Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 15–19.

125

Вяселев Рустам Аллямович (1900–1967) – ректор Казанского мединститута, профессор («обаятельный и мудрый человек с мягкой улыбкой», – читаем в Википедии); дважды исключал Василия Аксенова из института, потому что тот уже находился в разработке органов госбезопасности как сын «врагов народа». Формальной причиной отчисления была анкета, заполнявшаяся Аксеновым при поступлении в институт, – абитуриент не указал, что его родители репрессированы.

126

Василий Аксенов дважды, по совету матери (см. ее письмо от 7.05.54), ездил в Москву, в Министерство здравоохранения, где обжаловал действия директора Вяселева. В Министерстве сочли решения директора не соответствующими времени (уже шла реабилитация незаконно репрессированных) – его дважды восстанавливали в институте.

127

Опубликовано: *Василий Аксенов.* Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 17–18.

128

Профессия врача, как это уже не раз отмечалось, была выбрана по совету матери и ее третьего мужа, которые не сомневались, что сына «врагов народа» рано или поздно тоже ожидает лагерь, а участь врача в лагере легче, чем у прочих.

129

Опубликовано: *Василий Аксенов.* Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 69–72.

130

Кто он, Алексей Александрович Орлов, узнать уже не у кого.

131

Сестра Е. Гинзбург.

132

Опубликовано: *Василий Аксенов.* Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 147–150.

133

Опубликовано: *Василий Аксенов.* Ловите голубиную почту… Письма (1940–1990 гг.), с. 293–297.

134

См.: THE THIRD WALE: Russian Literature in Emigration (ТРЕТЬЯ ВОЛНА: русская литература в эмиграции), Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishers, 1984.

135

Там же.

136

Владимир Марамзин – Сергею Довлатову, 2 апреля 1981 г. Печатается по рукописи, хранящейся в архиве Василия Аксенова в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына.

137

Сергей Довлатов – Владимиру Марамзину, 8 апреля 1981 г. Печатается по рукописи, хранящейся в архиве Василия Аксенова в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына.

138

Опубликовано: Василий Аксенов. «Ловите голубиную почту…» Письма (1940–1990 гг.), с. 411–413.

139

Оно сохранилось в рукописном виде. Название дано составителем.

140

Машинописная рукопись. Название дано составителем.

141

Опубликовано: «Казань», № 8, 2014.

Опубликовано: «Вопросы литературы», № 4, 2015.

143

Опубликовано: «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции», Астрель, 2012, с. 336–384.